Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 27. Выпуск 2

Санкт-Петербург
2024

Россия в глобальном мире
Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия*) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия*) – **ответственный редактор**;

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия*);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (*Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан*);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (*Шэньчжэньского университета, г. Шэньчжэнь, Китай*);

Калашникова Н.П. – д.полит.н., профессор (*Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан*);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (*Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия*);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (*Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия*);

Ли Цзинчен – к. полит. н., (*Шэньчжэньский университе, г. Шэньчжэнь, Китай*);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия*);

Оспанова А.Н. – PhD (*Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан*);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (*Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь*);

Сидорчук И.В. – д.ист.н., доцент (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия*);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (*Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия*).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (*по номенклатуре специальностей ВАК*):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала **-** создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ**:** сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки http://www.elibrary.ru, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ). С 2024г. входит в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

ISSN 2304-9472; ISSNe 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербурский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 27. Issue 2

Saint Petersburg
2024

Russia in the Global World
Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia)* – **Associate Editor**;

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*)

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Li Jingcheng **-** PhD in political science, *(Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – Doctor of History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

"***Russia in the Global World***" is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations, Global and Regional Studies).

5.6. Historical sciences (5.6.1. National Russian History, 5.6.2. Global History).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications" No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library http://www.elibrary.ru, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL). Since 2024. it has been included in the list High Certification Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ISSN 2304-9472; ISSNe 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

Вологина Н.В., Погодин С.Н. Участие Китая в международных организациях по исследованию Арктики 7

Лазарева В.Д., Ахтямова А.М., Рахматуллина Р.Ш. Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия – Пакистан – Китай в Кашмирском конфликте 21

Общество и политика

Шапчиц П.А. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия 47

Корчагин В.Л. Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны» 80

Момотюк С.В., Богданова Н.В. Механизмы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Германии 99

Страны, народы и культуры

Чжань Цзесун. Возможности и вызовы современного сотрудничества Китая, Японии и Южной Кореи: культурный аспект 117

Лофиченко О.П. Роль образовательных учреждений в реализации целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций в России 130

Евразийская интеграция

Бюлегенова Б.Б., Шермухамедова Н.А., Туремуратов О.Ж. Тенденции урбанизации в странах Центральной Азии: развитие агломераций за годы независимости (2000–2023 гг.) 150

Обзоры. Рецензии. Конференции

Коновалова К.А. К югу от Южной Америки 167

Шкатова Е.А., Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С. Арктика – природные условия и культурные адаптации в конце плейстоцена – голоцене (всероссийская научно-практическая конференция) 179

CONTENTS

International Relations

Vologina, N.V., Pogodin, S.N. China's Participation in the International Arctic Research Organization 7

Lazareva, V.D., Akhtiamova, A.M., Rakhmatullina, R.Sh. The Interests of the South Asian Strategic Triangle India – Pakistan – China in the Kashmir Conflict 21

Society and Politics

Shapchits, P.A. On the Registration of Public Ownership of Archaeological Heritage Sites 47

Korchagin, V.L. Conditions and Reasons for the Success of European Right-Wing Populist Movements on the Case of the Political Party «Finns Party» 80

Momotiuk, S.V., Bogdanova, N.V. Mechanisms of State Support for Small and Medium-Sized Enterprises in Germany 99

States, Nations and Cultures

Zhan Zesong. Opportunities and Challenges in Contemporary China – Japan – South Korea Cooperation: The Cultural Aspect 117

Lofichenko, O.P. Role of Educational Institutions in the Implementation of the United Nations Sustainable Development Goals in Russia 130

Eurasion Integration

Byulegenova, B.B., Shermuhamedova, N.A., Turemuratov, O.Zh. Urbanization Trends in Central Asian Countries: the Development of Agglomerations Over the Years of Independence (2000–2023) 150

Reviews. Conferences

Konovalova, K.A. To the South from South America 167

Shkatova, E.A., Ponkratova, I.Y., Lebedeva, L.S. The Arctic – Natural Conditions and Cultural Adaptations at the End of the Pleistocene – Holocene (All-Russian Scientific and Practical Conference) 179

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
INTERNATIONAL RELATIONS

research article
UDC: 327+911.1
DOI: 10.48612/RG/RGW.27.2.1

China's Participation in the International Arctic Research Organization

Natalia V. Vologina
Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus
nvshel@mail.ru

Sergey N. Pogodin ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ pogodin_sn@spbstu.ru

Abstract. *China's attention to the Arctic has increased significantly in recent decades due to a number of factors: vast mineral reserves, new sea routes, and the launch of international research campaigns. The latter factor provides legitimacy to China's entrenchment in the Arctic as a major power. The Chinese government has increased funding for scientific research in the region on an annual basis, as well as incentivising an additional number of researchers working on the Arctic issue. The government pays special attention to China's active participation in international organizations aimed at studying the Arctic.*

Cooperation with international organisations was initiated in 1996, when China joined the International Arctic Scientific Committee, and in 2013 joined the Arctic Council as an observer. Over the years, IASC has become the leading scientific network institute in the Arctic. China takes an active part in the work of the Committee, being the leader in Arctic research among non-Arctic countries. In 2013, the Arctic Circle organization was established. Chinese scientists took an active part in the annual scientific events held by this organization. In 2013, the People's Republic of China received the permanent observer status in the Arctic Council. China is actively engaged in the work with the University of the Arctic. This is an international project that unites scientific institutes, research organizations, and universities. The China-Scandinavian Arctic Research Center was organized in Shanghai in 2013. The Arctic has become an important region for the realization of the geopolitical ambitions of the People's Republic of China. Research activities are an important area of this policy. The study shows the sustainability of China's strategic interest in Arctic exploring policy.

***Keywords*:** Arctic; China’s Arctic policy; International Arctic Scientific Committee; Arctic Council; international cooperation

***For citation*:** Vologina, N.V., Pogodin, S.N. China's Participation in the International Arctic Research Organization. *Russia in the Global World*. Vol. 27. Iss. 2. P. 7–20. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.1

© Vologina, N.V., Pogodin, S.N., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 327+911.1
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.1

Участие Китая в международных организациях по исследованию Арктики

Вологина Наталья Владимировна
Белорусско-Российский университет, Могилев, Республика Беларусь
nvshel@mail.ru

Погодин Сергей Николаевич ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ pogodin_sn@spbstu.ru

Аннотация. *За последние десятилетия внимание Китая к Арктике значительно возросло, что объясняется рядом факторов: огромные запасы полезных ископаемых, новые морские пути, развертывание международных научно-исследовательских кампаний. Последний фактор обеспечивает легитимность закрепления Китая в Арктике как великой державы. Китайское правительство ежегодно увеличивает финансирование научных исследований в регионе, а также стимулирует увеличение научных работников, занимающихся Арктикой. Особое внимание уделяется активному участию Китая в международных организациях по изучению Арктики. Начало сотрудничеству с международными организациями началось в 1996 г., когда Китай вступил Международный Арктический Научный Комитет, а в 2013 г. вошел на правах наблюдателя в Арктический Совет. За прошедшие годы IASC стал ведущим научным сетевым институтом в Арктике, в котором Китай принимает самое активное участие, являясь лидером в арктических исследованиях среди неарктических стран. В 2013 г. была создана организация Arctic Circle («Полярный круг»), в работе которой китайские ученые принимали активное участие в ежегодных научных мероприятиях. В 2013 г. Китайская Народная Республика получила статус постоянного наблюдателя в Арктическом Совете. Китай активно работает с «Университетом Арктики», представляющий собой международный проект, объединяющий научные институты, научно-исследовательские организации, университеты. В Шанхае в 2013 г. был организован «Китайско-скандинавский центр арктических исследований». Арктика стала важным регионом для реализации геополитических амбиций Китайской Народной Республики, важным направлением этой политики является научно-исследовательская деятельность. Исследование показывает устойчивость стратегического интереса Китая к политике освоения Арктики.*

***Ключевые слова*:** Арктика; арктическая политика Китая; Международный арктический научный комитет; Арктический Совет; международное сотрудничество

***Для цитирования*:** Вологина Н.В., Погодин С.Н. Участие Китая в международных организациях по исследованию Арктики // Россия в глобальном мире. Т. 27. Вып. 2 С. 7– 20. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.1

© Вологина Н.В., Погодин С.Н., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Научная специальность ВАК: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Introduction

Since the 21st century the People's Republic of China (PRC) have become more interested in the Arctic. This interest is determined by the geopolitical trends of China, abundant natural resources, chance to use the Northern Sea Route for rapid exports of Chinese goods to Europe, and also to do profound research into the region.

Obviously, the first two factors are priority lines in the PRC policy, which are aimed at the national economic development. The third factor contributes to legitimizing China in the Arctic, hereby setting China's ambitions as a superpower [1]. This factor is confirmed by annual subsidies of over $60 million for polar research of China, which exceeds the ones of the USA [2]. China's government is planning to increase a number of researchers, involved in the Arctic studies [3, p. 53]. According to the international analysts, to date, PRC has made a great progress in the Arctic studies, by keeping ahead of the Arctic states in most aspects. In addition, among the non-Arctic States, China has a comprehensive research program to study the region [4, p. 57].

PRC has been a IASC[1] member since 1996, whereas in 2013 it gained the observer status in the Arctic Council. In January 2018, the State Council Information Office of the People's Republic of China published the White Paper titled "China's Arctic Policy" [5], where it was declared the clear positions of China to expand its cooperation with the international community primarily in the field of environmental affairs [6, с. 160].

The present paper provides the analysis and materials for studying PRC's activity as a member of the International Organizations of Arctic Studies. Several Russian and Chinese authors elaborate on this issue in their research papers: L.V. Filippova [1], V.N. Konyshev and A.A. Sergunin [7], K.G. Muratshina and A.E. Ivanova [8], V.R. Avkhadeev [9]. D.S. Tulupov [10], D.D. Baramidze [11], Wang

[1] International Arctic Science Committee: [сайт]. URL: https://iasc.info (дата обращения: 26.04.2022).

Juntao [12], Xu Guangmiao [13], Lei Shuang [14], Tao Pingo, Chen Yougang, Qin Qing [15], Long Tsui [вып. 1, 16], A.D. Inyakina, V.S. Kudryashev et al [17].

Materials and Research Results

PRC sets a paramount goal to participate actively in the international organizations which explore the Arctic. One of their main vectors is scientific research.

In 1996, PRC became a member of IASC. It was an international non-governmental organization, established in 1990, whose aim was versatile assistance to research cooperation on numerous issues in the Arctic between the countries, closely involved in the studies of this region. The members are represented by national research institutions working on Arctic issues [18]. The Committee includes 23 countries, which are non-Arctic States, with China being one of them. The Committee focuses mainly on the social, political, economic, and environmental matters, which require unique solutions and offer new challenges for the international cooperation [19]. The most active participation in the work of the Committee belongs to China. Chinese researchers form working groups studying marine environment, ecosystems, climate impact on ice.

Thus, IASC is the largest research institute in the Arctic, and the People's Republic of China is the leader in the Arctic research among non-Arctic States. In 2005, China hosted the IASC Summit titled "The Arctic Science Week". Chinese researchers are actively involved in IASC programs, targeted at the Arctic Climate Research.

The major IASC project has become the year-round expedition to the Arctic region, which was called MOSAIC[2] in 2019–2020. The project involved more than twenty countries, including China, represented by 80 research institutes. IASC also organized the research project "Pacific Arctic Group" aimed at studying the biochemical, geological, physical impact on permafrost. In the framework of this program China took part in the project of the "Polar Research Institute of China". Results of CHINARE[3] 11 were published in March 2020 [20].

It is 2013 when the «Arctic Circle» international research organization was established. It united Chinese scientists, who participated in annual scientific

[2] MOSAIC – Multidisciplinary Drifting Observatory for the Study of the Arctic Climate.
[3] CHINARE – Chinese National Arctic Research Expedition.

events held by the organization. The events included the Arctic Frontiers conferences, which contributed to relevant research networking. Chinese scientists are actively involved in the Arctic Circle events [21; 22]. By their initiative, Shanghai hosted the Arctic Circle China Forum in 2019 considered issues of PRC's role and status in the Arctic region; special attention was paid to paving the Polar Silk Road, and tasks of sustainable development [23].

PRC took part in the MOSAIC work targeted at studying the climate in the Arctic. Apart from China, the drifting observatory united German researchers on the "Polarstern" icebreaker. Additionally, China participated in the work of EISCAT[4] Scientific Association [22; 24].

The People's Republic of China joined the Arctic Council as a permanent observer in 2013. The Arctic Council was initiated by the Government of Finland in 1989. The Arctic Council was founded by eight Arctic States, the organization was officially established after the governments of the Arctic States had signed the Ottawa Declaration on September 19, 1996 [25].

However, the Declaration cannot be regarded as an international treaty, as it has not been ratified by the member countries and has not been registered by the United Nations. The Declaration only outlines the scope of the Arctic Council activities. The important principle of decision making is based on consensus. Such a principle allows the member states to unite efforts in finding solutions to the common problems, without imposing their views on other participants. The Arctic Council does not deal with the issues of military security, its main goal is commitment to cooperation in the Arctic region in such fields as environmental protection and sustainable development [26; 27, с. 5–7].

Initially, in 2009, PRC applied to the Arctic Council for the Permanent Observer status. However, the request was denied by the initiative of Norway for the reason of the blatant manifestation of Chinese nationalism. It is worth highlighting the activity and variety of methods PRC used to join the Arctic Council. China participated in the conferences at the level of profile ministries, organized business trips to the Arctic Council for Chinese researchers who work in different scientific areas, i.e. international relations [28; 29]. High-ranking Chinese leaders, e.g. Premier of the State Council of PRC Wen Jiabao, during

[4] EISCAT – European Incoherent Scatter Scientific Association.

the visit in 2012 to the Scandinavian countries actively promoted the issue of China's accession to the Arctic Council.

In 2013, PRC was admitted to the Arctic Council as a Permanent Observer. This was claimed at the Ministerial meeting in Sweden and approved by Kiruna Declaration [30]. The new status provided China with access to the information related to Arctic research coordination, gave China an opportunity to take part in the Arctic Council meetings, or in research initiative groups. The example of this participation became the Working Group on implementation of the Arctic Monitoring and Assessment Program. This program aims to monitor the climate change in the Arctic.

In 2014, China was actively involved in the research project targeted at observations of temperature and salinity in the Arctic region. The goal of the project was to assess the climate effect in the Arctic, its impact on air and human health. In 2018, PRC signed the International Agreement to Prevent Unregulated Fishing in the High Seas of the Central Arctic Ocean. China contributed a lot to signing this document. In accordance with the Agreement, there are no industries in the region, which is a "preventive approach' to rational usage of Arctic resources [31].

China organized research on the migration patterns of Arctic migratory birds. This research was part of the project of the Working Group on Protection of Arctic Flora and Fauna". The project aimed to study habitat and migration patterns of birds. Based on the obtained results. China held the seminar in China, 2018. Chinese researchers were also involved in the project "Actions for Arctic Biodiversity". The problems raised by this project were limited to studying features of the Arctic Climate and assessing emerging environmental risks [32].

What is of particular interest is the attitude of the Arctic states to PRC. In terms of this, we provide the opinion of the Arctic expert D.S. Tulupov on China's membership in the Arctic Council: "First, there is a set of seven criteria that each new observer in the AC must comply with. Among them, the key criteria are the requirements to "recognize the Arctic states' sovereignty, sovereign rights and jurisdiction in the Arctic", and to "recognize that an extensive legal framework applies to the Arctic Ocean, notably, the Law of the Sea, and that this framework provides a solid foundation for responsible management of this ocean". Second, observers are invited to participate directly in the work of the Arctic Council at the level of its subsidiary bodies, but may

also be invited to special meetings when necessary, subject to consensus among the eight members of the Organization. At the AC meetings, observers may, at Chair's discretion, submit written or oral statements on issues under consideration, as well as participate in the discussion" [10].

Assumingly, China's activity in the Arctic Council is ambivalent. China has the right to participate in programs and projects without being an equal participant, but only ranked as a member of the observers' board. Recognition of the Arctic States' sovereignty encourages China to strengthen its status, which leads to the designation of China in their official documents not as a "non-Arctic state", but as a "near-Arctic state". In this regard, we can give the example of an incorrect statement published by Cheng Baozhi, a researcher of the Shanghai Institute for International Studies: "It is unimaginable that non-Arctic states will remain users of Arctic shipping routes and consumers of Arctic energy without playing a role in the decision-making process, and an end to the Arctic states' monopoly of Arctic affairs is now imperative" [10]. This statement can be considered as China's pursuit not to be on the sidelines in the Arctic.

Such a position of the People's Republic of China caused disapproval of the Arctic States, members of the Arctic Council. They provoked talks about the "Chinese threat to the Arctic region" [33]. The professor of the Shanghai Institute for International Studies Yang Jian responded that China "respects the sovereignty and sovereign rights of Arctic countries", "has no direct interest in the Arctic region and will not use its influence", but "as a large country, …it has a contribution to make in advancing the causes of peace and security in the region" [10].

It is also worth analyzing the USA policy regarding the PRC presence in the Arctic Council as an observer. Initially, the USA had a positive attitude to China's activities in this international organization, considering Beijing as a reliable partner in this region. Barack Obama's Administration regarded the Arctic Council as a platform to attract China to the global issues of climate change [34]. However, Donald Trump's Government had a destructive impact on the cooperation between PRC and USA, which had a destabilizing effect on their relations in the Arctic [35].

China cooperates closely with the University of the Arctic (UArctic). This is an international project that unites research institutes, scientific organizations, universities. The aim of the project is to offer educational opportunities for students and researchers involved in the Arctic research programs. UArctic is an

educational institution. In 2011, the Association of Sino-Russian Technical Universities was established. The Association brought together 60 Chinese and Russian engineering universities, which work in the framework of the UArctic project [36].

By the Chinese initiative in 2013, the China-Nordic Research Center (CNARC)[5] was founded in Shanghai. CNARC's purpose was to research the Arctic climate change, and also the Arctic economic development. The Center became a platform for international research cooperation of analytical institutions from Iceland, China, Norway, Finland, and Sweden. The China-Nordic Research Center regularly organizes scientific events, aimed at the analysis of sustainable development, China's Polar Silk Road. All the events allow China to become an active participant of Arctic exploration, along with the Arctic States [37; 38, c. 63].

Conclusion

The Arctic has become an important region to implement geopolitical ambitions of the People's Republic of China. The paramount trend of this policy is research activity. There are three periods in the international research activity of China. The first period – 1980–90s – is the beginning of active exploration of the Arctic by China. The second period – 2000–2018 – is characterized by China's active participation in International Organizations of Arctic Studies. China becomes the major player in the Arctic, since it gained the status of the permanent observer in the Arctic Council. PRC is actively involved in the events of the Arctic Circle, representing its interest in the Arctic at research conferences and summits. The third period marks China's publication of the White Paper (2018) and lasts to the present. The publication of this document is PRC's declaration of its leading position in the Arctic region. The White Paper outlines the main principles of international cooperation with Arctic organizations.

China's strategy in the Arctic research international organizations can be described as balanced and moderate. PRC is pursuing a flexible policy aimed at defending its interests in the Arctic region, hereby strengthening its positions in the Arctic.

[5] CNARC – The China-Nordic Research Center.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филиппова Л.В. Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 279–295.
2. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112–144.
3. Smieszek, M., Koivurova, T., Nielsson, E. China and Arctic Science // In Chinese policy and presence in the Arctic 2020. P. 42–61. [эл. доступ]. URL: https://brill.com/display/book/edcoll/9789004408425/BP000004.xml (дата обращения: 12.01.2024).
4. Yilmaz, S. Exploring China's Arctic strategy: Opportunities and challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 03. Iss. 1. P. 57–78. [эл. доступ]. URL: https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S237774001750004X (дата обращения: 14.01.2024).
5. China's Arctic Policy. 26.01.2018 // The State Council Information Office of the People’s Republic of China: [сайт]. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 14.01.2024).
6. Петровский В.Е. Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 154–167. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rossii-i-kitaya-v-arktike-sravnitelnyy-analiz (дата обращения: 15.01.2024).
7. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 3 (34). С. 27–36.
8. Муратшина К.Г., Иванова А.Е. Политика Китая в Арктическом Совете // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 120–128.
9. Авхадеев В.Р. Механизм международного сотрудничества по проблемам Арктики: развитие на современном этапе и в перспективе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 332–353.
10. Тулупов Д. Членство Китая в Арктическом совете. 19.07.2013 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chlenstvo-kitaya-v-arkticheskom-sovete/ (дата обращения: 15.01.2024).
11. Барамидзе Д.Д. Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и Право». 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 98–101.
12. Ван Цзюньтао. Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Санкт-Петербург, 2016. 24 с.
13. Сюй Гуанмяо. Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 52–62.
14. Лэй Шуан. Мотивы участия Китая в международном управлении Арктикой // Арктика и Север в контексте развития международных процессов. Материалы IV Международной научно-практической конференции аспирантов, студентов и молодых ученых. Архангельск. 2021. С. 11–15.
15. Чэнь Юйган 陈玉刚, Тао Пинго 陶平国, Цинь Цянь 秦倩. Бэйцзи лиши хуэй юй бэйцзи гоцзи хэцзо яньцзю 北极理事会与北极国际合作研究 [Арктический Совет и

совместные международные Арктические исследования]. // Гоцзи гуаньча 国际观察 [Международное обозрение]. 2011. №4. С. 17–23.
16. Цуй Лун. Исследование Арктики китайскими учеными (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 140–153.
17. Инякина А.Д., Кудряшов В.С., Кулев А.Ю. Международный Арктический научный комитет в системе международных отношений // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. № 20. С. 41–49.
18. International Arctic Science Committee STRATEGIC PLAN 2018–2023. Enhancing Knowledge and Understanding of the Arctic. [эл. доступ]. URL: https://iasc.info/images/about/organization/StrategicPlan2018_layout_web.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
19. The Expedition in Numbers // MOSAIC. International Arctic Drift Expedition. [эл. доступ]. URL: https://mosaic-expedition.org/wp-content/uploads/2021/02/mosaic_factsheet_expedition-in-numbers_engl.pdf (дата обращения: 17.01.2024).
20. China´s Xue Long 2 in the Arctic for the 13th CHINARE research expedition. 28.07.2023 // Arctic Portal.org. The Arctic Gateway: [сайт]. URL: https://arcticportal.org/ap-library/news/3267-china-s-xue-long-2-in-the-arctic-for-the-13-th-chinare-research-expedition (дата обращение: 16.01.2024).
21. What is PAG? // Pacific Arctic Group: [сайт]. URL: https://pag.arcticportal.org/ (дата обращения: 16.01.2024).
22. Bowman, L., Qingchao Xu. China in the Arctic: Policies, Strategies, and Opportunities for Alaska. Fairbanks: Center for Arctic Policy Studies, 2020. 24 p. [эл. доступ]. URL: https://www.uaf.edu/caps/our-work/Bowman%20and%20Xu_2020_China%20in%20the%20Arctic_Final18Feb2020.pdf (дата обращения: 18.01.2024).
23. Arctic Circle China Forum. 06.05.2019 // Arctic Portal.org. The Arctic Gateway: [сайт]. URL: https://arcticportal.org/ap-library/news/2160-arctic-circle-china-forum (дата обращения: 21.01.2024).
24. Pelaudeix, C. Along the Road: China in the Arctic // European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2018. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/329879504_Along_the_Road_China_in_the_Arctic (дата обращения: 21.01.2024).
25. Журавель В.П. Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования) // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 220–233.
26. Declaration on the Establishment of the Arctic Council, September 19, 1996. Ottawa, Canada, 1996: [сайт]. URL: http://library.arcticportal.org/1270/1/ottawa_decl_1996-3..pdf (дата обращения: 24.01.2024).
27. Арктический совет: статус и деятельность. Доклад №67/2021 / А.Н. Вылегжанин, И.В. Буник, Н.С. Вяхирева и др.; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД, 2021. 94 с.
28. Дудин М.Н., Иващенко Н.П. Мировой опыт и тенденции инновационного освоения Арктических территорий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 107–117.
29. Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43–52.

30. Kiruna Declaration. 15 may 2013 // Arctic Council official website: [сайт]. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/93/MM08_Kiruna_Declaration_final_formatted.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 25.01.2024).
31. Международное научное сотрудничество в Арктике / под ред. Н.К. Харлампьевой. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2017. 144 с.
32. Actions for Arctic Biodiversity 2013-2021. Implementing the recommendations of the Arctic Biodiversity Assessment // Conservation of Arctic Flora and Fauna (CAFF): [сайт]. URL: https://pame.is/mema/MEMAdatabase/342_Actions_for_Arctic_Biodiveristy_2013-2021.pdf (дата обращения: 25.01.2024).
33. Загорский А.В. Китай принимает условия в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7. С. 76–83.
34. Wishnick, E. China's Interests and Goals in the Arctic: Implications for the United States. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, Carlisle, PA, 2017. 116 p.
35. Труш С.М. Политика Д. Трампа в отношении Китая: мотивация, эволюция, итоги // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 69–92.
36. Конышев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77–92.
37. China & the Arctic: a View to 2050. 19.04.2021 // University of the Arctic (UArctic): [сайт]. URL: https://www.uarctic.org/news/2021/4/china-the-arctic-a-view-to-2050/ (дата обращения: 26.01.2024).
38. Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1(28) С. 54–73.

REFERENCES

1. Filippova L.V. Nauchnyy potentsial v Arktike [China's Arctic Research Potential]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike*. *Istoriya i sovremennost*. 2019. T. 24. № 24. P. 279–295. (In Russian).
2. Zhuravel V.P. Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. *Arktika i Sever*. 2016. № 24. P. 112–144. (In Russian).
3. Smieszek, M., Koivurova, T., Nielsson, E. China and Arctic Science. *In Chinese policy and presence in the Arctic 2020*. P. 42–61. Available at https://brill.com/display/book/edcoll/9789004408425/BP000004.xml (accessed: 12.01.2024).
4. Yilmaz, S. Exploring China's Arctic strategy: Opportunities and challenges. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 03. Iss. 1. P. 57–78. Available at https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S237774001750004X (accessed: 14.01.2024).
5. China's Arctic Policy. 26.01.2018. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 14.01.2024).
6. Petrovskiy V.Ye. Strategiya Rossii i Kitaya v Arktike: sravnitelnyy analiz [Strategy of Russia and China in the Arctic: Comparative Analysis]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike*. *Istoriya i sovremennost*. 2020. T. 25. № 25. 154–167. P. 154–167. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rossii-i-kitaya-v-arktike-sravnitelnyy-analiz (accessed: 15.01.2024). (In Russian).

7. Konyshev V.N., Sergunin A.A. Mezhdunarodnyye organizatsii i sotrudnichestvo v Arktike [International Organizations and Cooperation in the Arctic]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*: *obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. 2011. № 3 (34). P. 27–36. (In Russian).
8. Muratshina K.G., Ivanova A.Ye. Politika Kitaya v Arkticheskom Sovete [China's Policy in the Arctic Council]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 423. P. 120–128. (In Russian).
9. Avkhadeyev V.R. Mekhanizm mezhdunarodnogo sotrudnichestva po problemam Arktiki: razvitiye na sovremennom etape i v perspective [Mechanism of International Cooperation in Arctic: Development and Prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2018. № 4. P. 332–353. (In Russian).
10. Tulupov D. Chlenstvo Kitaja v Arkticheskom sovete [China's Membership in the Arctic Council]. 19.07.2013. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* (*RSMD*). Available at https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chlenstvo-kitaya-v-arkticheskom-sovete/ (accessed: 15.01.2024). (In Russian).
11. Baramidze D.D. Mezhdunarodnoye ekologicheskoye sotrudnichestvo v Arktike [International Environmental Cooperation in Arctic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya*: *Ekonomika i Pravo*. 2016. T. 26. Iss. 4. P. 98–101. (In Russian).
12. Van Tszyuntao. Formy uchastiya Kitaya v mezhdunarodnoy deyatelnosti v Arktike [Forms of China's Participation in International Activities in the Arctic]: avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. Sankt-Peterburg, 2016. 24 p. (In Russian).
13. Syuy Guaanmyao. Interesy i politika Kitaya v Arktike: istoriya, pravovyye osnovy i realizatsiya [China's Arctic Interests and Policy: History, Legal Ground and Implementation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2016. T. 60. № 2. P. 52–62. (In Russian).
14. Ley Shuan. Motivy uchastiya Kitaya v mezhdunarodnom upravlenii Arktikoy [Motives for China's Participation in International Arctic Governance]. *Arktika i Sever v kontekste razvitiya mezhdunarodnykh protsessov*. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii aspirantov, studentov i molodykh uchenykh. Arkhangelsk. 2021. P. 11–15. (In Russian).
15. Chen Yugang 陈玉刚, Tao Pingguo 陶平国, Qin Qian 秦倩. Beiji lishi hui yu beiji guoji hezuo yanjiu 北极理事会与北极国际合作研究 [Arctic Council and Arctic International Collaborative Research]. *Guoji guancha* 国际观察 [*International Observation*]. 2011. №4. P. 17–23. (In Chinese).
16. Cui Long. Issledovaniye Arktiki kitayskimi uchenymi (istoricheskiy aspekt) [Chinese Research on the Arctic (Historical Aspect)]. *Rossiya v globalnom mire*. 2024. T. 27. Iss. 1. P. 140–153. (In Russian).
17. Inyakina A.D., Kudryashov V.S., Kulev A.Yu. Mezhdunarodnyy Arkticheskiy nauchnyy komitet v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [Arctic Scientific Committee in the System of International Relations]. *Uchenyye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*. 2020. № 20. P. 41–49. (In Russian).
18. International Arctic Science Committee STRATEGIC PLAN 2018–2023. Enhancing Knowledge and Understanding of the Arctic. Available at https://iasc.info/images/about/organization/StrategicPlan2018_layout_web.pdf (accessed: 15.01.2024).

19. The Expedition in Numbers. *MOSAIC. International Arctic Drift Expedition*. Available at https://mosaic-expedition.org/wp-content/uploads/2021/02/mosaic_factsheet_expedition-in-numbers_engl.pdf (accessed: 17.01.2024).
20. China´s Xue Long 2 in the Arctic for the 13th CHINARE research expedition. 28.07.2023. *Arctic Portal.org. The Arctic Gateway*. Available at https://arcticportal.org/ap-library/news/3267-china-s-xue-long-2-in-the-arctic-for-the-13-th-chinare-research-expedition (accessed: 16.01.2024).
21. What is PAG? *Pacific Arctic Group*. Available at https://pag.arcticportal.org/ (accessed: 16.01.2024).
22. Bowman, L., Qingchao Xu. China in the Arctic: Policies, Strategies, and Opportunities for Alaska. Fairbanks: Center for Arctic Policy Studies, 2020. 24 p. Available at https://www.uaf.edu/caps/our-work/Bowman%20and%20Xu_2020_China%20in%20the%20Arctic_Final18Feb2020.pdf (accessed: 18.01.2024).
23. Arctic Circle China Forum. 06.05.2019. *Arctic Portal.org. The Arctic Gateway*. Available at https://arcticportal.org/ap-library/news/2160-arctic-circle-china-forum (accessed: 21.01.2024).
24. Pelaudeix, C. Along the Road: China in the Arctic. *European Union Institute for Security Studies (EUISS)*. 2018. Available at https://www.researchgate.net/publication/329879504_Along_the_Road_China_in_the_Arctic (accessed: 21.01.2024).
25. Zhuravel V.P. Arkticheskiy sovet: osnovnyye vekhi razvitiya (k 25-letiyu obrazovaniya) [The Arctic Council: Main Development Milestones (To the Twenty-Fifth Anniversary of the Council's Founding)]. *Arktika i Sever*. 2022. № 46. P. 220–233. (In Russian).
26. Declaration on the Establishment of the Arctic Council, September 19, 1996. Ottawa, Canada, 1996. Available at http://library.arcticportal.org/1270/1/ottawa_decl_1996-3..pdf (accessed: 24.01.2024).
27. Arkticheskij sovet: status i dejatel'nost'. Doklad №67/2021 [Arctic Council: status and activities. Report No. 67/2021]. A.N. Vylegzhanin, I.V. Bunik, N.S. Vjahireva i dr.; *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* (RSMD). M.: NP RSMD, 2021. 94 p. (In Russian).
28. Dudin M.N., Ivashchenko N.P. Mirovoy opyt i tendentsii innovatsionnogo osvoyeniya Arkticheskikh territoriy [International experience and trends of innovative development of Arctic territories]. *MIR* (*Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye*). 2015. T. 6. № 4. P. 107–117. (In Russian).
29. Yagya V.S., Kharlampyeva N.K., Lagutina M.L. Arktika - novyy region vneshney politiki Kitaya [The Arctic – a New Region for the China's Foreign Policy] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. *Seriya*: *Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2015. № P. S. 43–52. (In Russian).
30. Kiruna Declaration. 15 may 2013. Arctic Council official website. Available at https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/93/MM08_Kiruna_Declaration_final_formatted.pdf?sequence=5&isAllowed=y (accessed: 25.01.2024).
31. Mezhdunarodnoye nauchnoye sotrudnichestvo v Arktike [International Scientific Cooperation in the Arctic]. Ed. by N. K. Kharlampyevoĭ. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2017. 144 p. (In Russian).

32. Actions for Arctic Biodiversity 2013-2021. Implementing the recommendations of the Arctic Biodiversity Assessment // Conservation of Arctic Flora and Fauna (CAFF). Available at https://pame.is/mema/MEMAdatabase/342_Actions_for_Arctic_Biodiveristy_2013-2021.pdf (accessed: 25.01.2024).
33. Zagorskiy A.V. Kitay prinimayet usloviya v Arktike [China Accepts Rules in the Arctic] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2019. T. 63. № 7. P. 76–83. (In Russian).
34. Wishnick, E. China's Interests and Goals in the Arctic: Implications for the United States. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, Carlisle, PA, 2017. 116 p.
35. Trush S.M. Politika D. Trampa v otnoshenii Kitaya: motivatsiya, evolyutsiya, itogi [Trump's China Policy: Motivation, Evolution, Outcomes] // *Rossiyskoye kitayevedeniye*. 2023. № 3 (4). P. 69–92. (In Russian).
36. Konyshev V.N., Kobzeva M.A. Politika Kitaya v Arktike: traditsii i sovremennost [China's Arctic Policy: Traditions and Modernity]. *Sravnitelnaya politika*. 2017. T. 8. № 1. P. 77–92. (In Russian).
37. China & the Arctic: a View to 2050. 19.04.2021. *University of the Arctic* (*UArctic*). Available at https://www.uarctic.org/news/2021/4/china-the-arctic-a-view-to-2050/ (accessed: 26.01.2024).
38. Komissina I.V. Arkticheskiy̆ vektor vneshney̆ politiki Kitaya [Arctic Vector of Chinese Foreign Policy]. *Problemy natsionalnoy strategii*. 2015. № 1(18). P. 54 –73. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Vologina Natalia V. – Candidate of Sciences in Politics, Associated Professor, vice-rector for academic work. Belarusian-Russian University.
E-mail: nvshel@mail.ru
Pogodin Sergey N. – Professor, Doctor of History, Director of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru
The authors declare no conflict of interests.

Вологина Наталья Владимировна – доцент, кандидат политических наук, проректор по учебной работе. Белорусско-Российский университет.
E-mail: nvshel@mail.ru
Погодин Сергей Николаевич – профессор, доктор исторических наук, директор Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024. Одобрена после рецензирования 03.04.2024. Принята 09.04.2024.
Received 12.02.2024. Approved after reviewing 03.04.2024. Accepted 09.04.2024.

научная статья
УДК: 327.5+94
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.2

Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия – Пакистан – Китай в Кашмирском конфликте

Лазарева Варвара Дмитриевна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
lazareva2.vd@edu.spbstu.ru

Ахтямова Азалия Маратовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
ahtyamova.am@edu.spbstu.ru

Рахматуллина Регина Шамилевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ namelessregina@gmail.com

Аннотация. *Кашмирский конфликт затрагивает множество аспектов, таких как: борьба за контроль над данной территорией, активные военные действия, применение ядерного оружия, а также религиозные разногласия, проблемы экологии и экономическая заинтересованность сторон. Исследование направлено на анализ национальных интересов Индии, Пакистана и КНР на территории Кашмира. Китайская Народная Республика претендует на владение ресурсами Кашмира, ищет пути реализации своих политических и экономических интересов в Южной Азии и принимает участие в конкуренции за влияние в данном регионе. В фокусе исследования характеристика основных направлений интересов в треугольнике Индия – Пакистан – Китай. Анализ отечественных и зарубежных источников и литературы показал, что данный конфликт широко обсуждается в научном сообществе, однако сводной комплексной картины ситуации не сформировано. При проведении исследования использовался ряд методов, предполагающих классификацию, проведение сравнительного анализа, дескриптивное описание и логико-интуитивного анализ. В ходе исследования определены территориальные, геостратегические, военные и экономические амбиции каждой страны, а также были рассмотрены взаимоотношения между сторонами, их разногласия и приоритеты, касающиеся национальной безопасности, использования ядерного оружия и региональной стабильности. Кроме того, авторами установлены новые закономерности соперничества Индии, Пакистана и Китая, определенные современными геополитическими процессами, дается описание религиозных противоречий сторон, а также рассматриваются индивидуальные пути осуществления государственных*

интересов в разных направлениях и актуальная стадия конфликта на данной территории. Помимо этого, выявлены основные политические, экономические и военные направления интересов каждого государства, а именно желание каждой стороной установления контроля за территорией и получения доступа к природным ресурсам, а также защиты своих границ. Значение проведенного исследования состоит в предоставлении списка направлений интересов стран Южно-Азиатского стратегического треугольника, что позволит оценить и повысить эффективность путей решения Кашмирского конфликта с целью предотвратить потенциальную угрозу новой мировой войны.

***Ключевые слова*:** геополитика; Индия; Пакистан; Китайская Народная Республика; территориальные споры; ядерное оружие; этноконфессиональная ситуация

***Для цитирования*:** Лазарева В.Д., Ахтямова А.М., Рахматуллина Р.Ш. Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия – Пакистан – Китай в Кашмирском конфликте // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 21–46. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.2

© Лазарева В.Д., Ахтямова А.М., Рахматуллина Р.Ш., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 327.5+ 94
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.2

The Interests of the South Asian Strategic Triangle India – Pakistan – China in the Kashmir Conflict

Varvara D. Lazareva
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
lazareva2.vd@edu.spbstu.ru

Azaliia M. Akhtiamova
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
ahtyamova.am@edu.spbstu.ru

Regina Sh. Rakhmatullina ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ namelessregina@gmail.com

Abstract. *The Kashmiri conflict touches upon many aspects, such as the struggle for control of the territory, active military action, the use of nuclear weapons, as well as religious differences and the economic and ecological interests of the parties. The study is aimed at analyzing the national interests of India, Pakistan and China in Kashmir. The conflict between India and Pakistan today involves many aspects, such as: struggle for control over this territory, active military actions, use of nuclear weapons, as well as religious differences. The People's Republic of China, in turn, claims ownership of Kashmir's resources, seeks ways to realize its political and economic interests in South Asia, and takes part in the competition for influence in the region. The study focuses on the main directions of interests in the India-*

Pakistan-China triangle. The analysis of domestic and foreign sources and literature has shown that this conflict is widely discussed in the scientific community, but a consolidated comprehensive picture of the situation has not been formed. The research used a number of methods consisting of classification, comparative analysis, description and logical-intuitive analysis. The study identifies the territorial, geostrategic, military and economic ambitions of each country, and examined the relationship between the parties, their differences and priorities regarding national security, the use of nuclear weapons and regional stability. In addition, the authors establish new patterns of rivalry between India, Pakistan and China defined by contemporary geopolitical processes, describe the religious contradictions of the parties, and examine the individual ways of realizing state interests in different directions and the current stage of conflict in the territory. In addition, the main political, economic and military directions of each state's interests are identified, namely the desire of each side to establish control over the territory and gain access to natural resources, as well as the defense of its borders. The significance of this study is to provide a list of areas of interests of the countries of the South Asian strategic triangle, which will allow to assess and improve the effectiveness of ways to resolve the Kashmir conflict in order to prevent the potential threat of a new world war.

***Keywords*:** geopolitics; India; Pakistan; People's Republic of China; territorial disputes; nuclear weapons; ethno-confessional situation

***For citation*:** Lazareva, V.D., Akhtiamova, A.M., Rakhmatullina, R.Sh. The Interests of the South Asian Strategic Triangle India – Pakistan – China in the Kashmir Conflict. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 21–46. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.2

© Lazareva, V.D., Akhtiamova, A.M., Rakhmatullina, R.Sh., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Введение

Конфликтное противостояние между и Индией и Пакистаном длится с самого момента разделения и оформления Пакистана как самостоятельного государства в 1947 г. В рамках этого противостояния наиболее проблемным и до сих пор неразрешенным является вопрос о статусе территорий Джамму и Кашмир (включая провинцию Ладакх) [1]. Данная территория уже долгое время является не только стратегически важным участком для ведения внешней политики, но и имеет огромное количество природных, материальных и человеческих ресурсов, что делает ее объектом интереса крупных мировых держав.

Уже более полувека Кашмирский вопрос заставляет балансировать государства на грани открытой войны. Индия и Пакистан пережили две

Кашмирские войны 1947–1949 гг. и 1965 г., однако, конфликт набрал новые обороты и вышел за границы Кашмира, что вылилось в войну за независимость Бангладеш в 1971 г. Три крупных столкновения лишь усилили боевую мощь конфликтующих сторон, что создало угрозу не только для этих стран, но и для всего мира. Исследование этого вопроса не теряет своей актуальности поскольку, и Пакистан, и Индия, и входящая в спор в последнее время Китайская Народная республика обладают оружием массового поражения, к которому страны смогут прибегнуть в случае, если посчитают, что их цели и интересы в Кашмире оправдывают любые средства. Отношения между этими странами имеют долгую историю, а в современном контексте продолжают оказывать значительное влияние на политическую стабильность и безопасность в Южно-Азиатском регионе.

Многие российские и зарубежные исследователи занимались изучением данного вопроса с различных позиций. А.Б. Танхилевич в своей статье «Проблемы формирования индийско-пакистанской границы в ходе раздела Панджаба в 1947 г.» проанализировал проекты по разделу Британской Индии, а также выявил ряд проблем, из-за которых Индия и Пакистан балансируют на грани столкновений и стабильности [2]. О.А. Харина в диссертации «Конфликтная составляющая отношений в «треугольнике» Пакистан – Индия – Китай» определила склонность к одновременности двух противоположностей: потенциальному конфликту и надежду на взаимовыгодное сотрудничество трех стран [1]. Два автора, Г.А. Шехтман в статье «Ядерное противостояние Индии и Пакистана» [3] и С.Д. Поннатт в статье «Правовой подход к распространению ядерного оружия» [4], исследуют истоки причин, по которым Индия и Пакистан решили так активно развивать ядерную отрасль. Д. Гроссман в своей работе «Чего хочет Китай в Южной Азии?» определил, почему Китай становится более активным в регионе, и к каким последствиям могут привести действия Пекина [5].

Государственные и мировые интересы государств – это важная составляющая в формировании политики любой страны, однако они могут быть весьма нестабильны, так как напрямую связаны с международной политической и экономической ситуациями. Военные конфликты для

многих стран могут выступать в качестве потенциальной возможности осуществления личных геополитических планов и утверждения военной и экономической мощи своего государства, что можно наблюдать в случае с треугольником Индия – Пакистан – Китай.

Научная новизна данного исследования заключается в анализе интересов всех трех стран, участвующих в Кашмирском конфликте, а также в предоставлении оценки текущей ситуации этого конфликта. Изучение проблематики с точки зрения каждого из участников конфликта сможет способствовать повышению результативности вариантов решения Кашмирского конфликта, которые в перспективе могут помочь избежать возможной опасности начала новой глобальной или ядерной войны.

Материалы и результаты исследования

Несмотря на то, что наиболее обостренные отношения сложились между Индией и Пакистаном, третьим участником конфликта неизбежно является Китай, поскольку имеет претензии на те же территории. В сложившихся условиях обладание Индией ядерным оружием необходимо для установления своих позиций сразу на двух фронтах: устрашение Пакистана и сдерживание Китая.

Интересы Индии

На путь отстаивания своих интересов Индия встала ещё до окончательного раздела территорий, не имея полной независимости [6]. Отправной точкой этого процесса стало создание Исследовательского комитета по атомной энергетике для организации обучения в области ядерной физики в индийских образовательных учреждениях в 1945 г.

В 1948 г. премьер-министр Джавахарлал Неру выступил с инициативой учредить специальную комиссию по атомной энергетике, что не помешало ему впоследствии заявлять об исключительно мирном и сугубо научном характере ядерных разработок. Затем, апреле 1954 г., Джавахарлал Неру ввел мораторий на ядерные испытания. Однако спустя год, Индией была принята поставка 6 кг обогащенного урана и оборудование для строительства ядерного реактора от Великобритании, а США произвели поставку 10 т тяжелой воды для стимулирования индийских усилий в сфере мирной ядерной энергетики.

Важной вехой в становлении Индии как ядерной державы стало испытание баллистической ракеты «Агни-V». В 1958 г. Индия в лице Джавахарлала Неру заявила, что располагает всеми ресурсами для создания ядерной бомбы, что отразилось в плане проекта «Феникс» как строительство завода, с помощью которого станет возможным перерабатывать до 20 т ядерного топлива. С этого момента начался период активной разработки ядерного оружия, до последнего позиционировавшейся властями и научным сообществом как необходимая мера ввиду военной мощи стран-соперниц.

В 1959 г. индийские ученые предложили применить накопленный опыт в ядерной энергетике в целях обороны, поскольку активное развитие ядерной сферы в КНР стало вызывать угрозу. В 1961 г. последовало заявление о достижении Индией такого уровня развития ядерной отрасли, что создание ядерного оружия становится не только возможным, но необходимым. И 1962 г., проиграв в пограничной индийско-китайской войне, Индия всерьез начинает обсуждение этого вопроса на законодательном уровне, чтобы официально приступить к разработке и производству ядерного оружия. В штате Бихар началась разработка уранового месторождения. Катализатором ускорения темпов разработки послужило то, что в октябре 1964 г. в КНР были проведены ядерные испытания (впоследствии в 1966 г.).

Спустя 10 лет после китайских, в 1974 г., Индия провела первые испытания своего нового оружия на полигоне в Похране (пустыня Раджастан). Само испытание оружия позиционировалось властями как «мирный ядерный взрыв», поскольку Индия не намерена использовать его в дальнейшем в военный целях.

Однако уже в 1979 г., когда стало известно о том, что Пакистан приступил к разработке своего собственного ядерного оружия, Индия резко сменила политику по вопросу ядерного вооружения, отказавшись от предложения Пакистана создать в Южной Азии зону, свободную от ядерного оружия. Позднее, в декабре 1990 г. Индия и Пакистан подписали соглашение, согласно которому в случае вооруженных конфликтов запрещается нападение на ядерные объекты.

Несмотря на это, само развитие вооружения и соответствующие испытания продолжились. Так, в 2009 г. Индия ввела в эксплуатацию первую отечественную атомную подводную лодку, а уже в 2012 г. успешно прошла испытания межконтинентальная баллистическая ракета «Агни-V» с дальностью полета свыше 5 тыс. км.

Одним из важных и актуальных документов, регулирующих ядерную политику Индии, является ядерная доктрина Индии от 5 января 2003 г., которая включает в 8 пунктов:

1. Неприменение первой ядерного оружия;
2. Авторизация ответных ядерных ударов только гражданским руководителем страны через Командование ядерными силами;
3. Создание и поддержание ядерного оружия на минимальном необходимом количественном уровне;
4. Неприменение ядерного оружия против неядерных государств; право использовать ядерное оружие в ответ на химическую или биологическую атаку;
5. Строгий экспортный контроль;
6. Участие в анонсировании соглашений по прекращению распространения расщепляющихся материалов;
7. Соблюдение обязательств по отказу от ядерных испытаний;
8. Содействие достижению целей создания мира, свободного от ядерного оружия, через глобальное, достоверное и недискриминационное разоружение [3].

По данным американского журнала Bulletin of the Atomic[6] совершенствование ядерного вооружения во всех его направлениях продолжается в Индии непрерывно [7, p. 361]. Однако наблюдается смена направленности активности по развитию вооружения с Пакистана на КНР. Предполагается, что около 10 пусковых установок расположены на севере Индии, и они нацелены на Западный, Центральный и Южный Китай. Среди основных средств доставки ядерных зарядов используются: ракеты малой дальности «Притви» (250 км); баллистические ракеты средней дальности «Агни-I» (700–900 км); баллистические ракеты средней дальности «Агни-II» для доставки мощной термоядерной боеголовки

[6] Bulletin of the Atomic Scientists: [сайт]. URL: https://thebulletin.org/ (дата обращения: 15.04.2024).

(2000–3000 км); баллистические ракеты увеличенной дальности типа «Агни-III» («Сурья», 3500-5000 км); многоцелевые самолеты Су-30МКИ [3].

Такой вид вооружения как ракета «Агни-V» оснащен современными гироскопами и акселерометрами, которые значительно увеличивают точность и могут повлиять на смену Индией провозглашенной доктрины «неприменения ядерного оружия первыми», поскольку Пакистан этой доктрины не принял.

Таким образом, наращивание Индией ядерной мощи имеет двоякое значение: с одной стороны, возможность поддерживать свое место в международных конфликтах и предъявление своих претензий на Джамму и Кашмир, а с другой стороны, в ввиду этих же причин, Индия провоцирует других участников конфликта на ответное укрепление своих позиций соответственным развитием ядерной отрасли, что не ведет к разрешению конфликта, а усложняет его.

Помимо ядерного вопроса, серьезным камнем преткновения является разделение области Большого Качского Рана. С момента разделения территорий между Индией и Пакистаном вопрос границы поднимается регулярно, как между государствами, так и в международных организациях, но соглашение до сих пор не достигнуто. На момент первоначального раздела к Индии отошло 90% территории, а к Пакистану только 10%, при этом в районе Сэр-Крик, вероятно, умышленно не обозначены линии демаркации, что стало в дальнейшем ещё одним триггером борьбы сторон [8].

Несмотря на попытки сторон урегулировать этот вопрос путем мирных переговоров, 26 ноября 2008 г. пакистанской стороной был произведен террористический акт в г. Мумбаи: на железнодорожном вокзале были расстреляны мирные жители, а также взяты в заложники гости отелей “Тадж-Махал” и “Оберой”, предположительно захвачены судна в районе Сэр-Крик [9]. Ответственность за теракт взяла на себя группировка «Лашкаре-Тайба», запрещенная в ряде стран, в том числе в Пакистане с 2002., которая имела одной из своих целей влияние на конфликт в Кашмире.

В декабре 2012 г. Нарендра Моди (на тот момент министр индийского штата Гуджарат) обратился с письмом к премьер-министру Индии, указывая на особую значимость Сэр-Крика для штата Гуджарат ввиду необходимости разграничения рыболовного промысла и, соответственно, доступа к континентальному шельфу для добычи полезных ископаемых. Также в письме Нарендры Моди указывал на проблему безопасности в связи с угрозой террористических актов со стороны Пакистана. Данное обращение подчеркнуло особенную стратегическую значимость этой территории для Индии как в экономическом плане, так и в сфере безопасности. На данном участке ведется борьба за полезные ископаемые и возможность рыбного промысла, который непосредственно связан с количеством рабочих мест и продовольственного обеспечения населения [10].

Таким образом, в Кашмирском конфликте Индия преследует цели безопасности в рамках стремительного наращивания ядерной мощи и доступа к стратегически важным ресурсам: рыболовному промыслу и полезным ископаемым [8].

Интересы Пакистана

По мнению В.Я. Белокреницкого, Пакистан имеет много общего с Индией в этнокультурном плане. Во-первых, две страны сближают общие условия исторического развития, такие как демографические (высокая плотность населения) и экологические (зависимость от искусственного орошения). Во-вторых, большая часть населения (около 75%) говорит на языках, таких как панджаби, синдхи, урду, которые родственны основным индийским [11, с. 234]. Но, с другой стороны, Пакистан больше тяготеет к интересам ближневосточного региона, который в конфессиональном плане состоит из государств с мусульманским большинством [11, с. 234], что предопределяет столкновение интересов Пакистана с индийскими амбициями.

В индо-пакистанских конфликтах Пакистан стремится защитить и продвигать свои интересы в нескольких направлениях. Во-первых, территориальный вопрос. Пакистан считает, что Кашмир является его исторической территорией, большинство населения Кашмира составляют мусульмане, хотя известно, что в этническом отношении оно неоднородно,

в том числе велика доля индусов, данное мусульманское население состоит не только из разнообразных малых народов, но и в большинстве своем из индусов, некогда обращенных в ислам. История Кашмира имеет долгий период исламского влияния. В XIV веке ислам начал быстро распространяться в регионе, что сопровождалось конверсией местного населения с буддизма и индуизма на ислам. Ряд факторов стал катализатором для принятия ислама, включая влияние суфийских миссионеров. Процесс перехода к новой вере привнес значительные изменения во многие сферы культуры, особенно в Кашмире, где эти изменения стали наиболее кардинальными среди регионов Южной Азии. Это касалось не только духовной, но и материальной культуры. В фольклоре распространились сюжеты, заимствованные из Ирана и Средней Азии. Смена традиций произошла в покрое одежды после прихода ислама в Кашмир [12, с. 101]. Характерно, что изменения произошли массово, то есть затронули жизнь всех слоев населения. Посетители из других стран, приезжающие в Кашмир, не могут не заметить значительные культурные различия между кашмирцами и другими индийцами, ощущая себя как на Ближнем Востоке или в Центральной Азии. Адаптирование кашмирской культуры к исламским учениям и идеалам способствовало формированию новой идентичности большинства населения Кашмира. Этот исторический процесс привел к формированию мусульманского большинства в Кашмире. Однако, идентичность ведет к распространению духа самостоятельности и независимости. Например, в 1931–1932 гг. произошло народное восстание, к которому привела политика Великобритании в XIX в. Продажа Кашмира – на тот момент территории с почти полностью мусульманским населением – индусскому махарадже соседнего горного княжества Джамму сыграла роль триггера. «Возможно, британцы вполне искренне полагали, что подобные действия повышают их популярность среди кашмирцев, так как последние считались потомками некогда насильно обращенных в ислам индусов и, как ожидалось, должны были увидеть в колониальных властях восстановителей исторической справедливости» [13, с. 96]. Однако мнение оппозиционного населения было иным, а восстание пришлось подавлять авиацией. Далеко не все население

Кашмира готово присоединиться Пакистану, но хотят создать собственное государство, основанное на принципах шариата, желая получить особый статус на ее территории [14].

Однако Пакистан считает Кашмир своей неразделенной составной частью и продолжает проводить активную кампанию, чтобы отделить его от Индии, апеллируя на два исторических процесса, происходивших в момент раздела Индии:

- во-первых, в 1947 г., благодаря жестким требованиям мусульман Кашмира, британцы согласились на самостоятельность в принятии решения княжеством Джамму и Кашмир в отношении выбора вхождения в Пакистан или Индию. Большая часть населения Кашмира, состоящая из мусульман, стремилась стать частью исламского государства. Однако правящее меньшинство, состоящее из сикхов и индуистов, было склонно к присоединению к Индии [15]. Это противоречие привело в октябре 1947 г. к вооруженному мятежу, который поддержала пакистанская армия. В ответ на это событие махараджа Кашмира, индус Хари Сингх обратился к Индии за помощью, а затем заключил двустороннее соглашение с Индией о вхождении в ее состав, после чего на эту территорию прибыли индийские регулярные войска [16]. Это решение, принятое вопреки воле большинства населения, не было одобрено Пакистаном, что спровоцировало первые военные столкновения между двумя странами.

- во-вторых, по условиям раздела Британской Индии в 1947 г., отражавшим позицию британского правительства в «Плане 3 июня 1947 г.» или «Плане Маунтбеттена», территории с большинством мусульманского населения должны были стать частью Пакистана [2, с. 70]. Однако только 30% территории бывшего княжества Джамму и Кашмир общей площадью около 85 тыс. кв. км с численностью населения около 5 миллионов человек было передано Пакистану. Индии отошло 60% территории общей площадью более 100 тыс. кв. км с численностью населения более 10 миллионов. В последующем эта территория стала штатом Джамму и Кашмир. Оставшиеся 10% территории были оккупированы китайскими властями к 1962 г. – регион Аксайчин и участок Транскаракорумского тракта (общей площадью 40 тыс. кв. км, где отсутствуют постоянные жители) [13].

Поскольку само население Кашмира желало присоединиться к Пакистану, но существовавшие условия раздела не были исполнены должным образом, Пакистан считает итоги раздела кашмирской территории несправедливыми и поэтому продолжает отстаивать свои притязания. Кроме того, в 2019 г. верховным судом Индии была отменена статья конституции об особом статусе штата Джамму и Кашмир. Отмененная статья давала право иметь внутреннюю автономию, т.е. право местных кашмирцев на голосование, владение землей и право претендовать на государственные должности. Лишение Джамму и Кашмира статуса штата привело к разделению территории на три дистрикта (района): Джамму, Кашмир и Ладакх соответственно.

В итоге кашмирские мусульмане потеряли штат, где они составляли большинство (около 52% населения), они смогли сохранить только часть земли в пределах Кашмирской долины. Эта ситуация привела к сокращению статуса их административного округа. Теперь, если перспектива приобрести независимость будет претворена в жизнь, их новое государство будет значительно меньше, чем то, на которое они могли бы заявить до 2019 г., поскольку границы нового государства не будут включать земли бывшего штата Джамму и Кашмир. То, что кашмирские мусульмане больше не имеют своего штата, нарушает устоявшуюся индийскую политическую традицию. Все крупные этно-религиозные сообщества в Индии имеют свой штат, но подобная ситуация является нарушением этого правила.

Решение отменить статью конституции стало причиной дипломатического скандала: министр иностранных дел Пакистана Джалил Аббас Джилани заявил, что Индия «не имеет права принимать односторонние решения по статусу этой спорной территории вопреки воле народа Кашмира» и подчеркнул, что «Пакистан не признает верховенство Конституции Индии» над этой спорной территорией [16]. Данные заявления показывают прежнюю непримиримость Пакистана с фактом контроля данных территорий Индией.

Кашмир находится на перекрестке нескольких важных торговых маршрутов в Южной и Центральной Азии. Область расположена на границе с Китаем и Афганистаном, что делает ее важным пунктом для

геополитических и экономических связей Пакистана с этими странами. По этой же причине Кашмир имеет особое стратегическое значение, схожее с такими территориями как Тибет, Суэцкий Канал, Гибралтарский пролив, а также проливы Босфор и Дарданеллы. Учитывая специфику развитости региона, Кашмир становится все более значимым торговым путем, обладание которым может стать ключевым для Пакистана.

Кашмирский регион – это горная область истока ряда рек, которые являются жизненно важными источниками воды для Пакистана. Например, река Инд известна как «жизненная артерия Пакистана», берёт своё начало там, где Тибетская плато встречается с Гималаями, проходит через Кашмир и является крупнейшей рекой Пакистана, обеспечивая водой большую часть страны. Река Джхелам является второй по значимости рекой для Пакистана, которая берёт начало в Кашмире. Эти реки оказывают большое влияние на сельское хозяйство, энергетику и водоснабжение Пакистана.

И наконец, безопасность и стабильность. Территория Кашмира находится между тремя мощными странами региона. Пакистан стремится обеспечить свою национальную безопасность и суверенитет, особенно противопоставляя себя военной и политически сильной Индии, а также требует уважения своих территориальных претензий. Контроль над Кашмиром обеспечит Пакистану стратегическую безопасность и дополнительную защиту от любых потенциальных угроз.

Во время конфликтов, которые привели к индо-пакистанской войне 1965 г., Зульфикар Али Бхутто (на тот момент министр иностранных дел) заявил: «Если Индия создаст свою атомную бомбу, значит, и нам придётся сделать свою, даже если ради этого нам придётся сидеть на хлебе и воде или вовсе умирать от голода» [17]. В 1970 г. им же была выдвинута концепция «исламской бомбы», сказав, что «бомба есть у христиан, у иудеев, а теперь ещё и у индуистов. Почему бы и мусульманам не обзавестись своей?» [4, с. 89]. Таким образом, были затронуты не только вопросы безопасности, но и на повестку дня встало религиозное противостояние.

Спустя всего лишь день после того, как в мае 1974 г. на полигоне в Похране (пустыня Раджастан) Индия провела испытание «мирного

ядерного взрыва», Зульфикар Али Бхутто выступил с заявлением о том, «что теперь для Пакистана осуществление собственных ядерных испытаний является «судьбоносным» и что Пакистан никогда не поддастся на «ядерный шантаж» Индии» [3]. Демонстрируя свою позицию о вынуждающем факторе защиты, Пакистан выдвинул предложение по созданию свободной от ядерного оружия зоны, которое одобрила Генеральная Ассамблея ООН. Таким образом Пакистан предложил шаги по откату двух стран к безъядерному противостоянию, однако после отказа Индии вступит в зону, события стали точкой невозврата.

Осознав превосходящие силы Индии в результате проигрыша в третьей индо-пакистанской войне, приведшей к обретению независимости Восточного Пакистана (Бангладеш), Пакистан запустил свою ядерную программу, которая стартовала в январе 1972 г.

В 2001 г., за два года до опубликования Индией ядерной доктрины, Пакистан разработал свою собственную. Ее главной идеей стало недопущение повторения ситуации 1971 г., когда Пакистан распался на два государства, поэтому Пакистан не приемлет военное вмешательство со стороны, в особенности, Индии.

Интересы Китая

С момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. государство претендует на статус великой политической державы и стремится укрепить свой статус и геополитическое влияние на мировой арене. Страна проводит активную внешнюю политику, направленную на повышение мирового престижа за счет экономического сотрудничества, распространения и популяризации китайской культуры, а также дипломатических усилий по решению важных политических вопросов, не только являясь участником многих межправительственных организаций, таких как ООН, ШОС и БРИКС, но и руководствуясь личными политическими инициативами. Политические амбиции Китая способствуют укреплению обороноспособности государства и спонсированию стран-партнеров, что помогает ему развиваться экономически, разрабатывать новые технологии и различные промышленные технологические проекты.

Однако столь высокая степень вовлеченности Китая в международные политические вопросы в Кашмире вызывает опасения у некоторых государств, в частности у США, из-за правозащитных стратегий Китая, территориальных претензий и экономического доминирования, что, безусловно, влияет на мировую политику и геополитическую ситуацию в нестабильных регионах. Поскольку Китай является одной из наиболее влиятельных стран Южной Азии, отношение КНР к Кашмирскому конфликту имеет огромное значение для распределения сил и геополитического превосходства в регионе.

Наравне с Индией и Пакистаном, страна принимает активное участие в конфликте и, несмотря на многолетние разногласия и недопонимания с Индией, Китай все же пытается вести активный диалог с обоими государствами. В частности, это связано с соглашением 1963 г. касательно границ с Пакистаном, определившим общие интересы этих двух держав, что не только способствовало началу пакистано-китайского сотрудничества, но и не позволило КНР сохранять нейтралитет относительно политической нестабильности на территории Кашмира [18].

Позиция Китая в отношении кашмирского конфликта сложна и многогранна, основные интересы Китая как бенефициара: Китай имеет территориальные претензии к части Кашмира, контролирует эту территорию со времен вооруженного конфликта 1962 г. между Индией и Китаем и продолжает придерживаться своей позиции по этому вопросу; Китай заинтересован в развитии своих экономических интересов в регионе, особенно в рамках инициативы «Пояс и путь»; инвестирует в различные проекты в Пакистане, которые могут быть связаны с кашмирским конфликтом; Китай исторически поддерживает Пакистан в его конфликте с Индией, две страны создали стратегический альянс, основанный на общих интересах и геополитических целях. Китай стремится поддерживать региональную стабильность и безопасность для защиты своих экономических и геополитических интересов.

В целом позицию Китая по кашмирскому конфликту можно описать как баланс между его территориальными претензиями, экономическими интересами, поддержкой союзника (Пакистана) и стремлением обеспечить региональную стабильность, которая находится под угрозой из-за

обострившихся отношений Индии и Пакистана. Главной угрозой национальной безопасности является то, что внезапное обострение отношений может перерасти в активное вооруженное противостояние, от которого пострадает не только регион, но и другие мировые державы.

Таким образом, в Кашмирском конфликте сформировалась система отношений Индия – Китай – Пакистан, что свидетельствует о вовлеченности китайской стороны в этот политический вопрос. Сейчас конкуренция между Китаем и Индией становится все более острой, а связанные с ней трения растут с каждым днем. Будущая политика Индии в отношении Китая, в свою очередь, определяет китайско-индийские двусторонние отношения, хотя разлад в их отношениях может стать нормой на долгое время. С точки зрения влияния на взаимодействие с другими странами, Китай неоднократно выражал свое отношение касательно Пакистана, что не идет на пользу китайско-индийским отношениям и только увеличивает конкуренцию между двумя государствами.

Геополитические интересы КНР в Южной Азии в целом, определяют позицию страны в Кашмирском конфликте как обеспечение региональной безопасности и стабильности. Следует отметить, в первую очередь, историческую заинтересованность китайской стороны, связанную с вопросом о границах территории Тибета, которая принадлежала ранее империи Цин. В XX веке Китай продолжал проявлять интерес к установлению необходимого контроля над территорией Аруначал-Прадешем как части стратегически важного для КНР Южного Тибета. Желание получить контроль над исторически и политически важными землями распространилось и на Джамму с Кашмиром, и здесь стоит подчеркнуть, что согласно точке зрения правительства КНР, данные территории являются частью Синьцзянь-Уйгурского автономного района. Географическое положение, безусловно, играет на руку китайскому руководству, поскольку позволяет не только получить доступ к стратегически важным ресурсам, но и приобрести новые выгодные партнерские отношения с другими Южно-Азиатскими государствами, такими как Бутан, Непал и, конечно, Индия.

Стремительная диверсификация экономической системы КНР обострила проблему обеспеченности страны природными ресурсами с начала XXI века. Аруначал-Прадеш и Аксайчин имеют экономически выгодное географическое положение из-за наличия полезных ископаемых и минералов, с использованием которых страна только приумножит свою экономическую мощь.

Южный Тибет не только политически и экономически важная для Китая территория, которая имеет огромное культурное значение в распространении буддизма и сохранении тибетской буддийской общины. Отношения Тибета и Индии ставят под угрозу сохранность государственных границ и безопасность южных территорий Китая.

Противостояние Китая и Индии также можно выделить в качестве причины заинтересованности КНР, поскольку благодаря своему активному развитию последние десятки лет Индия стала сильной и потенциально опасной для Китая державой, ее политическое влияние и экономические показатели увеличивают шансы Индии на доминирование в Южно-Азиатском регионе. Китай хочет использовать данную территорию для обеспечения национальной безопасности и будущего ослабления Индии и ее геополитики.

Дискуссия

Поддержка Китаем Пакистана в данном конфликте привела к укреплению сотрудничества между странами в разных сферах и укреплению влияние КНР в Южной Азии. Это способствует экономическому росту Пакистана, что в свою очередь вызывает негативную реакцию со стороны правительства Индии, так как это ставит под угрозу ее национальные интересы. Кроме того, образование пакистано-китайского партнерства позволяет КНР конкурировать с Индией, не используя военные методы, а взаимодействуя с страной-соперницей через Пакистан. В настоящее время Китай делает акцент на своем мирном участии в международных отношениях с Индией (в том числе в рамках ассоциаций типа БРИКС), однако продолжает активно выражать претензии касательно территорий Кашмира.

13 декабря 2023 г. официальный представитель МИД, заместитель директора по информации Мао Нин провела очередную пресс-

конференцию и выразила отношение правительства к действиям Индии: «Китай никогда не признавал так называемую «Центральную территорию Ладакха», в одностороннем порядке и незаконно созданную Индией. Внутренние судебные решения Индии не могут изменить тот объективный факт, что западный участок китайско-индийской границы всегда принадлежал Китаю» [19].

Несмотря на то, насколько Индия и Пакистан заинтересованы в конфликте, они вполне могут идти на незначительные компромиссы, когда проблема касается экономических интересов. В 1998 г. на обе страны были наложены санкции вследствие проведения испытаний ядерного оружия. Индии и Пакистану пришлось активизировать двусторонние экономические отношения. Первые шаги предполагают дальнейшее выстраивание конструктивного урегулирования конфликта, примером может послужить ряд событий:

- Подписание Лахорской декларации в феврале 1999 г., которая предусматривала создание «системы оповещения о ракетных пусках», что помогло ослабить напряжение между государствами.
- В конце 2002 г. Индия односторонне наложила мораторий на новые ядерные испытания, и, наконец, поддержала создание зоны, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии.
- В ноябре 2006 г. Индия и Пакистан договорились о предотвращении возможного ядерного конфликта в Южной Азии [3].
- Присутствующая потребность безопасности Южный Азии, а также экономические амбиции привели к тому, что в июне 2017 г. обе страны вошли в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Высказываются мнения, что в рамках ШОС, возможно, будут найдены рычаги для решения этого трудного укоренившегося конфликта, однако конкретные меры в этом направлении пока не разработаны [20].

Изменилось гражданское отношение к конфликтам. Мировоззрение пакистанцев первого поколения было ограниченно обостренным чувством несправедливости, они воспринимали «Кашмир в качестве самого ценного участка Земли» [21]. Взгляды современного поколения стали более сдержанными, теперь лишь немногие могут оправдать цель по достижению территорий любыми средствами. Увеличение уровня

взаимопонимания, а также расширение области взаимодействия способствовали бы снижению напряжения, увеличению уровня экономической выгоды, а также снизило уровень ядерного противостояния.

В 2005 г. Китай и Пакистан заключили договор о «дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях», согласно которому они обязались проводить стратегические консультации и развивать оборонное сотрудничество [22]. В ноябре 2006 г. Китай и Пакистан выступили вместе, выразив взаимное уважение и Китай также выразил благодарность другой стороне за укрепление мира и порядка в Южной Азии, а также страны гарантировали друг другу осуществление необходимой помощи и политической поддержки в нестабильное время. Поддержка Пакистана напрямую соответствует национальным интересам Китая, который стремится к экономической интеграции в регионе и борьбе с терроризмом. Также стоит отметить, обеспокоенность государства касательно активности некоторых уйгурских групп, что требует координации усилий по противодействию терроризму, меры борьбы с которым страна планирует и в дальнейшем осуществлять в партнерстве с Пакистаном [22].

Кашмирский конфликт как этноконфессиональный, представляет собой форму этнического конфликта, в которых религиозное различие усугубляет этническое, такие формы конфликтов характерны для регионов, населенных народами, сложившимися в разных цивилизациях. В данном случае. в связи с особенностью политической ситуацией, создается потенциальная угроза военного конфликта с возможным применением ядерного оружия. Данное обстоятельство привело к тому, что в 2019 г. было принято приостановить действие 370-й статьи Конституции Индии, что повлекло за собой отмену особого автономного статуса региона Джамму и Кашмир [23]. Данное решение вызвало беспокойство и ответные меры со стороны Пакистана и Китая. Для последнего изменение статуса Ладанках представляет прямую угрозу безопасности и национальным интересам [24]. Напряженность в вопросе контроля над спорными регионами препятствует полноценному развитию взаимоотношений Китая и Индии. Помимо этого, наличие у Индии и Пакистана ядерного оружия обуславливает необходимость поиска мирных путей разрешения данного

конфликта. На данный момент политическая борьба между сторонами ведется преимущественно с помощью «мягкой силы». Однако, стоит подчеркнуть, что несмотря на стремление к расширению сотрудничества, ни одна из сторон не готова идти на уступки, которые могут привести к усилению позиций противоположной стороны в данном регионе.

Таким образом, Китай играет важную роль в формировании политической ситуации в Центральной и Юго-Восточной Азии, оказывая определенное давление и заключая соответствующие партнерские отношения, например, с Пакистаном. Тот факт, что Пакистан является исламской страной, его большие размеры, тесные отношения с исламским миром, где страна занимает важное положение, в совокупности представляют собой еще один важный фактор укрепления китайско-пакистанских отношений. Сам факт того, что китайские мусульмане проживают преимущественно в регионе Синьцзян, расположенном недалеко от китайско-пакистанской границы, имеет уникальное значение и добавляет вес к вышесказанному. В 1953 г. в Китае была создана Исламская ассоциация Китая (ИАК), которая также сыграла важную роль в поощрении китайских мусульман к сотрудничеству с Пакистаном [25]. Китай часто обращался к Пакистану за советом по этому поводу, продемонстрировал, что у него есть естественный доступ к исламскому миру, который он не мог бы получить в другом месте.

Несмотря на свою политику невмешательства, КНР оказывается вовлеченной в Кашмирский конфликт. Это определяется историческими обстоятельствами и стремлением самого Китая достичь своих геополитических планов. Страна заинтересована в стабильном и выгодном Кашмире, который мог бы обеспечить национальную безопасность Китая и его границы за счет сотрудничества с Пакистаном и потенциальном ослаблении Индии и его политической и экономической мощи.

Заключение

В ходе исследования были изучены и проанализированы позиции Индии, Пакистана и Китая в Кашмирском конфликте, их взаимоотношения, внутри и внешнеполитические интересы, благодаря которым государства будут способны осуществить поставленные их правительством цели. Изучив позицию каждой страны-участницы

треугольника, удалось осуществить поставленные задачи. Каждый из ключевых игроков в лице Индии, Пакистана и Китая имеет свои интересы и амбиции, что создает определенную напряженность и может способствовать появлению новых потенциальных конфликтов. Текущая ситуация в данном регионе достаточно сложная и требует активного вмешательства крупных политических организаций, таких как БРИКС и ШОС, которые могут стать платформой для урегулирования существующих проблем между Индией и Пакистаном при посредничестве Китая и России, что позволит странам разрешить свои разногласия на основе принципов равенства и взаимопонимания.

Стоит также отметить, что приоритетами каждой стороны конфликта являются: укрепление своего влияния на данной территории, защита и обеспечение безопасности свои национальных интересов, возможность получить контроль над ресурсами, а также установить доминирующие положение в региональной политике касательно территории Кашмир. Говоря о взаимоотношениях Индии и Пакистана авторы статьи пришли к выводу, что они могут быть охарактеризованы как сложные и напряженные, а их специфика обусловлена рядом факторов, включая общие амбиции, религиозные различия и споры по границам. Несмотря на то, что обе страны разделяют общие этнокультурные корни и языки, страны обладают потенциальной основой для укрепления взаимосвязей, которые, тем не менее, часто осложняются эскалацией конфликта.

Китай ведет активное взаимодействие с обеими сторонами. Отношения между Китаем и Пакистаном характеризуются как тесное стратегическое сотрудничество, основанные на общих интересах в области безопасности, экономики и геополитики. В то же время, взаимоотношения Индии и Китая остаются напряженными из-за территориальных споров, конкуренции за ресурсное превосходство в регионе. Кроме того, отмечается различие во взглядах касательно путей решения конфликта, в частности, это относится к легитимности на использование ядерного оружия.

Каждая страна, в первую очередь, ставит в приоритет укрепление своего влияния в регионе (обеспечение безопасности государственных границ, доступ к ресурсам и рынкам, поддержка выгодного политического и экономического партнерства). Решение конфликта и построение

доверительных отношений между сторонами может способствовать снижению уровня напряженности и поможет развитию сотрудничества в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харина О.А. Конфликтная составляющая отношений в «треугольнике» Пакистан – Индия – Китай: дисс. … канд. полит. наук: 23.00.04. МГИМО, Москва, 2017. 232 с. [эл. доступ]. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Kharina_diss.pdf (дата обращения: 24.04.2024).

2. Танхилевич А.Б. Проблемы формирования индийско-пакистанской границы в ходе раздела Панджаба в 1947 г // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2011. №3. С. 66–73. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-indiysko-pakistanskoy-granitsy-v-hode-razdela-pandzhaba-v-1947-g (дата обращения: 24.04.2024).

3. Шехтман Г.А. Ядерное противостояние Индии и Пакистана. 01.03.2019 // Независимая газета: [сайт]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2019-03-01/13_1036_pakistan.html (дата обращения: 19.04.2024).

4. Ponnatt, S.J. The Normative Approach to Nuclear Proliferation // International Journal on World Peace. 2006. Vol. 23. № 1. P. 89–92. [эл. доступ]. URL: https://www.jstor.org/stable/20753520 (дата обращения: 24.04.2024).

5. Grossman, D. What China Wants in South Asia. 11.07.2020 // Observer Research Foundation. [эл. доступ]. URL: https://www.orfonline.org/research/what-china-wants-in-south-asia-67665 (дата обращения: 20.04.2024).

6. Куприянов А. Как Индия обзавелась ядерной бомбой. 23.05.2020 // Совет по внешней и оборонной политике: [сайт]. URL: https://svop.ru/main/33128/?wprptest2=1 (дата обращения: 16.04.2024).

7. Kristensen, H.M. Indian nuclear forces, 2018 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2018. Vol. 74. Iss. 6. P. 361–366. [эл. доступ]. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2018.1533162 (дата обращения: 24.04.2024).

8. Макаревич Г.Г. Индийский взгляд на территориальный спор в рукаве дельты инда Сэр-Крик в контексте отношений с Пакистаном // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭО РАН. 2021. № 1. С. 99–107.

9. Guarding Gujarat Coast from Pakistan After 26/11. 28.11.2009 // New Delhi Television (NDTV): [сайт]. URL: https://www.ndtv.com/india-news/guarding-gujarat-coast-from-pakistan-after-26-11-405731 (дата обращения: 18.04.2024).

10. Read Narendra Modi's Letter to PM on Sir Creek. 12.12.2012 // New Delhi Television (NDTV): [сайт]. URL: https://www.ndtv.com/india-news/read-narendra-modis-letter-to-pm-on-sir-creek-507354 (дата обращения: 18.04.2024).

11. Белокреницкий В.Я. Принадлежит ли Пакистан Южной Азии? // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 222–236. [эл. доступ]. URL: https://lk.ivran.ru/media/ПРИНАДЛЕЖИТ_ЛИ_ПАКИСТАН_ЮЖНОЙ_АЗИИ.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

12. Коган А.И. «Белые пятна» этнических процессов в Кашмире // История и современность. 2008. №1. С. 99–112 [эл. доступ]. URL:

https://www.socionauki.ru/journal/files/iis/2008_1/belie_pyatna.pdf (дата обращения: 25.05.2024).
13. Ядыкина Т.С. Многолетняя проблема Кашмира как ядро основного противостояния Индии и Пакистана: основные его периоды и последствия // Архонт. 2020. №3(18). С. 96–103. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoletnyaya-problema-kashmira-kak-yadro-osnovnogo-protivostoyaniya-indii-i-pakistana-osnovnye-ego-periody-i-posledstviya (дата обращения: 21.04.2024).
14. Синельников Ф. Этнические аспекты Кашмирского конфликта после ликвидации штата Джамму и Кашмир в 2019 году. 15.10.2021 // Фонд «Либеральная Миссия»: [сайт]. URL: https://liberal.ru/povestka/etnicheskie-aspekty-kashmirskogo-konflikta-posle-likvidaczii-shtata-dzhammu-i-kashmir-v-2019 (дата обращения: 25.05.2024).
15. Кашмир – история вопроса. 02.01.2012 // Сетевое издание islam.ru: [сайт]. URL: https://islam.ru/content/history/30999 (дата обращения: 25.05.2024).
16. Пахомов Е. Кашмир – «незажившая рана»: как распад Британской Индии отзывается и сегодня. 15.12.2023 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6745963 (дата обращения: 25.05.2024).
17. Pakistan's Assertive Regional Strategy. 24.08.1994 // Federation of American Scientists: [сайт]. URL: https://irp.fas.org/congress/1994_cr/h940912-pak.htm (дата обращения: 20.04.2024).
18. Хрисанфова Д.В. История китайско-пакистанских отношений в контексте создания энергокоридоров // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 148–151.
19. Вайцзяо бу фаянь жэнь маонин чжучи ли син цзичжэ хуэй 外交部发言人毛宁主持例行记者会 [Официальный представитель МИД Мао Нин провела очередную пресс-конференцию]. 2023年12月13日 // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/202312/t20231213_11201681.shtml (дата обращения: 25.05.2024).
20. Брагина Е.А. Индия и Пакистан стали членами ШОС 14.06.2017 // ИМЭМО РАН: [сайт]. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-pakistan-stali-chlenami-shos?ret=527 (дата обращения: 19.04.2024).
21. Яковлев А.Ю. Кашмир, региональная безопасность и индопакистанские отношения // Ars Administrandi. 2011. №4. С. 97–107. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kashmir-regionalnaya-bezopasnost-i-indopakistanskie-otnosheniya (дата обращения: 25.04.2024).
22. Замараева Н.А. Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. №25. С. 226–242. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-pakistanskie-otnosheniya-dvustoronnie-i-regionalnye-vyzovy (дата обращения: 20.04.2024).
23. Конец независимого Кашмира: зачем Индия ликвидирует самый проблемный штат. 06.08.2019 // Сетевое издание РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/06/08/2019/5d4804fd9a79479cba84c7c1 (дата обращения: 20.04.2024).

24. Китай выступил против решения Индии об изменении статуса приграничной области Ладакх. 06.08.2019 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6738197 (дата обращения: 20.04.2024).
25. Islamic Association of China // Wikipedia: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Islamic_Association_of_China (дата обращения: 20.04.2024).

REFERENCES

1. Kharina O.A. Konfliktnaya sostavlyayushchaya otnosheniy v «treugolnike» Pakistan – Indiya – Kitay [The Conflict Component of Relations in the "Triangle" Pakistan – India – China]: diss. … kand. polit. nauk 23.00.04. MGIMO, Moskva, 2017. 232 p. Available at https://mgimo.ru/science/diss/Kharina_diss.pdf (accessed: 24.04.2024). (In Russian).
2. Tankhilevich A.B. Problemy formirovaniya indiysko-pakistanskoy granitsy v khode razdela Pandzhaba v 1947 g [Problems in the Formation of the India-Pakistan Border During the Partition of the Panjab in 1947]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Seriya 13*. *Vostokovedeniye*. 2011. №3. P. 66–73. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-indiysko-pakistanskoy-granitsy-v-hode-razdela-pandzhaba-v-1947-g (accessed: 24.04.2024). (In Russian).
3. Shekhtman G.A. Yadernoye protivostoyaniye Indii i Pakistana [India-Pakistan Nuclear Confrontation]. 01.03.2019. *Nezavisimaya gazeta*. Available at https://nvo.ng.ru/realty/2019-03-01/13_1036_pakistan.html (accessed: 19.04.2024). (In Russian).
4. Ponnatt, S.J. The Normative Approach to Nuclear Proliferation. // *International Journal on World Peace*. 2006. Vol. 23. № 1. P. 89–92. Available at https://www.jstor.org/stable/20753520 (accessed: 24.04.2024).
5. Grossman, D. What China Wants in South Asia. 11.07.2020. *Observer Research Foundation*. Available at https://www.orfonline.org/research/what-china-wants-in-south-asia-67665 (accessed: 20.04.2024).
6. Kupriyanov A. Kak Indiya obzavelas yadernoy bomboy [How India Acquired a Nuclear Bomb]. 23.05.2020. *Sovet po vneshney i oboronnoy politike.* Available at https://svop.ru/main/33128/?wprptest2=1 (accessed: 16.04.2024). (In Russian).
7. Kristensen, H.M. Indian Nuclear Forces, 2018 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2018. Vol. 74. Iss. 6. P. 361–366. Available at https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2018.1533162 (accessed: 24.04.2024).
8. Makarevich G.G. Indiyskiy vzglyad na territorialnyy spor v rukave delty inda Ser-Krik v kontekste otnosheniy s Pakistanom [Indian Stance on the Territorial Dispute Over Sir Creek in the Context of India-Pakistan Relations]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMJeO RAN*. 2021. № 1 P. 99–107. (In Russian).
9. Guarding Gujarat Coast from Pakistan After 26/11. 28.11.2009. *New Delhi Television* (*NDTV*). Available at https://www.ndtv.com/india-news/guarding-gujarat-coast-from-pakistan-after-26-11-405731 (accessed: 18.04.2024).
10. Read Narendra Modi's Letter to PM on Sir Creek. 12.12.2012 // New Delhi Television (NDTV). Available at https://www.ndtv.com/india-news/read-narendra-modis-letter-to-pm-on-sir-creek-507354 (accessed: 18.04.2024).
11. Belokrenitskiy V.Ya. Prinadlezhit li Pakistan Yuzhnoy Azii? [Does Pakistan Belong to South Asia?]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. № 4. P. 222–236. Available at https://lk.ivran.ru/media/ПРИНАДЛЕЖИТ_ЛИ_ПАКИСТАН_ЮЖНОЙ_АЗИИ.pdf (accessed: 15.04.2024). (In Russian).

12. Kogan A.I. «Belyye pyatna» etnicheskikh protsessov v Kashmire [‘White Spots’ of Ethnic Processes in Kashmir]. *Istoriya i sovremennost*. 2008. Vol. №1. P. 99–112 Available at https://www.socionauki.ru/journal/files/iis/2008_1/belie_pyatna.pdf (accessed: 25.05.2024). (In Russian).
13. Yadykina T.S. Mnogoletnyaya problema Kashmira kak yadro osnovnogo protivostoyaniya Indii i Pakistana: osnovnyye yego periody i posledstviya [The Long-Standing Problem of Kashmir as the Core of the Main Confrontation Between India and Pakistan: its Main Periods and Consequences]. *Arkhont*. 2020. №3(18). С. 96–103. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoletnyaya-problema-kashmira-kak-yadro-osnovnogo-protivostoyaniya-indii-i-pakistana-osnovnye-ego-periody-i-posledstviya (accessed: 21.04.2024). (In Russian).
14. Sinelnikov F. Etnicheskiye aspekty Kashmirskogo konflikta posle likvidatsii shtata Dzhammu i Kashmir v 2019 godu [Ethnic Aspects of the Kashmir Conflict after the State of Jammu and Kashmir is Abolished in 2019]. 15.10.2021. *Fond «Liberalnaya Missiya»*. Available at https://liberal.ru/povestka/etnicheskie-aspekty-kashmirskogo-konflikta-posle-likvidaczii-shtata-dzhammu-i-kashmir-v-2019 (accessed: 25.05.2024). (In Russian).
15. Kashmir – istoriya voprosa [Kashmir's Background]. 02.01.2012. *Setevoye izdaniye islam.ru*. Available at https://islam.ru/content/history/30999 (accessed: 25.05.2024). (In Russian).
16. Pakhomov Ye. Kashmir — “nezazhivshaya rana”: kak raspad Britanskoy Indii otzyvayetsya i segodnya [“An Unhealed Wound”: How the Breakup of British India Resonates Today]. 15.12.2023. *Informatsionnoye agentstvo TASS*. Available at https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6745963 (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
17. Pakistan’s Assertive Regional Strategy. 24.08.1994 // Federation of American Scientists. Available at https://irp.fas.org/congress/1994_cr/h940912-pak.htm (accessed: 20.04.2024).
18. Khrisanfova D.V. Istoriya kitaysko-pakistanskikh otnosheniy v kontekste sozdaniya energokoridorov [The History of the Relationship Between China and Pakistan Within the Context of Energy Corridors Establishment]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 383. P. 148–151. (In Russian).
19. Waijiao bu fayan ren maoning zhuchi li xing jizhe hui 外交部发言人毛宁主持例行记者会 [Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning Held Another Press Conference]. 2023年12月13日. *Zhjnghua renmin gongheguo waijiao bu* 中华人民共和国外交部 [*Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*]. Available at https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/202312/t20231213_11201681.shtml (accessed: 25.05.2024). (In Chinese).
20. Bragina Ye.A. Indiya i Pakistan stali chlenami ShOS 14.06.2017 [India and Pakistan became members of the SCO]. 14.06.2017. *IMEMO RAN*. Available at https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-pakistan-stali-chlenami-shos?ret=527 (accessed: 19.04.2024). (In Russian).
21. Yakovlev A.Yu. Kashmir, regionalnaya bezopasnost i indopakistanskiye otnosheniya [Kashmir, Regional Security and Indo-Pakistan Relations]. *Ars Administrandi*. 2011. №4. P. 97–107. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/kashmir-regionalnaya-bezopasnost-i-indopakistanskie-otnosheniya (accessed: 25.04.2024). (In Russian).
22. Zamarayeva N.A. Kitaysko-pakistanskiye otnosheniya: dvustoronniye i regionalnyye vyzovy [China — Pakistan Relations: Bilateral and Regional Challenges]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost*. 2020. №25. P. 226–242. Available at

https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-pakistanskie-otnosheniya-dvustoronnie-i-regionalnye-vyzovy (accessed: 20.04.2024). (In Russian).
23. Konets nezavisimogo Kashmira: zachem Indiya likvidiruyet samyy problemnyy shtat [The End of Independent Kashmir: Why India is Dismantling the Most Troubled State]. 06.08.2019. *Setevoe izdanie RBK*. Available at https://www.rbc.ru/politics/06/08/2019/5d4804fd9a79479cba84c7c1 (accessed: 20.04.2024). (In Russian).
24. Kitay vystupil protiv resheniya Indii ob izmenenii statusa prigranichnoy oblasti Ladakkh [China Opposed India's Decision to Change the Status of the Border Region of Ladakh]. 06.08.2019. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6738197 (accessed: 20.04.2024). (In Russian).
25. Islamic Association of China. *Wikipedia*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Islamic_Association_of_China (accessed: 20.04.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Лазарева Варвара Дмитриевна – Магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: lazareva2.vd@edu.spbstu.ru
Ахтямова Азалия Маратовна – Магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: ahtyamova.am@edu.spbstu.ru; ORCID: 0009-0000-9783-1641
Рахматуллина Регина Шамилевна – Магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: namelessregina@gmail.com
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Lazareva Varvara D. – Master student of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: lazareva2.vd@edu.spbstu.ru
Akhtiamova Azaliia M. – Master student of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: ahtyamova.am@edu.spbstu.ru; ORCID: 0009-0000-9783-1641
Rakhmatullina Regina Sh. – Master student of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: namelessregina@gmail.com
Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.05.2024. Одобрена после рецензирования 28.05.2024. Принята 05.06.2024
Received 11.05.2024. Approved after reviewing 28.05.2024. Accepted 05.06.2024.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА
SOCIETY AND POLITICS

научная статья
УДК: 347.234.7+349.412.2+502.8+902.2
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.3

Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия

Шапчиц Павел Анатольевич ✉
Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
✉ shaptchits@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-3910-1223

Аннотация. *Объекты археологического наследия являются наиболее уязвимыми объектами культурного наследия, однако более 20 лет государственная регистрация права собственности на эти объекты в России не осуществляется. Это затрудняет оформление охранных обязательств в отношении законного собственника объектов и проведение работ по их сохранению. Предметом исследования стали правоотношения по регистрации права государственной собственности на объекты культурного наследия, в том числе на объекты археологического наследия. В фокусе исследования – выявление недостатков существующего правового регулирования, приведших к невыполнению отдельных норм регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия, и предложение путей разрешения проблемы. Материалом исследования являются нормы федеральных законов Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с регистрацией права государственной собственности на объекты археологического наследия, а также правовые позиции исполнительных" органов государственной власти. К числу анализируемых норм относятся нормы-определения («объект культурного наследия», «объект археологического наследия», «объект недвижимого имущества»); нормы, регулирующие гражданско-правовой статус объекта археологического наследия и земельного участка под ним, а также нормы, регулирующие межведомственное взаимодействие в рассматриваемой области. Впервые вводится в научный оборот опыт административная и судебная практика по теме исследования. Основным методом исследования является системное, логическое и языковое толкование норм, общие логические методы, мысленный эксперимент. В результате проведенного исследования обосновано, что все объекты археологического наследия являются объектами недвижимого имущества. Продемонстрировано, что действующее законодательство Российской Федерации предполагает регистрацию права государственной собственности на объекты археологического наследия. Выявлены ситуативные и нормативные факторы, препятствующие регистрации государственной собственности на объекты археологического наследия. Сформулированы предложения по улучшению существующего регулирования.*

***Ключевые слова*:** объект культурного наследия; объект археологического наследия; археологический предмет; государственная собственность; государственная регистрация прав; ЕГРН

***Для цитирования*:** Шапчиц П.А. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 47–79. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.3

© Шапчиц П.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 347.234.7+349.412.2+502.8+902.2
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.3

On the Registration of Public Ownership of Archaeological Heritage Sites

Pavel A. Shapchits ✉
The Legislative Assembly of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia
✉ shaptchits@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-3910-1223

Abstract. *Archaeological heritage sites are the most vulnerable cultural heritage sites, but for 20 years no official registration of public ownership of these sites has been carried out. This makes it difficult to enact security obligations of legal owners of these sites and carry out conservation works. The study focuses at the obligation to register public ownership of cultural heritage sites, including archaeological heritage sites. The purpose of the study is to identify shortcomings of the existing legal regulation that have caused non-compliance with certain norms and non-registration of public ownership of archaeological heritage sites, and to propose ways to resolve the problem. The data for study are the norms of federal laws of the Russian Federation and subordinate acts regulating the procedure of public ownership registration pertaining to archaeological heritage sites, as well as the legal views of executive bodies. The analyzed norms include definitional norms ("cultural heritage site", "archaeological heritage site", "real estate property"), norms regulating the civil legal status of an archaeological heritage site and the land plot underneath it, as well as norms regulating interdepartmental interaction in the area under consideration. For the first time, administrative and judicial practice on the topic of research is being introduced into scholarly discourse. The main research method is a systematic, logical and linguistic interpretation of norms, general logical methods, and thought experiments. It is substantiated that all archaeological heritage sites are real estate properties. It has been demonstrated that the current Russian Federation's legislation requires the registration of public ownership of all archaeological heritage sites. Situational and regulatory factors that impede the registration of public ownership of archaeological heritage sites have been identified. Proposals have been formulated to improve existing regulation.*

***Keywords*:** cultural heritage site; archaeological heritage site; archaeological object; public property; state registration of ownership; Unified State Register of Real Property

***For citation*:** Shapchits, P.A. On the Registration of Public Ownership of Archaeological Heritage Sites. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 47–79. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.3

© Shapchits, P.A., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

Введение

16–17 октября 2021 г. в Московской области при подготовке территории под строительный рынок было уничтожено 90% Щербинского (Конопелкинского) городища – памятника археологии раннего железного века, в культурном слое которого была обнаружена керамика до славянской, дьяковской культуры (VI в. до н.э. – VI в.) [1]. Как указала заместитель директора Института археологии РАН А.В. Энговатова, это «был памятник, выраженный в рельефе, с валами и рвами – теперь его сровняли с землей. Щербинское городище фигурировало во всех учебниках по археологии, это был хрестоматийный, эталонный памятник» [2]. Городище оказалось в границах земельного участка, купленного застройщиком всего за неделю до сноса.

Согласно заявлению Московского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), несмотря на историческую и научную уникальность снесенного памятника, в юридическом отношении его судьба совершенно типична: не имея установленных границ, он не был, да и не мог быть, внесён в кадастр, и сведения об обременении земельного участка не были отражены в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) [3].

Отсутствие сведений об известном с 1960-х годов уникальном объекте в ЕГРН, отсутствие сведений об обременении земельного участка и, как следствие, уничтожение, стали возможными из-за непринятия мер по регистрации государственной собственности на этот объект археологического наследия.

Вот уже более 20 лет федеральные законы Российской Федерации предусматривают обязательную государственную регистрацию права государственной собственности на объекты археологического наследия. Однако ни один объект археологического наследия в Российской Федерации до сих пор не внесен в ЕГРН и, следовательно, все объекты

археологического наследия формально являются бесхозяйным имуществом.

Отсутствие регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия затрудняет как государственное финансирование работ сохранению этих объектов, так и защиту этих объектов от неправомерных посягательств третьих лиц.

В литературе вопросы обеспечения сохранности объектов археологического наследия рассматриваются преимущественно в контексте уголовного или административного преследования, или возмещения причиненного вреда [4–12]. Немало работ рассматривают технические аспекты установления или уточнения границ объектов археологического наследия, что имеет значительную ценность для специалистов-археологов и сотрудников органов охраны объектов культурного наследия [13–20].

Однако рассмотрению более глубоких регуляторных причин, способствующих совершению преступлений, правонарушений, а также причинению вреда археологическому наследию (в первую очередь – вопросам регистрации государственной собственности на объекты археологического наследия) посвящено лишь считанное количество публикаций [21–23].

Выявление недостатков существующего правового регулирования, приведших к неисполнению отдельных норм, отсутствию акта регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия, и предложение путей разрешения проблемы составляет фокус проблем, изложенных в предлагаемой публикации.

Предметом исследования стали правоотношения по регистрации права государственной собственности на объекты культурного наследия, в том числе на объекты археологического наследия.

Материалом исследования являются нормы федеральных законов Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с регистрацией права государственной собственности на объекты археологического наследия, а также правовые позиции исполнительных органов государственной власти. К числу анализируемых норм относятся нормы-определения («объект культурного наследия», «объект археологического наследия», «объект недвижимого имущества»), нормы, регулирующие гражданско-правовой

статус объекта археологического наследия и земельного участка под ним, а также нормы, регулирующие межведомственное взаимодействие в рассматриваемой области. Впервые вводится в научный оборот административная и судебная практика по теме исследования.

Основным методом исследования является системное, логическое и языковое толкование норм, общие логические методы, мысленный эксперимент.

Материалы и результаты исследования

Федеральные законы, регулирующие вопросы государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия

Согласно пункту 3 статьи 49 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" [24] (далее – 73-ФЗ), объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности.

Согласно пункту 1 статьи 131 Гражданского кодекса РФ [25] (далее – ГК РФ), право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

Согласно пункту 6 той же статьи, порядок государственной регистрации прав на недвижимое имущество и основания отказа в регистрации этих прав устанавливаются в соответствии с ГК РФ законом о регистрации прав на недвижимое имущество.

В настоящее время таким законом является Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" [26] (далее – 218-ФЗ). Он не содержит никаких изъятий относительно объектов археологического наследия.

Согласно пункту 1 части 2 статьи 14 218-ФЗ, основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются, среди прочего, акты, изданные

органами государственной власти или органами местного самоуправления в рамках их компетенции и в порядке, который установлен законодательством, действовавшим в месте издания таких актов на момент их издания, и устанавливающие наличие, возникновение, переход, прекращение права или ограничение права и обременение объекта недвижимости.

Применительно к объектам археологического наследия актами, предусмотренными пунктом 1 части 2 статьи 14 218-ФЗ являются:

законодательные и иные правовые акты СССР или РСФСР об отнесении объекта археологического наследия к вновь выявленными памятниками истории и культуры (пункт 4 статьи 64 73-ФЗ);

2) законодательные и иные правовые акты СССР, РСФСР или Российской Федерации об отнесении объекта археологического наследия к памятникам истории и культуры государственного, республиканского или местного значения (пункты 1, 3, 3.1 статьи 64 73-ФЗ);

3) законодательные и иные правовые акты Российской Федерации, принятые до вступления в силу 73-ФЗ, об отнесении объекта археологического наследия к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения (пункт 2 статьи 64 73-ФЗ);

решение регионального органа охраны объектов культурного наследия о включении объекта археологического наследия в перечень выявленных объектов культурного наследия (пункт 16 статьи 16.1 73-ФЗ)

5) решение регионального органа охраны объектов культурного наследия о включении объекта археологического наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (далее – реестр) (пункты 3, 12 статьи 18 73-ФЗ).

Все эти акты, придающие объекту статус объекта археологического наследия (в т.ч. выявленного), являются основанием для государственной регистрации права государственной собственности на эти объекты археологического наследия.

Вместе с тем, на данный момент ни один объект археологического наследия, имеющий статус выявленного объекта культурного наследия или объекта культурного наследия, включенного в реестр, не зарегистрирован в ЕГРН в качестве объекта недвижимого имущества.

Представляется, что позиция исполнительных органов государственной власти по нерегистрации объектов археологического

наследия в качестве объектов недвижимого имущества обусловлена рядом ситуативных и нормативных причин.

К ситуативным причинам относятся:

1) нежелание исполнительных органов государственной власти принимать на баланс объекты археологического наследия в силу их отрицательной инвестиционной привлекательности;

2) практика ограничения распространения сведений об объектах археологического наследия для их защиты от «черных копателей».

К более глубоким, нормативным причинам относятся:

1) широчайшее видовое разнообразие объектов археологического наследия, которые могут обладать как признаками объекта недвижимого имущества, так и признаками совокупности движимых археологических предметов в границах земельного участка;

2) неопределенность формулировки пункта 3 статьи 49 73-ФЗ, которая может предполагать как государственную собственность Российской Федерации, так и государственную собственность субъекта Российской Федерации на объект археологического наследия;

3) противоречие пункта 2 статьи 49 73-ФЗ («Объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно») принципу единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, провозглашенному в подпункте 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса РФ.

Правовые позиции исполнительных органов государственной власти, которые усматривают нормативные причины нерегистрации будут приведены ниже, а предлагаемое решение спорных вопросов будет представлено в Заключении.

Подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия, и их применение

Поскольку в законодательстве не предусмотрен особый порядок регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия, применяться должна общая процедура, предусмотренная для всех объектов культурного наследия.

Процедура государственной регистрации права государственной собственности на объекты культурного наследия, предполагает межведомственное взаимодействие и включает, как минимум:

1) информирование органа по управлению государственным имуществом (уполномоченным действовать от имени Российской Федерации как собственника недвижимого имущества), о наличии (возникновении) обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 части 2 статьи 14 218-ФЗ;

2) направление органом по управлению государственным имуществом заявления о государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия;

3) собственно осуществление государственной регистрации прав.

Объекты культурного наследия в целом представляют собой не самый доходный и удобный в управлении актив. Так, в пособии Генеральной прокуратуры РФ прямо отмечается: «Вопреки требованиям Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» нередко памятники истории и культуры эксплуатируются в отсутствие правоустанавливающих документов на них как на объекты недвижимости» [27, с. 41].

При этом из всех объектов культурного наследия наименее привлекательным активом являются именно объекты археологического наследия: они требуют расходов на проведение работ по сохранению (консервацию, реставрацию), но не могут генерировать какую-либо прибыль. Продажа билетов на посещение немногочисленных «зрелищных» (крупных и хорошо сохранившихся надземных) объектов археологического наследия тоже никогда не покроет затрат на работы по их сохранению и обеспечению их сохранности.

В силу вышесказанного ни Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (далее — Росимущество), ни региональные исполнительные органы управления государственным имуществом не заинтересованы в принятии на баланс десятков тысяч объектов археологического наследия, предполагающих исключительно расходные обязательства. Отсутствие такого интереса, в свою очередь, приводит к тому, что полномочия по государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия

напрямую не предусмотрены положениями о соответствующих органах и их внутренними регламентами.

Более того, право государственной собственности зачастую не регистрируется даже на объекты культурного наследия, являющиеся частью ценнейших объектов культурного наследия федерального значения или необходимые для их обслуживания. В упомянутом выше пособии Генеральной прокуратуры РФ в качестве примера приводится случай отказа Росимущества и Комитета по управлению государственным имуществом Санкт-Петербурга по регистрации государственной собственности соответственно Российской Федерации или Санкт-Петербурга на объекты водопроводящей системы Петергофа [27, с. 41–42].

Ситуация с объектами археологического наследия дополнительно осложняется тем, что приказы Министерства культуры РФ о включении объектов археологического наследия в реестр, согласно сложившейся практике, не публикуются. Такая практика обосновывается Министерством культуры РФ требованиями пункта 10 статьи 20 73-ФЗ, ограничивающими опубликование отдельных сведений об объектах археологического наследия и направленными на противодействие «черным копателям». Практика отсутствия фактов публикации нормативных правовых актов, только часть положения которых составляет государственную тайну, или носит конфиденциальный характер, была признана соответствующей Конституции РФ [28].

Никакого специального порядка передачи Министерством культуры РФ сведений об объектах археологического наследия в орган регистрации прав также не предусмотрено.

Таким образом, без межведомственного взаимодействия ни приказы Министерства культуры РФ о включении объектов археологического наследия в реестр, ни сведения реестра в этой части не доступны для органа регистрации прав.

При этом было бы неверно сказать, что процедура государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия отсутствует и не может исполняться.

С 2012 г. применяется общий порядок передачи информации об объектах культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, от Министерства культуры РФ в Росимущество.

Согласно пункту 5.7 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 2 [29] (далее – Положение о Росимуществе), Росимущество осуществляет в установленном порядке учет федерального имущества, ведение реестра федерального имущества и выдачу выписок из указанного реестра.

Согласно пункту 5.40 Положения о Росимуществе, оно выступает от имени Российской Федерации при государственной регистрации права собственности Российской Федерации на недвижимое имущество, составляющее государственную казну Российской Федерации, и сделок с ним, а также права собственности Российской Федерации на земельные участки, которое признается (возникает) в соответствии с федеральными законами.

Порядок предоставления Росимуществу сведений об объектах культурного наследия утвержден Приказами Минкультуры России N 960, Росимущества N 195 от 06.09.2012 "Об утверждении Порядка представления Федеральному агентству по управлению государственным имуществом сведений, необходимых для учета федерального имущества в реестре федерального имущества и содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации" [30] (далее – Порядок предоставления сведений).

Согласно пунктам 1, 6 Порядка предоставления сведений, сведения, Департамент управления имуществом и инвестиционной политики Минкультуры России формирует и направляет сведения, необходимые для учета федерального имущества в реестре федерального имущества и содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – Сведения), в Управление реестра и анализа использования федерального имущества Росимущества (далее – Управление) по электронной почте:

а) не позднее одного месяца со дня вступления в силу Порядка предоставления сведений Сведения по состоянию на указанный день;

б) ежеквартально, не позднее 15 дней, следующих за отчетным кварталом, изменения Сведений по состоянию на первое число месяца, следующего за отчетным кварталом;

в) ежегодно, до 1 февраля текущего года, Сведения по состоянию на 31 декабря отчетного года.

Согласно пункту 11 Порядка предоставления сведений, Территориальные управления Росимущества Сведения (изменения Сведений) используют для осуществления, в т.ч. учета федерального имущества в реестре федерального имущества в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2007 № 447 "О совершенствовании учета федерального имущества" [31].

Указанным постановлением утверждено Положение об учете и о контроле использования федерального имущества (далее — Положение об учете федерального имущества). В формах реестра федерального имущества, утвержденного в составе приложения №1 к Положению об учете федерального имущества, предусмотрены графы «Категория историко-культурного значения», «Регистрационный номер объекта культурного значения» как в отношении сведений о недвижимом, так и о движимом имуществе (карты №1.2__, №1.3.__, №2.3, №2.4.__.2__, №2.4.__.3__, №2.4.__.6__).

В подпункте «ж» пункта 10, подпункте «ж» пункта 19 раздела III «Заполнение форм» Приложения №4 к Положению об учете федерального имущества указано, что в строки "Категория историко-культурного значения ____" и "Регистрационный номер объекта культурного наследия ____" соответствующих форм вносятся слова "объект культурного наследия федерального значения", "объект культурного наследия регионального значения" или "объект культурного наследия местного (муниципального) значения" и его регистрационный номер в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации согласно паспорту объекта.

Таким образом, учету в качестве федерального имущества могут подлежать объекты культурного наследия всех трех категорий. При этом объекты археологического наследия, согласно статье 4 73-ФЗ, всегда относятся к категории объектов культурного наследия федерального значения.

Как было отмечено выше, Порядок предоставления сведений парадоксальным образом не реализуется в отношении объектов археологического наследия.

Судебным решением [32] были установлены следующие обстоятельства относительно незаконности бездействия Минкультуры России в отношении ненаправления сведений о принятии на государственную охрану в качестве объекта культурного наследия федерального значения «Ниеншанц (Охта I)»:

> Совместным приказом Минкультуры России и Росимущества №960/195 от 06.09.2012 года (зарегистрирован в Минюсте России от 29.12.2012 №26434) был утвержден Порядок представления Федеральному агентству по управлению государственным имуществом сведений необходимых для учета федерального имущества в реестре федерального имущества и содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.
>
> Таким образом, порядок действий, которые должен совершить Минкультуры России для учета федерального имущества в реестре федерального имущества и содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.
>
> Данные действия Минкультуры России в отношении выявленного объекта культурного наследия «Ниеншанц (Охта I) Шведская крепость 1611–1730 гг., участки культурного слоя неолита и раннего металла V–II тыс. до н.э. и грунтового могильника XVI–XVII вв.» произведены не были. Таким образом, имеет место незаконное бездействие».

Насколько мне известно, с 2002 г. ни один объект археологического наследия в Российский Федерации до сих пор не включен в реестр федерального имущества и право государственной собственности Российской Федерации на объекты археологического наследия не зарегистрировано.

3. Правовые позиции федеральных исполнительных органов государственной власти о государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия

Как следует из ответа заместителя директора Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры РФ Г.И. Сытенко [33], позиция Министерства культуры РФ относительно государственной регистрации права государственной собственности на объекты археологического наследия состоит в том, что:

1. 73-ФЗ не предусмотрено издание подзаконного нормативного правового акта, регулирующего порядок оформления (регистрации) права государственной собственности на объекты археологического наследия;

2. 73-ФЗ не регулирует оформление права собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований на объекты культурного наследия (оформление права государственной собственности на объекты культурного наследия регулируется только гражданским законодательством).

Очевидно, что эта позиция не может обосновывать бездействие Министерства культуры РФ в части отсутствия сведений об объектах археологического наследия в Росимущество.

По мнению Росимущества, «вопрос об отнесении объекта археологического наследия к движимому либо недвижимому имуществу следует рассматривать в индивидуальном порядке» [34]. При этом и Росимущество, и Министерство культуры РФ ссылаются на позицию Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), согласно которой «объекты археологического наследия являются составной частью земельного участка и не подлежат регистрации в качестве отдельного объекта недвижимости».

В письме Росреестра от 10.04.2015 №14-исх/04995-ГЕ/15 [35] о применении Федерального закона от 22.10.2014 N315-ФЗ [36] в части государственной регистрации прав на объекты культурного наследия говорится только о регистрации прав на земельные участки, в границах которых расположены объекты археологического наследия, но не на сами объекты археологического наследия. Сам объект археологического наследия рассматривается не как самостоятельный объект недвижимого имущества, а исключительно как обременение земельного участка, в границах которого он расположен.

Такой подход, несомненно, противоречит пункту 2 статьи 49 73-ФЗ, согласно которому объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно.

Правовая позиция Росреестра исключает регистрацию государственной собственности на объекты археологического наследия,

находящиеся на земельных участках, в отношении которых зарегистрировано право частной собственности.

Кроме того, даже в отношении объектов археологического наследия, находящихся в государственной собственности, учитывая требования к финансированию работ по сохранению объектов культурного наследия, государственное финансирование этих работ в отношении объектов археологического наследия, не признанных объектами недвижимого имущества, также невозможно.

Позиция Росреестра была высказана и в разработанном им в 2022 году законопроекте, предусматривающем, среди прочего, изменение определения понятия «недвижимая вещь» в статье 130 ГК РФ [37].

Пунктом 1 статьи 1 проекта закона предлагалось переформулировать определение недвижимой вещи, по-прежнему относя к недвижимым вещам земельные участки, участки недр, но исключив такой ключевой признак недвижимого имущества, как «все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно». При этом предполагалось включить в объем понятия недвижимой вещи «расположенные на земле или под ее поверхностью и созданные в результате строительства здания, сооружения и находящиеся в них помещения, машиноместа; а также здания, сооружения, помещения, машиноместа, единые недвижимые комплексы, образованные в результате преобразования других зданий, сооружений, помещений, машиномест, единых недвижимых комплексов». Наконец, предлагалось сохранить принадлежность объектов незавершенного строительства к недвижимым вещам, уточнив понятие объектов незавершенного строительства в новой статье 141.5.

Целю законопроекта было заявлено увеличение количества объектов недвижимости, права в отношении которых зарегистрированы в ЕГРН.

Вместе с тем очевидно, что изменение объема понятия «недвижимая вещь» с исключением из объема этого понятия всего, что прочно связано с землей, привело бы к невозможности государственной регистрации права государственной собственности на такие объекты археологического наследия, как культурные слои, объекты дерево-земляной архитектуры, например, крепостные рвы или валы, и даже каменные курганы, дольмены и т. д.

Как следует из предложенной в проекте статьи 141.5, обязательным признаком недвижимого имущества является фундамент. Очевидно, большая часть объектов археологического наследия лишена фундаментов, однако при этом является объектами недвижимого имущества.

Проект получил отрицательный отзыв Минэкономразвития и даже не был рассмотрен Правительством Российской Федерации, однако само наличие такой позиции Росреестра вызывает дальнейшие опасения.

Дискуссия: анализ нормативных причин, осложняющих регистрацию права государственной собственности на объекты археологического наследия

Первой упомянутой автором выше нормативной причиной нерегистрации объектов археологического наследия в ЕГРН в качестве объектов недвижимого имущества является кажущаяся двойственность объектов археологического наследия – как обладающих, либо не обладающих признаками объектов недвижимого имущества. Именно эта мнимая двойственность легла в основу правовых позиций Росимущества о том, что вопрос об отнесении объекта археологического наследия к движимому, либо недвижимому имуществу следует рассматривать в индивидуальном порядке.

В литературе можно встретить мнения о том, что объекты археологического наследия и в самом деле могут быть как недвижимыми, так и движимыми объектами [11, с. 52; 38, с. 10–11; 39, с. 136]. Так, М.А. Редчиц указывает на внутреннее противоречие понятия «объект археологического наследия», содержащего в себе признаки как недвижимой, так и движимой вещи [11, с. 52].

Ниже нами обосновано, почему всякий объект археологического наследия является объектом недвижимого имущества, а указанное противоречие легко снимается, если мы будем различать логическое деление понятия и физическое деление предмета.

В действующей редакции 73-ФЗ под объектом археологического наследия понимаются частично, или полностью скрытые в земле, или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным, или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки, или находки. Объектами

археологического наследия являются в том числе городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои (второй абзац статьи 3). Возраст следов существования человека, образующих культурный слой, должен составлять более 100 лет (четвертый абзац статьи 3 73-ФЗ).

Приведенное определение объекта археологического наследия, данное во втором абзаце статьи 3 73-ФЗ, нельзя назвать строгим. Эта размытость является вынужденной и обусловлена чрезвычайным типологическим разнообразием объектов археологического наследия, богатством их возможных внешних форм и материалов, разнообразием мест обнаружения и степени сохранности этих объектов.

Однако ключевой проблемой при определении объектов археологического наследия является то, что они могут представлять собой как здания, строения, сооружения или их части, так и исторически взаимосвязанную совокупность движимых археологических предметов в границах земельного участка.

Первый вид объектов: древние сооружения, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, дорог – это здания, строения, сооружения или их части. Такие объекты не могут быть сведены к совокупности движимых археологических предметов, хотя часто и сопровождаются связанными с ними культурными слоями на сопредельной территории (если эти слои не были полностью исследованы в процессе обнаружения соответствующих недвижимых объектов археологического наследия). Такие объекты археологического наследия чаще относятся к виду «памятник», так как могут быть относительно четко локализованы, а часто и видны на уровне дневной поверхности.

Напротив, второй вид: городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки – могут не включать какие-либо здания, строения, сооружения или их части и представляют собой культурные слои с разной концентрацией археологических предметов. Такие объекты, в отличие от древних зданий, строений и сооружений, даже

теоретически неотделимы от земельного участка, в границах которого расположены, так как совокупность археологических предметов, представляющая собой суть этих объектов, залегает непосредственно в толще земли и не имеет внешне определенных границ. Такие объекты археологического наследия логично относить к виду «достопримечательное место» как место бытования человека в прошлом (при этом разнообразные культурные слои часто ставятся на государственную охрану и в качестве памятников).

Объекты археологического наследия обоих описанных выше видов, безусловно, относятся к объектам недвижимого имущества, так как не могут быть перемещены без несоразмерного ущерба их назначению и вообще сохранности (часть 1 статьи 130 ГК РФ). Позиция об отнесении всех объектов археологического наследия исключительно к недвижимым «элементам археологического наследия» и полноценным объектам недвижимого имущества является, на наш взгляд, очевидной и следует из противопоставление недвижимых объектов археологического наследия движимым археологическим предметам [7, с. 10; 23, с. 193].

При этом представляется не вполне обоснованной позиция некоторых исследователей о том, что логический объем термина «объект археологического наследия» должен включать в себя и археологические предметы, т. е. движимые объекты [40, с. 5–6], поскольку к объектам культурного наследия должны относиться как движимые, так и недвижимые объекты [38, с. 10–11]. Высказанная исследователями позиция о том, что отдельные археологические предметы также могут быть «следами существования человечества в прошлых эпохах» и, следовательно, объектами археологического наследия, вызывает следующие возражения.

Во-первых, в рассматриваемом определении из абзаца второго статьи 73-ФЗ, после слова «следы» следует уточнение: «включая все связанные с такими следами археологические предметы». Если бы археологические предметы сами по себе могли бы рассматриваться в качестве «следов», то определение содержало бы в себе круг.

Во-вторых, в приведенной формулировке культурные слои включены в состав «следов», а не наоборот. При этом культурные слои, очевидно,

являются объектами недвижимого имущества и поэтому не могут быть частью объектов движимого имущества.

В-третьих, по нашему мнению, в археологическом контексте «следы» могут быть расположены только на каком-то недвижимом субстрате (в земле или на камне) и, опять же, поэтому сами являются объектом недвижимого имущества или частью такого объекта.

Кроме того, предложенный исследователями подход противоречил бы общей логике разделения законодательного регулирования отношений, связанных с охраной и оборотом культурных ценностей. Охрана объектов культурного наследия как недвижимых культурных ценностей регулируется 73-ФЗ, а охраны и особенности оборота движимых культурных ценностей, как объектов движимого имущества, регулируются иными законами: Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [41], Законом РФ от 15.04.1993 N 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [42] и др.

В формулировках абзацев первого и второго статьи 3 73-ФЗ имеется определенная симметрия: соответственно для «объекта культурного наследия» и «объекта археологического наследия» законодатель использует в качестве определяющего словосочетания описание объекта недвижимого имущества и уточняет, что с таким объектом недвижимого имущества могут быть связаны (в том числе как его части) и некие движимые культурные ценности.

Таким образом, физическое, мериологическое деление культурного слоя на составляющие его археологические предметы не следует смешивать с логическим делением термина «объект археологического наследия». Отдельно взятый археологический предмет или их группа, уже не образующая культурный слой, конечно же, не являются объектами археологического значения, т. к. не обладает признаком недвижимости.

Тем более нельзя признать обоснованной позицию о том, что в Российской Федерации земельные участки могут сами рассматриваться в качестве объектов археологического наследия [26, с. 52–53, 64].

Второй нормативной причиной нерегистрации объектов археологического наследия в ЕГРН является неопределенность уровня государственной собственности на такие объекты.

Согласно пункту 3 раздела I Приложения 1 к Постановлению ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 [43] (далее – Постановление ВС РФ), исключительно к федеральной собственности относятся объекты историко-культурного и природного наследия и художественные ценности, учреждения культуры общероссийского значения, расположенные на территории Российской Федерации.

При этом памятники археологии, принятые на государственную охрану до 27.12.1991, могли быть отнесены в соответствии с законодательством СССР и РСФСР к числу памятников истории и культуры общесоюзного, республиканского и даже местного значения (см., например, пункт 3.1 статьи 64 73-ФЗ, отдельно регулирующий статус памятников археологии местного значения).

Наиболее распространено толкование положения пункта 3 раздела I Приложения 1 к Постановлению ВС РФ, согласно которому этот пункт касается только памятников истории и культуры общероссийского значения. Так, Т.Б. Силина полагает, что отсутствие какого-либо упоминания памятников в Приложении 2 (федеральная собственность, которая может передаваться субъектам РФ) и в Приложении 3 (муниципальная собственность) говорит о том, что наличие у имущественного объекта статуса памятника местного значения при отнесении объекта к соответствующему уровню собственности не учитывается, а отнесение памятников местного значения к тому или иному уровню публичной собственности должно осуществляться с учетом использования или ведомственной принадлежности здания, являющегося памятником местного значения [44, с. 34]. Очевидно, что такой подход не будет прояснять судьбу объектов археологического наследия, отнесенных к памятникам местного значения на 27.12.1991.

Отмечу, что приведенное толкование пункта 3 раздела I Приложения 1 к Постановлению ВС РФ не так уж очевидно. Дело в том, что грамматически формулировка «объекты историко-культурного и природного наследия И художественные ценности, учреждения культуры общероссийского значения, расположенные на территории Российской Федерации» предполагает и иное толкование, относящее к федеральной собственности все объекты историко-культурного и природного наследия и художественные ценности (любой категории историко-культурного

значения), а также учреждения культуры общероссийского значения, расположенные на территории Российской Федерации.

В пользу такого толкования говорит, во-первых, то, что объекты историко-культурного и природного наследия и художественные ценности местного значения никак не упоминаются в Постановлении ВС РФ. При этом далеко не все памятники имели какую-либо ведомственную принадлежность и могли быть «привязаны» к тому или иному объекту недвижимого имущества или предприятию, предусмотренному Приложениями 2 и 3.

Во-вторых, принятое толкование пункта 3 раздела I Приложения 1 предполагало бы иную форму с иным расположением союза «И»: «объекты историко-культурного и природного наследия, художественные ценности И учреждения культуры общероссийского значения, расположенные на территории Российской Федерации» («и» ставилось бы перед последним однородным членом перечисления).

В-третьих, отсутствие разделения художественных ценностей на категории соответствует существующему на сегодня подходу к музейным предметам, также не разделяющему их на предметы федерального, регионального или местного значения.

Таким образом, если принять наиболее распространенное толкование пункта 3 раздела I Приложения 1 к Постановлению ВС РФ, памятники археологии местного значения могут быть отнесены и к государственной собственности субъектов Российской Федерации.

Более того, даже если соответствующий памятник археологии на 27.12.1991 имел статус памятника истории и культуры государственного (т. е. общесоюзного или республиканского) значения, он мог попасть в перечень объектов культурного наследия, которые необходимы для обеспечения осуществления субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями установленных федеральными законами полномочий, а также в отношении которых должно быть оформлено право собственности Российской Федерации, утверждаемые Правительством Российской Федерации (пункт 4 статьи 2, пункт 2 статьи 63 73-ФЗ).

Таким образом, следует признать, что вопрос об уровне государственной собственности на объекты археологического наследия –

это пробел в законодательстве (наличие этого правового пробела и отмечают исследователи) [45, с. 73].

Учитывая то, что, согласно абзацу 2 статьи 4 73-ФЗ, любые объекты археологического наследия являются объектами культурного наследия федерального значения, логично их отнесение к объектам государственной собственности Российской Федерации.

Наконец, третьей нормативной причиной, затрудняющей государственную регистрацию объектов археологического наследия в качестве самостоятельных объектов недвижимого имущества, является противоречие пункта 2 статьи 49 73-ФЗ принципу единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, провозглашенному в подпункте 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса РФ.

Н.В. Лаврентьев справедливо обратил внимание на нежизнеспособность предусмотренной пунктом 2 статьи 49 73-ФЗ нормы о раздельном гражданском обороте объекта археологического наследия и земельного участка, в пределах которого он располагается [21; 22].

Действительно, эта норма, с одной стороны, препятствует собственнику земельного участка использовать этот участок для обычных целей (строительство, промышленность, сельское хозяйство и т. д.) [46, с. 176], а с другой стороны, не позволяет государству как титульному собственнику объекта археологического наследия полноценно заботиться о его сохранении.

Позиция о практической невозможности раздельного использования земельного участка и объекта археологического наследия высказана также в определении СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 31.01.2007 №91-Г06-10, решении Высшего арбитражного суда РФ от 01.06.2009 №3573/09 (при этом в постановлениях Высшего арбитражного суда РФ от 13.03.2007 №15355/06 и от 21.07.2009 №3573/09 высказывалась противоположная позиция о допустимости оборота земельных участков под объектами археологического наследия). В связи с противоречивостью позиций высших судов высказываются предложения об установлении единого порядка предоставления земельных участков, занимаемых объектами культурного наследия [47, с. 131], и о явном указании в статьях 27 и (или) 99 Земельного кодекса РФ на принципиальную возможность

предоставления в частную собственность государственных земель, занятых объектами археологического наследия [48, с. 121].

На мой взгляд, различный подход законодателя к правовой связи земельных участков и расположенных на них объектов культурного наследия, с одной стороны, и объектов археологического наследия, с другой стороны, сам по себе оправдан и обусловлен невозможностью хозяйственного использования последних.

Имеется лишь два варианта разрешения сложившегося противоречия в части возможности оборота земельных участков с объектами археологического наследия: либо разрешить приватизацию объектов археологического наследия как объектов недвижимого имущества вместе с земельными участками, либо, напротив, запретить приватизацию земельных участков с расположенными на них объектами археологического наследия. Первое, безусловно, привело бы к катастрофическому ухудшению ситуации с обеспечением сохранности объектов археологического наследия, поскольку частный собственник не заинтересован в сохранении таких объектов, а государственным органам охраны объектов культурного наследия крайне затруднительно регулярно отслеживать состояние таких объектов, полностью или частично сокрытых в земле.

Следует также учитывать, что термины «земельный участок, в границах которого располагается объект археологического наследия» и «территория объекта археологического наследия» не тождественны.

Физически существующий объект археологического наследия может быть расположен далеко не на всей утвержденной территории объекта археологического наследия (в особенности это касается объектов археологического наследия «достопримечательное место»). Вместе с тем, такие территории на данный момент могут находиться в частной собственности, как и земельные участки, в границах которых находится объект археологического наследия.

При этом риск физического повреждения самого объекта или исторически или функционально связанной с ним территории при осуществлении хозяйственной деятельности на территории объекта археологического наследия еще выше, чем в случае хозяйственной деятельности на территории земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия. Территорию объекта

археологического наследия затруднительно использовать для обычных целей использования земельного участка частным лицом.

Поэтому ограничения гражданско-правового оборота земельных участков и водных объектов, в пределах которых расположены объекты археологического наследия, следует распространить и на территории объектов археологического наследия.

Заключение (выводы и предложения)

В предложенной статье обоснована обязательность государственной регистрации права государственной собственности на все объекты археологического наследия. Также продемонстрирована несостоятельность возражений против такой регистрации.

Вместе с тем, можно предложить следующие рекомендации по исправлению недостатков существующего правового регулирования.

1. Целесообразно дополнить абзац второй статьи 3 73-ФЗ положением о том, что любой объект археологического наследия является объектом недвижимого имущества. Это исключит возможность произвольного отнесения либо неотнесения объектов археологического наследия к объектам недвижимого имущества и, соответственно, их нерегистрации в ЕГРН.

2. Предлагается конкретизировать формулировку пункта 3 статьи 49 73-ФЗ, дополнительно указав в этом пункте, что объекты археологического наследия (как выявленные, так и включенные в реестр) находятся в государственной собственности Российской Федерации. Это положение заполнит существующий на данный момент законодательный пробел.

Необходимо исключить пункт 2 статьи 49 73-ФЗ, предусматривающий раздельный оборот объекта археологического наследия и земельного участка, в пределах которого он располагается.

Одновременно с этим, следует ввести запрет на передачу земельных участков с расположенными на них объектами археологического наследия, а также территорий объектов археологического наследия в частную собственность. Уже находящиеся в частной собственности земельные участки, в пределах которых расположены объекты археологического наследия, а также территории объектов археологического наследия должны отчуждаться их собственниками в пользу Российской Федерации в порядке, установленном статьей 238, ГК РФ.

Эти изменения позволят исключить существующее на данный момент противоречие между раздельным гражданским оборотом объектов археологического наследия и соответствующих земельных участков, с одной стороны, и принципом единства правовой судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, с другой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щербинское городище разровняли под рынок. 18.10.2021 // Сетевое издание «Коммерсантъ»: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5039628 (дата обращения: 24.04.2024).
2. Под Москвой уничтожен эталонный памятник археологии. 18.10.2021 // Хранители наследия: [сайт]. URL: https://hraniteli-nasledia.com/articles/utraty/pod-moskvoy-unichtozhen-etalonnyy-pamyatnik-arkheologii/ (дата обращения: 24.04.2024).
3. Заявление Московского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в связи с уничтожением Щербинского городища. 27.10.2021 // МОВООПИК: [сайт]. URL: https://movoopik.com/scherbinskoe_gorodische/ (дата обращения: 24.04.2024).
4. Васильев С.А. Проблемы правового обеспечения сохранности объектов археологического наследия // Культура: управление, экономика, право. 2023. № 3. С. 19–23.
5. Завалиев С.В. Предмет как системообразующий признак преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-kak-sistemoobrazuyuschiy-priznak-prestupleniy-posyagayuschih-na-sohrannost-obektov-arheologicheskogo-naslediya (дата обращения: 25.04.2024).
6. Калинин Г.И. Защита публичных интересов: возмещение вреда, причиненного объектам археологического наследия // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 110–121.
7. Ковалев А.А. Применение понятий «археологический предмет» и «культурный слой» в правоохранительной деятельности // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». Москва, 9–10 декабря 2013 г. М.: ИА РАН, 2015. С. 8–32.
8. Мельниченко Н.Н. К вопросу об унификации терминологии уголовного закона в нормах, устанавливающих ответственность за посягательства на сохранность объектов археологического наследия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 90–95.
9. Мельниченко Н.Н. Квалифицированные виды посягательств на сохранность объектов археологического наследия: направления оптимизации их системы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 166–169.
10. Мельниченко Н.Н. Преступления против объектов археологического наследия: понятие и система (ст. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. [эл. доступ]. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-arheologicheskogo-naslediya-ponyatie-i-sistema-st-164-190-226-1-243-243-1-243-2-243-3-uk-rf (дата обращения: 25.04.2024).
11. Редчиц М.А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 50–60.
12. Халиков И.А. Проблемы квалификации преступлений в отношении памятников археологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 86–91.
13. Даниленко Е.П., Буринчик А.С. Формирование территорий объектов археологического наследия в Белгородской области // Вектор ГеоНаук. 2019. Т. 2. № 1. С. 33–43.
14. Михальченко А.П. Определение границ объекта археологического наследия (на примере Шайгинского городища) // Россия и АТР. 2019. № 4 (106). С. 176–186.
15. Михеев А.В. К Методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МарАЭ) // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 311–326.
16. Папин Д.В., Савко И.А., Латышева О.А., Черных А.А., Федорук А.С., Федорук О.А. Некоторые методические вопросы организации работ по определению границ территорий объектов археологического наследия и опыт работ на территории Локтевского района в 2021 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. № 28. С. 101–110.
17. Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Работы по определению границ объектов археологического наследия в Усть-Калманском и Локтевском районах Алтайского края: итоги, размышления, предложения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Сборник научных статей. 2022. № 28. С. 130–133.
18. Федорук А.С., Папин Д.В., Крупочкин Е.П., Суханов С.И. Определение границ археологических памятников с использованием БЛДА-съемки: опыт решения задач на примере Горного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 2. С. 31–43.
19. Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А., Папин Д.В. Работы 2021, 2014, 2015 гг. по определению границ территорий объектов культурного наследия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Сборник научных статей. 2016. Вып. 22. С. 210–216.
20. Чуйкина Е.В., Батуева Н.С. Определение границ территорий объектов археологического наследия Пермского края в 2022 г. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ. 2023. Вып. XXII. С. 89–94.
21. Лаврентьев Н.В. Проблемы гражданско-правового оборота недвижимых объектов археологического наследия // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 225–231.
22. Лаврентьев Н.В. Правовые последствия выявления объекта археологического наследия для собственника земельного участка // Гражданское право. 2024. № 3. С. 14–17.
23. Михальченко А.П. Кадастровый учёт как способ сохранения объектов археологического наследия в Приморье // Россия и АТР. 2018. № 4 (102). С. 190–204.
24. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26, 01.07.2002, ст. 2519.

25. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301
26. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" // Собрание законодательства Российской Федерации, № 29 (ч. I), 20.07.2015, ст. 4344.
27. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры: пособие / В.Г. Бессарабов и др.; Ген. прокуратура Рос. Федерации, Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. 80 с. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/4900096/cult.rtf (дата обращения: 13.02.2024).
28. Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 №1122-О // ЮИС Легалакт: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28042022-n-1122-o/ (дата обращения: 13.02.2024).
29. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 № 432 "О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом" // Собрание законодательства Российской Федерации, № 23, 09.06.2008, ст. 2721.
30. Приказы Минкультуры России № 960, Росимущества № 195 от 06.09.2012 "Об утверждении Порядка представления Федеральному агентству по управлению государственным имуществом сведений, необходимых для учета федерального имущества в реестре федерального имущества и содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации" (Зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2012 № 26434) // «Нормативно-правовые акты, зарегистрированные в Министерстве юстиции РФ». Банк данных: [сайт]. URL: https://minjust.consultant.ru/documents/4315?items=10 (дата обращения: 13.02.2024).
31. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.07.2007 № 447 "О совершенствовании учета федерального имущества" // Собрание законодательства Российской Федерации, № 34, 20.08.2007, ст. 4237.
32. Решение Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 21.03.2022 по делу №2а-277/2022 (вступило в законную силу) // Официальный сайт Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга: [сайт]. URL: https://kbs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=593730860&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.02.2024).
33. Письмо заместителя директора Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры РФ Г.И. Сытенко от 09.04.2021 №5905-12-02 (официально не опубликовано) // Яндекс.диск: [сайт]. URL: https://disk.yandex.ru/d/dzYSWoZqz8nkwA (дата обращения: 13.02.2024).
34. Письмо заместителя руководителя Росимущества О.А. Молчановой от 07.04.2021 №ОМ-07/10970 (официально не опубликовано) // Яндекс.диск: [сайт]. URL: https://disk.yandex.ru/d/dzYSWoZqz8nkwA (дата обращения: 13.02.2024).
35. Письмо Росреестра от 10.04.2015 № 14-исх/04995-ГЕ/15 «О рассмотрении обращения» // СПС «Консультант-Плюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185047/ (дата обращения: 13.02.2024).
36. Федеральный закон от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и

культуры) народов Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 43, 27.10.2014, ст. 5799.

37. Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации в части усовершенствования законодательства о недвижимом имуществе». ID проекта 126112. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [сайт]. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=126112# (дата обращения: 23.02.2024).

38. Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.03. СПб. 2007. 25 с. // Президентская библиотека: [сайт]. URL: https://www.prlib.ru/item/330271 (дата обращения: 13.02.2024).

39. Шухободский А.Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 136–140.

40. Антонова А.А. Гражданско-правовой режим объектов археологического наследия: магистерская диссертация. СПб., 2018. // Официальный сайт СПбГУ: [эл. доступ]. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/13087/1/VKR__Antonova_A_A_.docx (дата обращения: 13.02.2024).

41. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации № 22, 27.05.96, ст. 2591.

42. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, 20.05.1993, № 20, ст. 718.

43. Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 (ред. от 24.12.1993) "О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность".

44. Силина Т.Б. Правовое регулирование разграничения права государственной и муниципальной собственности на объекты культурного наследия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3(9). С. 32–36. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-razgranicheniya-prava-gosudarstvennoy-i-munitsipalnoy-sobstvennosti-na-obekty-kulturnogo-naslediya (дата обращения: 13.02.2024).

45. Смирнова И.Ю., Черных Е.М. Археологическое наследие Удмуртской республики: современное состояние и проблемы государственной охраны // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». Москва, 9–10 декабре 2013 г. М.: ИА РАН, 2015. С. 68–76.

46. Тропина Д.В., Лебедева Т.С., Сурикова А.М. Ограничения осуществления прав на земли историко-культурного назначения // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 175–177.

47. Нигматуллина Э.Ф. Правовой режим культурного слоя городов как объекта культурного наследия // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 4. С. 127–135.
48. Берлизов М.П. Проблематика предоставления земельных участков из государственной собственности, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия: на примере Краснодарского края // Право и государство: теория и практика. 2019. №3 (171). С. 119–122.

REFERENCES

1. Shcherbinskoye gorodishche razrovnyali pod rynok [The Shcherbinskoye Settlement was Leveled for a Market]. 18.10.2021. *Kommersant*. Available at https://www.kommersant.ru/doc/5039628 (accessed: 24.04.2024). (In Russian).
2. Pod Moskvoy unichtozhen etalonnyy pamyatnik arkheologii [A Canonical Archeological Monument was Destroyed Near Moscow]. *Hraniteli nasledija*. Available at https://hraniteli-nasledia.com/articles/utraty/pod-moskvoy-unichtozhen-etalonnyy-pamyatnik-arkheologii/ (accessed: 24.04.2024). (In Russian).
3. Zayavleniye Moskovskogo oblastnogo otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kultury v svyazi s unichtozheniyem Shcherbinskogo gorodishcha [Statement of the Moscow Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in Connection with the Destruction of the Shcherbinsky Settlement]. 27.10.2021. *MOVOOPIK*. Available at https://movoopik.com/scherbinskoe_gorodische/ (accessed: 24.04.2024). (In Russian).
4. Vasilyev S.A. Problemy pravovogo obespecheniya sokhrannosti obyektov arkheologicheskogo naslediya [Problems of Legal Support for the Safety of Archaeological Heritage Objects]. *Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo*. 2023. № 3. P. 19–23. (In Russian).
5. Zavaliyev S.V. Predmet kak sistemoobrazuyushchiy priznak prestupleniy, posyagayushchikh na sokhrannost obyektov arkheologicheskogo naslediya [The Target as a Backbone Feature of Crimes Against Archaeological Heritage Preservation]. *Obshhestvo*: *politika, jekonomika, pravo*. 2016. № 3. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-kak-sistemoobrazuyuschiy-priznak-prestupleniy-posyagayuschih-na-sohrannost-obektov-arheologicheskogo-naslediya (accessed: 25.04.2024). (In Russian).
6. Kalinin G.I. Zashchita publichnykh interesov: vozmeshcheniye vreda, prichinennogo obyektam arkheologicheskogo naslediya [Protection of Public Interests: Compensation for Damage Caused to Objects of Archaeological Heritage]. *Hozjajstvo i pravo*. 2023. №. 4. P. 110–121. (In Russian).
7. Kovalev A.A. Primeneniye ponyatiy «arkheologicheskiy predmet» i «kulturnyy sloy» v pravookhranitelnoy deyatelnosti [Usage of the Concepts of “Archaeological Object” and “Cultural Layer” in Law Enforcement]. *Sohranenie arheologicheskogo nasledija*: *problemy i perspektivy*. Materialy konferencii «*Protivodejstvie nezakonnoj dejatel'nosti v oblasti arheologii*». Moskva, 9–10 dekabrja 2013 g. M.: IA RAN, 2015. P. 8–32. (In Russian).
8. Melnichenko N.N. K voprosu ob unifikatsii terminologii ugolovnogo zakona v normakh, ustanavlivayushchikh otvetstvennost za posyagatelstva na sokhrannost obyektov arkheologicheskogo naslediya [To the Question of Unification of Terminology of the Criminal Law in the Regulations Determining responsibility for the Conservation of the

Protection of the Archaeological Heritage]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki.* 2020. № 8. P. 90–95. (In Russian).
9. Melnichenko N.N. Kvalifitsirovannyye vidy posyagatelstv na sokhrannost obyektov arkheologicheskogo naslediya: napravleniya optimizatsii ikh sistemy [Qualified Types of Crimes Encroaching on the Safety of Archaeological Heritage Sites: Directions for Optimizing Their System]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*. 2022. № 2. P. 166–169. (In Russian).
10. Melnichenko N.N. Prestupleniya protiv obyektov arkheologicheskogo naslediya: ponyatiye i sistema (st. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 UK RF) [Crimes against objects of archaeological heritage: concept and system [Crimes Against the Archaeological Heritage: the Concept and the System (articles 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*. 2018. № 4. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-arheologicheskogo-naslediya-ponyatie-i-sistema-st-164-190-226-1-243-243-1-243-2-243-3-uk-rf (accessed: 25.04.2024). (In Russian).
11. Redchits M.A. Ugolovno-pravovaya okhrana obyektov kulturnogo naslediya [Criminal Law Protection of Cultural Heritage]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2016. № 3. P. 50–60. (In Russian).
12. Khalikov I.A. Problemy kvalifikatsii prestupleniy v otnoshenii pamyatnikov arkheologii [Problems of Qualification of Crimes in Relation to Archaeological Monuments]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2020. № 1 (39). P. 86–91. (In Russian).
13. Danilenko Ye.P., Burinchik A.S. Formirovaniye territoriy obyektov arkheologicheskogo naslediya v Belgorodskoy oblasti [Formation of Territories of Archaeological Heritage Sites in the Belgorod Region]. *Vektor GeoNauk*. 2019. Vol. 2. № 1. P. 33–43. (In Russian).
14. Mikhalchenko A.P. Opredeleniye granits obyekta arkheologicheskogo naslediya (na primere Shayginskogo gorodishcha) [Boundary Delimitation of the Archaeological Heritage Site (A Case Study of the Shaiga Walled Town)]. *Rossija i ATR*. 2019. № 4 (106). P. 176–186. (In Russian).
15. Mikheyev A.V. K Metodike opredeleniya granits territorii obyektov arkheologicheskogo naslediya (na opyte raboty MarAE) [On the Methodology for Determining the Boundaries of the Territory of Archaeological Heritage Objects (Based on the Experience of the MarAE)]. *Povolzhskaja arheologija*. 2017. № 1 (19). P. 311–326. (In Russian).
16. Papin D.V., Savko I.A., Latysheva O.A., Chernykh A.A., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A. Nekotoryye metodologicheskiye voprosy organizatsii rabot po opredeleniyu granits territoriy obyektov arkheologicheskogo naslediya i opyt rabot na territorii Loktevskogo rayona v 2021 godu [Some Methodological Issues of Organizing Work to Determine the boundaries of Territories of Archaeological Heritage Sites and Experience of Work on the Territory of the Loktevsky District in 2021]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja*. 2022. № 28. P. 101–110. (In Russian).
17. Telegin A.N., Golovchenko N.N. Raboty po opredeleniyu granits obyektov arkheologicheskogo naslediya v Ust-Kalmanskom i Loktevskom rayonakh Altayskogo kraya: itogi, razmyshleniya, predlozheniya [Works on Determining the Borders of Archaeological Heritage Objects in the Ust’-Kalmansky and Loktevsky Regions in Altai

Krai: Results, Reflections, Suggestions]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja*. 2022. № 28. P. 130–133. (In Russian).

18. Fedoruk A.S., Papin D.V., Krupochkin Ye.P., Sukhanov S.I. Opredeleniye granits arkheologicheskikh pamyatnikov s ispolzovaniyem BLDA-syemki: opyt resheniya zadach na primere Gornogo Altaya [Determining the Boundaries of Archaeological Sites Using UAV Surveys: Solving Problems on the Example of Gorny Altay]. *Teorija i praktika arheologicheskih issledovanij*. 2021. Vol. 33. № 2. P. 31–43. (In Russian).

19. Fedoruk A.S., Frolov Ya.V., Rednikov A.A., Papin D.V. Raboty 2021, 2014, 2015 gg. po opredeleniyu granits territoriy obyektov kulturnogo naslediya [Works of 2021, 2014, 2015 on Determination of the Boundaries of Territories of Cultural Heritage Objects]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraj*a. Sbornik nauchnyh statej. 2016. Iss. 22. P. 210–216. (In Russian).

20. Chuykina Ye.V., Batuyeva N.S. Opredeleniye granits territoriy obyektov arkheologicheskogo naslediya Permskogo kraya v 2022 g. [Determination of the Boundaries of the Territories of Archaeological Heritage Sites of the Perm Region in 2022]. *Trudy Kamskoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii PGGPU*. 2023. Iss. XXII. P. 89–94. (In Russian).

21. Lavrentyev N.V. Problemy grazhdansko-pravovogo oborota nedvizhimykh obyektov arkheologicheskogo naslediya [Problems of Civil Legal Circulation of Immovable Archaeological Heritage Sites]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2024. № 2 (230). P. 225–231. (In Russian).

22. Lavrentyev N.V. Pravovyye posledstviya vyyavleniya obyekta arkheologicheskogo naslediya dlya sobstvennika zemelnogo uchastka [Legal Consequences of Discovering an Archaeological Heritage Site for the Land Plot Owner]. *Grazhdanskoe pravo*. 2024. № 3. P. 14–17. (In Russian).

23. Mikhalchenko A.P. Kadastrovyy uchet kak sposob sokhraneniya obyektov arkheologicheskogo naslediya v Primorye [Cadastral Registration as a Way to Preserve Archaeological Heritage Sites in Primorye]. *Rossija i ATR*. 2018. № 4 (102). P. 190–204. (In Russian).

24. Federalnyy zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ “Ob obyektakh kulturnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kultury) narodov Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of 25.06.2002 № 73-FZ “On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 26, 01.07.2002, Art. 2519. (In Russian).

25. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 32, 05.12.1994, Art. 330. (In Russian).

26. Federalnyy zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ “O gosudarstvennoy registratsii nedvizhimosti” [Federal Law of 13.07.2015 № 218-FZ “On State Registration of Real Estate”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 29 (Part I), 20.07.2015, Art. 4344. (In Russian).

27. Prokurorskiy nadzor za ispolneniyem zakonodatelstva ob okhrane obyektov kulturnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kultury [Prosecutor's Supervision Over the implementation of legislation on the protection of objects of cultural heritage (historical and cultural monuments]: posobiye. V.G. Bessarabov i dr.; Gen. prokuratura Ros. Federacii, Akad. Gen. Prokuratury Ros. Federacii. M., 2013. 80 p. *Oficial'nyj sajt*

General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. Available at https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/4900096/cult.rtf (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

28. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.04.2022 № 1122-O [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 28.04.2022 № 1122-O]. *JuIS Legalakt*. Available at https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28042022-n-1122-o/ (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

29. Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 05.06.2008 № 432 "O Federalnom agentstve po upravleniyu gosudarstvennym imushchestvom" [Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.06.2008 № 432 "On the Federal Agency for State Property Management"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 23, 09.06.2008, Art. 2721. (In Russian).

30. Prikazy Minkultury Rossii № 960, Rosimushchestva № 195 ot 06.09.2012 "Ob utverzhdenii Poryadka predstavleniya Federalnomu agentstvu po upravleniyu gosudarstvennym imushchestvom svedeniy, neobkhodimykh dlya ucheta federalnogo imushchestva v reyestre federalnogo imushchestva i soderzhashchikhsya v yedinom gosudarstvennom reyestre obyektov kulturnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kultury) narodov Rossiyskoy Federatsii" [Orders of the Ministry of Culture of Russia № 960, Rosimushchestvo № 195 dated 06.09.2012 "On the Approval of the Procedure for Submitting to the Federal Agency for State Property Management the Information Necessary for Recording Federal Property in the Register of Federal Property and Contained in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical Monuments and Culture) of the Peoples of the Russian Federation"] (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 29.12.2012 № 26434). "*Normativno-pravovye akty, zaregistrirovannye v Ministerstve justicii RF*". *Bank dannyh*. Available at https://minjust.consultant.ru/documents/4315?items=10 (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

31. Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 16.07.2007 № 447 "O sovershenstvovanii ucheta federalnogo imushchestva" [Decree of the Government of the Russian Federation of 16.07.2007 No. 447 "On improving the Accounting of Federal Property"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 34, 20.08.2007, Art. 4237. (In Russian).

32. Resheniye Kuybyshevskogo rayonnogo suda goroda Sankt-Peterburga ot 21.03.2022 po delu № 2a-277/2022 [Decision of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg dated 21.03.2022 in case № 2a-277/2022] (entered into legal force). *Oficial'nyj sajt Kujbyshevskogo rajonnogo suda goroda Sankt-Peterburga*. Available at https://kbs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=593730860&delo_id=41&new=0&text_number=1 (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

33. Pismo zamestitelya direktora Departamenta gosudarstvennoy okhrany kulturnogo naslediya Ministerstva kultury RF G.I. Sytenko ot 09.04.2021 № 5905-12-02 [Letter from the Deputy Director of the Department of State Protection of Cultural Heritage of the Ministry of Culture of the Russian Federation G.I. Sytenko dated 09.04.2021 № 5905-12-02] (not published officially). *Yandex.disk*. Available at https://disk.yandex.ru/d/dzYSWoZqz8nkwA (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

34. Pismo zamestitelya rukovoditelya Rosimushchestva O.A. Molchanovoy ot 07.04.2021 № OM-07/10970 [Letter from the Deputy Head of the Federal Property Management Agency O.A. Molchanova dated 07.04.2021 № OM-07/10970] (not published officially).

Yandex.disk. Available at https://disk.yandex.ru/d/dzYSWoZqz8nkwA (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

35. Pismo Rosreyestra ot 10.04.2015 № 14-iskh/04995-GE/15 "O rassmotrenii obrashcheniya" [Letter of Rosreestr dated 10.04.2015 No. 14-ref/04995-GE/15 "On Consideration of the Appeal"]. *SPS* "*Consultant-Plus*". Available at https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185047/ (accessed: 13.02.2024). (In Russian).

36. Federalnyy zakon ot 22.10.2014 № 315-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon "Ob obyektakh kulturnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kultury) narodov Rossiyskoy Federatsii" i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of 22.10.2014 № 315-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 43, 27.10.2014, Art. 5799. (In Russian).

37. Proyekt federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v chasti usovershenstvovaniya zakonodatelstva o nedvizhimom imushchestve». [Draft Federal Law "On amendments to parts one and two of the Civil Code of the Russian Federation in Terms of Improving Legislation on Real Estate."]. Project ID 126112. *Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov*. Available at https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=126112# (accessed: 23.02.2024). (In Russian).

38. Aleksandrova M.A. Grazhdansko-pravovoj rezhim kul'turnyh cennostej v Rossijskoj Federacii [Civil Legal regime of Cultural Property in the Russian Federation]: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. 12.00.03. SPb. 2007. 25 p. *Prezidentskaja biblioteka*. Available at https://www.prlib.ru/item/330271 (accessed 13.02.2024). (In Russian).

39. Shukhobodskiy A.B. Obyekt arkheologicheskogo naslediya kak otdelnyy fenomen kulturnykh tsennostey [An Object of Archaeological Heritage as a Separate Phenomenon of Cultural Values]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* (*Terra Humana*). 2011. № 4. P. 136–140.

40. Antonova A.A. Grazhdansko-pravovoy rezhim obyektov arkheologicheskogo naslediya [Civil Legal Regime of Archaeological Heritage Objects]: magisterskaya dissertatsiya. St. Petersburg, 2018. *Oficial'nyj sajt SPbGU*. Available at https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/13087/1/VKR__Antonova_A_A_.docx (accessed 13.02.2024). (In Russian).

41. Federalnyy zakon ot 26.05.1996 № 54-FZ «O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of 26.05.1996 № 54-FZ "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 22, 27.05.1996, Art. 2591. (In Russian).

42. Zakon RF ot 15.04.1993 № 4804-1 «O vyvoze i vvoze kulturnykh tsennostey» [Law of the Russian Federation of 15.04.1993 № 4804-1 "On the Export and Import of Cultural Property"]. *Vedomosti S`ezda narodnyh deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF*, 20.05.1993, № 20, Art. 718. (In Russian).

43. Postanovleniye VS RF ot 27.12.1991 № 3020-1 (red. ot 24.12.1993) "O razgranichenii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii na federalnuyu sobstvennost, gosudarstvennuyu sobstvennost respublik v sostave Rossiyskoy Federatsii, krayev, oblastey, avtonomnoy oblasti, avtonomnykh okrugov, gorodov Moskvy i Sankt-Peterburga i munitsipalnuyu sobstvennost" [Ruling of the Supreme Council of the Russian

Federation dated 27.12.1991 № 3020-1 (as amended on 24.12.1993) “On the Division of State Property in the Russian Federation into Federal Property, State Property of Republics within the Russian Federation, Territories, Regions, Autonomous regions, Autonomous Districts, the Cities of Moscow and St. Petersburg and Municipal Property”].

44. Silina T.B. Pravovoye regulirovaniye razgranicheniya prava gosudarstvennoy i munitsipalnoy sobstvennosti na obyekty kulturnogo naslediya [Legal Regulation of the Delimitation of State and Municipal Property Rights to Objects of Cultural Heritage]. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika*. 2009. № 3(9). P. 32–36. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-razgranicheniya-prava-gosudarstvennoy-i-munitsipalnoy-sobstvennosti-na-obekty-kulturnogo-naslediya (accessed 13.02.2024). (In Russian).

45. Smirnova I.Yu., Chernykh Ye.M. Arkheologicheskoye naslediye Udmurtskoy respubliki: sovremennoye sostoyaniye i problemy gosudarstvennoy okhrany [Archaeological Heritage of the Udmurt Republic: Current State and Problems of State Protection] // *Sohranenie arheologicheskogo nasledija: problemy i perspektivy*. Materialy konferencii “*Protivodejstvie nezakonnoj dejatel'nosti v oblasti arheologii*”. Moskva, 9–10 dekabre 2013 g. M.: IA RAN, 2015. P. 68–76. (In Russian).

46. Tropina D.V., Lebedeva T.S., Surikova A.M. Ogranicheniya osushchestvleniya prav na zemli istoriko-kulturnogo naznacheniya [Restrictions on the Exercise of Rights to Historical and Cultural Lands]. *Pravo i gosudarstvo*: *teorija i praktika*. 2022. № 12 (216), P. 175–177. (In Russian).

47. Nigmatullina E.F. Pravovoy rezhim kulturnogo sloya gorodov kak obyekta kulturnogo naslediya [Legal Regime of the Cultural Deposit of Cities as an Object of Cultural Heritage]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2012. Vol. 154, book 4. P. 127–135. (In Russian).

48. Berlizov M.P. Problematika predostavleniya zemelnykh uchastkov iz gosudarstvennoy sobstvennosti, v predelakh kotorykh raspolagayutsya obyekty arkheologicheskogo naslediya: na primere Krasnodarskogo kraya [Problems of Providing State-Owned Land Plots within Which Archaeological Heritage Sites are Located: the Example of the Krasnodar Territory] // *Pravo i gosudarstvo*: *teorija i praktika*. 2019. № 3 (171). P. 119–122. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Шапчиц Павел Анатольевич – Кандидат философских наук. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, ООО "Компания "КАРАБИ".
E-mail: shaptchits@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3910-1223
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Shapchits Pavel A. – Candidate of philosophical sciences. Legislative Assembly of Saint Petersburg, Company "KARABI".
E-mail: shaptchits@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3910-1223
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024. Одобрена после рецензирования 06.05.2024. Принята 08.05.2024.
Received 29.03.2024. Approved after reviewing 06.05.2024. Accepted 08.05.2024.

научная статья
УДК: 32.019.5+323.21
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.4

Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны»

Корчагин Василий Леонидович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ korchagin198014@mail.ru; https://orcid.org/0009-0005-7070-7014

Аннотация. *Одним из наиболее заметных политических изменений в Европе на современном этапе является успешное развитие правых партий, активно использующих в своей деятельности популистскую риторику. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим влиянием таких партий на европейской политической арене. Этот процесс оказывает значительное воздействие на политику отдельных государств, поэтому изучение его причин позволит глубже понять специфику современного положения дел в европейском политическом пространстве. Подробный анализ успеха конкретной политической партии позволяет выявить особенности протекания общеевропейского процесса «правого поворота» в определенном государстве. Выбранная для изучения финская политическая партия «Истинные финны» является типичным представителем современного правопопулистского движения. На текущий момент она является одним из наиболее влиятельных акторов в финляндской политике и обладает реальной политической силой, поэтому основной целью данной работы является определение условий и причин успешного развития политической партии «Истинные финны» в контексте общеевропейского «правого поворота». Для достижения этой цели использовались методы анализа и индукции. Были изучены программные документы партии «Истинные финны», заявления её политических лидеров. Также для комплексного изучения политического явления «правого поворота» использовался исторический метод. В результате исследования были выявлены условия и причины, которые привели к подъему европейских правых популистских движений; установлены темы, занимающие ключевое место в идеологии и риторике партии «Истинные финны». Кроме того, были определены действия, выдвигаемые данной партией для решения актуальных социально-политических проблем, и проанализированы аспекты, имеющие наибольшее значение для электората правопопулистских политических движений Финляндии.*

***Ключевые слова*:** популизм; Финляндия; правый популизм; евроскептицизм; иммиграция

***Для цитирования*:** Корчагин В.Л. Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны» // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2 С. 80–98. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.4

© Корчагин В.Л., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 32.019.5+323.21
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.4

Conditions and Reasons for the Success of European Right-Wing Populist Movements on the Case of the Political Party «Finns Party»

Vasiliy L. Korchagin ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ korchagin198014@mail.ru; https://orcid.org/0009-0005-7070-7014

Abstract. *One of the most prominent political changes in Europe at the present stage is the successful development of far-right parties, which actively uses populist rhetoric in their politics. The relevance of the study is determined by the increasing influence of such parties in the European political space. This process has a significant impact on the policies of individual states, and the study of its causes helps to better understand the specifics of the current state of affairs in the European political sphere. Thus, by tracing in detail the success of a particular political party, it is possible to identify the peculiarities for the course of the pan-European process of a "right-wing turn" in a particular state. The Finnish political party "Finns party", which is the subject of this study, is one of the typical examples of the modern right-wing movement. At this moment "Finns Party" is one of the most influential actors in Finnish politics, as it possesses real political power. The purpose of this study is the analysis of conditions and causes that led to the successful development of the "True Finns" political party in the context of the European "right-wing turn". The achievement of this aim came through the use of methods of analysis and induction. The program documents of the «Finns party» and statements of its political leaders were studied. Also, for a comprehensive study of the political phenomenon of the "right-wing turn", the historical method was used. As a result, the study revealed the conditions and reasons led to the rise of European right-wing populist movements. The study also analyzed the topics that held key positions in the ideology and rhetoric of the "True Finns" party. Furthermore, the study researched the actions the "True Finns" party proposed to solve the relevant social and political issues in Finland. Moreover, the study investigated, which aspects had the most influence for the electorate of the right-wing political movements in Finland.*

***Keywords*:** populism; Finland; right-wing populism; Euroscepticism; immigration

***For citation*:** Korchagin, V.L. Conditions and Reasons for the Success of European Right-Wing Populist Movements on the Case of the Political Party «Finns Party». *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 80–98. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.4

© Korchagin, V.L., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Введение

Ряд политических изменений в мире в конце XX в. стал переломным для положения дел в парламентах европейских стран. Распад СССР, Югославские войны, конфликты на территории Африки и Ближнего

Востока и другие значимые политические процессы поспособствовали экономической и политической дестабилизации не только в Европе, но и во всем мире. Эти события привели к значительному притоку мигрантов и экономическому кризису, к которым большинство либеральных правительств мира было не подготовлено. В связи с этим консервативно настроенные партии, которые могли бы препятствовать данным проблемам, начали постепенно набирать популярность среди избирателей. Для того, чтобы как можно расширить свою электоральную базу, консерваторы использовали стратегию популизма. Апеллируя к чувствам национальной идентичности, культуры и ценностей, консерваторы пытались привлечь внимание избирателей в первую очередь к внутренним проблемам, в то время как либеральные политики старались решить внешние. Такой подход привел к возрождению правоконсервативного движения в Европе, выраженному в успехе различных правых партий и их возросшему влиянию на политику европейских государств. Первоначально этот процесс встретил достаточно ожесточенное сопротивление, в частности со стороны Европейского Союза. Данный политический феномен получил неофициальное название «правый поворот».

Актуальность исследования обусловлена возрастающим влиянием правых популистских партий на европейской политической арене. Этот процесс оказывает значительное воздействие на проводимую отдельными государствами политику и на изменение политического климата Европы в целом. Изучение причин данного процесса позволит глубже понять специфику современного положения дел в европейском политическом пространстве. Более подробный анализ отдельно взятой политической партии позволяет выявить степень важности локальных особенностей для протекания общеевропейского процесса «правого поворота» в том или ином государстве. Исходя из этого, изучение причин и условий данного феномена на примере конкретной политической партии представляется в достаточной мере актуальным.

Предлагаемое исследование направлено на определение условий и причин успешного развития политической партии «Истинные финны» в контексте общеевропейского «правого поворота».

В работе были использованы методы анализа и индукции, а также историко-сравнительный метод. Метод анализа предполагает всестороннее

изучение составных аспектов идеологий и политических практик партии «Истинные финны». Метод индукции предполагает восхождение от частных предпосылок к общему выводу, в данном случае – восхождение от признаков отдельных политических партий к выводу об их принадлежности к одному идеологическому течению. Для комплексного изучения политического явления «правого поворота» в процессе его становления и развития был использован историко-сравнительный метод.

Что касается степени научной разработанности заявленной проблематики, данная тема всё же представляется недостаточно изученной, хотя и представлена в ряде отечественных и зарубежных исследований. В частности, использованные в настоящей работе статьи Э. Кестиля-Кекконен и П. Сёдерлунд, В.С. Грибовского, а также Т. Юля-Анттила, охватывают лишь отдельные идеологические устои и социально-политические факторы, приведшие к успеху правых популистских движений Европы. В данной же работе автором совершается попытка объединить и систематизировать уже выявленные аспекты. Научная новизна заключается в попытке вывести общую закономерность успешного развития европейских правых движений, использующих стратегию популизма, путем изучения примера конкретной партии-представительницы данного политического крыла.

Результаты исследования и их обсуждение

Стратегии популизма сложно дать единое определение, поскольку она исторически связана с различными политическими тенденциями и движениями. В современном мире правый популизм представляет собой политический стиль, используемый для привлечения электората путем предложения моментальных решений актуальных проблем и антагонизмом отношений между различными группами населения [1, с. 63]. Основной тактикой является разделение общества на правящую элиту, иммигрантов и народ, в интересах которого правые популисты, по их собственному определению, и действуют [2, с. 166]. В рамках типичной для правого популизма нативистской идеологии народ состоит из коренных жителей страны, а иммигранты и любые прочие представители других государств воспринимаются как угроза для национальной идентичности, культуры и независимости [2, с. 169]. Согласно Ю. Херкману, появление и развитие

популистских движений связано с неспособностью политической системы удовлетворять политические запросы со стороны граждан, часть которых объединяется и начинает противостоять правящей элите [2, с. 169]. Верность консервативным ценностям, лозунговая риторика и заявленная готовность успешно противодействовать актуальным проблемам, волнующим население, обеспечили резкий подъем правопопулистских политических движений.

Феномен так называемого «правого поворота» возник в Европе в ответ на кризис неолиберализма еще в начале 2000-х гг. На тот момент это выражалось в локальных успехах отдельных европейских партий, заявлявших себя как ультраправые. С течением времени, правые политические движения добивались всё большей популярности, формировали коалиционные правительства, а их лидеры занимали высшие государственные посты. На данный момент правые силы сумели добиться значительных успехов в Германии, Франции, Италии, Венгрии, Польше и ряде других западноевропейских государств.

В то же время в различных странах Северной Европы происходили схожие процессы становления и популяризации правопопулистских партий. Так, например, появившаяся в 1988 г. партия «Шведские Демократы» на данный момент занимает второе место по числу представителей в Риксдаге. Норвежская «Христианская народная партия» уже в 1990-х гг. твердо удерживала значительную долю мандатов в Стортинге. Мировые кризисы 1990-х гг. показали, что многие правящие партии левого толка на тот момент были неспособны справиться с вытекающими проблемами, экономическими кризисами и усиленным притоком мигрантов. Консерваторы обещали потенциальным избирателям справиться с возможным крахом экономики за счет ограничения государственного вмешательства и укрепить границы, чтобы не дать мигрантам возможность попасть внутрь страны. Помимо того, в увеличении миграционного потока правые популисты обвиняли процветание Европейского Союза. По их мнению, единый рынок по всей территории Европы увеличил экономический потенциал и дал возможность мигрантам беспрепятственно попадать на территории более развитых стран, чтобы заработать как можно больше денег.

Кроме трудовых мигрантов, в Европу также непрерывным потоком поступали беженцы. Локальные конфликты в Югославии, Африке и на Ближнем Востоке, в дополнение к распаду СССР поспособствовали прибытию пострадавших в приграничные страны Евросоюза. Жертвы политических, этнических и религиозных столкновений, а также люди, пострадавшие от природных бедствий, были вынуждены покидать свои жилища и переезжать в Европу. В 1992 году в Европе было зарегистрировано около 700 тысяч вынужденных мигрантов, что было максимальным показателем для послевоенной Европы. В 1990-х гг. количество иностранцев только в странах ЕС достигло 17 млн. человек, при этом из общего объема мировых международных миграций на Европу приходилось до 20% [3, с. 54].

На современном этапе одним из наиболее ярких и успешных представителей европейского правого популизма является финская партия «Истинные финны». Она была образована в 1995 г., однако, по сути, является не только идейным, но и фактическим наследником обанкротившейся и распущенной в том же году «Финской аграрной партии». После распада последней на правом фланге финляндского политического спектра возникла пустота, которая требовала появления равноценной замены. Часть бывших руководителей «Аграрной партии» приняли решение о создании нового политического образования «на руинах предшественника» [4, p. 2]. Как и «Аграрная партия», её идейные наследники активно использовали в качестве идеологической базы идеи антиэлитизма, экономической справедливости, борьбы с бедностью и коррупцией, а также социального популизма [4, p. 2].

Согласно докладу центра статистики Финляндии, процент поддержки среди финского общества на первых для «Истинных финнов» парламентских выборах в 1999 г. составил 0,99% (26440 голосов) [5, s. 562–563]. Сопоставив эти данные с результатом «Аграрной партии» на последних для неё выборах в 1995 г. (1,3%, 36185 голосов), можно сделать вывод, что финским правым популистам практически удалось сохранить основную базу своего электората. Однако, это по-прежнему не позволяло подняться от уровня маргинального политического образования до статуса реальной политической силы, способной противостоять левоцентристским правящим партиям. Молодой партии для успешного дальнейшего развития

были необходимы как внутренние изменения, так и особые внешние условия.

Вплоть до 2011 г. «Истинные финны» оставались малопопулярным движением, неспособным навязать реальную конкуренцию господствовавшим на тот момент умеренно-левым партиям, формировавшим коалиционные правительства. Однако именно парламентские выборы 2011 г. стали поворотной точкой в истории партии: начался быстрый рост её популярности, что ярче всего демонстрирует резкий прирост её членов. Так, на момент 2013 г. 40% от общего количества представителей партии присоединились к ней в течение двух предшествующих лет [6, p. 657].

Неожиданный успех на выборах в Эдускунту в 2011 г. поспособствовал институционализации партии. Данный процесс представляет собой превращение политической партии из простого собрания граждан в полноценный политический конституционно-правовой институт [7, с. 202]. На практике это выразилось в закреплении программы партии, становлении твердой избирательной базы, представители партии начали занимать все больше мест в Эдускунте, что запустило дальнейший виток набора популярности и укрепления «Истинных финнов». При этом многие ведущие финские средства массовой информации были шокированы внезапным успехом финских консерваторов [8]. Заявления о «поворотном моменте финской истории» нашли распространение во многих заголовках финских агрегаторов новостей.

Ключевым фактором резкого возрастания популярности партии стало повышение иммиграции в конце 1990-х – начале 2000-х. В период 1990–2000 гг. количество прибывших в Финляндию иностранцев, без учета нелегально приехавших, увеличилось троекратно [9, p. 222–223]. Как следствие, государственные затраты на размещение и ассимиляцию иммигрантов значительно выросли. В последующие десять лет иммиграция увеличилась еще в два раза [10, p. 3–4]. Консервативно настроенные финские политические деятели рассматривали этот стремительный рост как большую экономическую, культурную и политическую проблему.

Представители «Истинных финнов» полагали, что государственные средства, которые шли на пособия по безработице иммигрантам, могли

быть использованы в других целях. Так, по их мнению, государство не уделяло должного внимания уязвимым категориям граждан Финляндии: многодетным семьям, пожилым людям, безработным, малым предпринимателям, студентам и работникам аграрного сектора [11, с. 147].

Помимо этого, не все мигранты были способны достаточно быстро ассимилироваться, из-за чего, на взгляд консерваторов, ценности и культура финского народа находились под угрозой. Так, «Истинные финны» полагали, что под усиливающимся давлением культуры иммигрантов, многие традиционные ценности финского народа могли быть размыты, а увеличивающееся число иностранных диаспор позволило бы иностранцам вводить свои законы и продвигать собственную общественно-политическую повестку, несовместимую с финскими ценностями. Иммигранты потенциально могли начать искоренять финские культурные традиции и заменять их на свои, основанные на культуре страны их происхождения.

Консерваторы также предлагали укрепить роль финского языка для интеграции иностранцев. Многие иммигранты могли годами жить на территории Финляндии, при этом не знать финского языка, не работать, но получать социальные выплаты по иммиграции и безработице. Они призывали установить правила для изучения языка и получения социальных пособий только в случае того, что иммигрант будет обучаться и впоследствии владеть финским языком. В противном случае, «Истинные финны» предлагали незамедлительную депортацию иммигранта в страну происхождения.

«Истинные финны» видели в иммигрантах, в частности, в беженцах с Ближнего Востока, потенциальных преступников, поэтому призывали к ужесточению уголовных наказаний, укреплению сил полиции и сил быстрого реагирования. Истинные финны обвиняли действующее законодательство в том, что оно не позволяет полиции вмешиваться в подготовку многих тяжких преступлений до того, как преступники приступили бы к осуществлению своих планов.

Консерваторы призывали также изменить систему содержания заключенных, так как, по их мнению, условия жизни заключенных, в частности этнических иностранцев, часто были лучше, чем у малоимущих и пенсионеров. «Истинные финны» предлагали ужесточить миграционное

законодательство, чтобы иностранные правонарушители были немедленно депортированы из Финляндии. Благодаря этому нагрузка на систему исполнения наказаний должна была уменьшиться, а возможность повторных правонарушений была бы нивелирована [12, s. 41].

Отношение электората «Истинных финнов» к такой программе было поляризованным. Примерно половина респондентов считала ее недостаточно жесткой и предлагала еще более строгие меры, в частности, говоря об уголовной ответственности за преступления, совершенные иммигрантами. Другая половина приветствовала данные предложения, считая их рациональными и логичными [13, p. 17].

Включение вышеперечисленных положений в партийную программу происходило на фоне зарождающегося миграционного кризиса в Европе и последствий экономического кризиса 2008 г. Несмотря на то, что Финляндия была затронута проблемами подобного характера в меньшей степени, чем остальные государства Северной Европы (как, например, Швеция), вопрос отношения к миграционной политике стал одним из наиболее актуальных в общественно-политическом дискурсе страны. В течение 2010-х годов восприятие мигрантов со стороны населения Финляндии менялось в худшую сторону. Респонденты отмечали социальную стагнацию иммигрантов, их нежелание ассимилироваться, учить язык и искать работу [14, p. 7–11]. Это создавало возможность создания локальных диаспор, отрезанных от финской социальной среды, но экономически зависимых от социальных выплат. С другой стороны, стремительно стареющее население Финляндии не могло восполнить трудовые ресурсы страны и создавало еще большую долю затрат на пенсионные пособия, поэтому многие респонденты рассматривали трудовых иммигрантов как необходимое зло [15, p. 49].

Многие из бывших сторонников Национальной коалиции и Финляндского центра начинали поддерживать «Истинных финнов» именно из-за их антимиграционной риторики. Так, уже упомянутый успех на выборах 2011 г. отчасти был продиктован тем, что в ведущих финских СМИ на тот момент доминировали обсуждения иммиграции, нестабильности евро и коррупционности политиков [4, p. 3]. Все эти темы к тому времени уже составляли часть идеологической программы «Истинных финнов» и особенно сильно волновали их избирателей. Даже

несмотря на то, что некоторые медиа негативно писали о деятельности «Истинных финнов», их это не смущало. Это можно объяснить тем, что основная идея правопопулистских партий включает в себя насмешливое, даже конспиративное отношения к средствам массовой информации. Тот факт, что СМИ выставляют такие партии в негативном свете, только доказывает справедливость представлений популистов о том, что средства массовой информации коррумпированы и ненадежны. Ведущие СМИ, по их мнению, является частью деятельности общественной элиты, тогда как популисты, очевидно, представляют собой нечто иное. Даже негативное освещение в средствах массовой информации может подтвердить важность, влияние и легитимность политического деятеля в глазах электората правых популистов [4, p. 3].

Одним из важных факторов появления и становления партии явились социальные медиа. В их число входят не только широко известные социальные сети, но и различные блоги, форумы. Интернет позволяет политическим деятелям напрямую общаться с электоральной базой, раскрывать и доносить свои политические идеи, исследовать мнение общества о различных проблемах и узнавать взгляды избирателей на возможные способы решения этих проблем.

В то же время некоторые политики могут манипулировать информацией, которую они распространяют, излишне упрощать или усложнять отдельные тезисы, скрывать сведения или вовсе делать неподтвержденные фактами заявления. Интернет и, в частности, социальные сети могут стать своеобразными эхо-камерами, в которых группы единомышленников общаются только друг с другом, не принимая во внимание противоположные мнения.

Представители партии «Истинные финны», в частности действующий председатель Эдускунты Юсси Халла-Ахо и один из основоположников партии Тимо Сойни, с начала 2000-х активно вели блоги и участвовали в интернет-дискуссиях о проблемных моментах мультикультурализма, иммиграционной политике Европейских стран и о важности сохранения финской культуры [4, p. 6]. Помимо этого, деятели высказывали свое недовольство экономической политикой Европейского Союза. По их мнению, Европейский Союз являлся не демократической силой сплочения европейцев, а бюрократическим аппаратом, неспособным

грамотно представлять интересы бизнеса европейских стран [16]. Отсутствие скорости реагирования на вызовы, вызванное большим количеством бюрократических процессов, не позволяло должным образом решать проблемы отдельных стран Евросоюза. Такая риторика позволила быстро завоевать поддержку консервативно настроенных слоев населения, в частности из тех регионов, куда в основном был направлен приток иммигрантов, например, Уусимаа, Пирканмаа и Северная Остроботния.

В статье Э. Кестиля-Кекконен и П. Сёдерлунд представлен анализ различных составляющих и характеристик политических партий, которые влияют на то, как голосуют их избиратели. В целях систематизации этого авторы используют разделение на три основных параметра: важность самой партии, её лидера и отдельных кандидатов на муниципальных выборах. Исследуя предпочтения электоральной базы именно правых популистских партий, авторы составляют список тех аспектов, которые обладают наибольшим значением для избирателей. Основной тезис заявлен в начале работы и подтвержден исследованиями на основе общенационального репрезентативного поствыборного опроса. Он заключается в том, что ключевым фактором успешности правой популистской партии является наличие сильного харизматичного лидера, поскольку «лидер партии традиционно занимает видное положение в популистских правых партиях, и многие избиратели основывают свои решения на лидере, а не на партийном бренде» [6, p. 642]. Такой лидер обычно строит образ «народного кандидата» и знает, как нужно говорить с «забытым народом», противопоставляя себя представителям правящей элиты [2, s. 175]. Наглядным примером этой тенденции является случай партии «Истинные финны», важным фактором успеха и олицетворением которой стал её многолетний лидер Тимо Сойни.

На момент распада «Аграрной партии» в 1995 г. политик состоял в ней уже 16 лет и занимал пост вице-председателя с 1989 г. [11, с. 147]. Именно Сойни разработал последнюю партийную программу, согласно которой SMP окончательно должна была укорениться в статусе националистически-популистской партии [17]. После расформирования «Аграрной партии» совместно с другими её экс-представителями Сойни стал одним из инициаторов создания «Истинных финнов». Первоначально став партийным секретарем, уже спустя два года политик был избран на

должность председателя, которую занимал в течение следующих 20 лет. Таким образом, в глазах избирателей Сойни символизировал преемственность финского правопопулистского движения, а также обладал верностью определенным политическим идеалам и устоявшейся системой взглядов и ценностей.

Стоит отметить, что Тимо Сойни – фигура достаточно неоднозначная. Как уже упоминалось выше, Сойни имеет собственный интернет-блог, где выкладывает свои заметки о политике, религии и экономике, а также рассказывает об интересных моментах своей жизни. Помимо этого, также на сайте блога имеется возможность прямого контакта с политиком по электронной почте. Даже несмотря на большую рабочую загруженность, у Сойни было время публиковать свои заметки и ответы избирателям. Этот факт говорит о том, что Сойни видит большую ценность в открытом общении с электоратом, использует это для поднятия своего рейтинга.

Стоит отметить, что лексика, используемая Сойни, часто неофициальная и прямая, что может повысить интерес к прочтению простого гражданина Финляндии. Открытый доступ и частые публикации на странице Сойни способствовали быстрому распространению его идей среди потенциальной электоральной базы «Истинных финнов».

В первую очередь, Сойни – убежденный католик, в то время как большинство жителей Финляндии исповедует протестантизм. Так, Сойни считает недопустимым разрешение на аборты и возможность женщинам становиться священнослужителями [18]. Несмотря на некоторые религиозные различия, ему удалось заручиться поддержкой даже протестантского электората за счет призыва к религиозной вере независимо от конфессии.

Сойни в большинстве своих публикаций открыто критикует политику Европейского Союза и либеральных партий Финляндии, ссылаясь на медлительность, излишние бюрократические процессы и неспособность грамотно отвечать на важнейшие вызовы. Сойни с насмешкой писал о том, насколько социал-демократы нуждаются в его помощи при решении вопросов в Эдускунте [19]. Посетители блога Сойни постепенно перенимали риторику евроскептицизма и консерватизма и

делились ей в своих социальных сетях, количество читателей Сойни заметно росло.

Действительно, можно проследить тенденцию роста популярности самого Сойни и его партии после того, как политик начал вести свой блог. Так, в период с 2007 по 2011 гг. количество голосов за Сойни на мандат в Эдускунте выросло более чем вдвое: с 19859 до 43437. Важность ведения блога для общения с избирателями отмечал и сам Сойни [20].

Помимо роли личности партийного лидера, среди других важных для достижения успеха правыми популистами аспектов можно выделить оппозиционность «политическим элитам» и истеблишменту. Создавая собственный образ «простых людей», консерваторы с легкостью могут заручиться поддержкой среди нижних и средних слоев населения. Консерваторы могут представлять себя маргинализированными, подверженными остракизму со стороны правящих элит, таким образом показывать потенциальным избирателям, что они разделяют проблемы классового неравенства.

Ряд исследователей придерживается позиции, что такие аспекты, как идеология и партийные характеристики, для избирателей правых популистов имеют гораздо меньшее значение, чем для электората других партий [6, p. 645]. При этом признается важность некоторых идеологических основ, типичных для правых популистских движений. В их числе можно назвать экономический и культурный протекционизм, основанный на рыночном либерализме и национальном популизме [5, p. 646]. Также, одним из важных аспектов для потенциальных избирателей является антиэлитизм, маргинализованность партии.

Культурный протекционизм правых популистов заключается в усилении пограничного контроля и запреты на проведение культурных мероприятий иностранных диаспор. Взамен консерваторы предлагают усиливать значимость традиционных ценностей своей страны и увеличивать количество дотаций на сохранение культуры коренных жителей. Помимо этого, правые заостряют особое внимание на важности языка как основополагающего элемента культуры страны. Часто в тезисах правых популистов можно обнаружить заявления о чистоте финского языка и неприемлемости появления языков иммигрантов и этнических меньшинств в рекламе и средствах массовой информации. Консерваторы

также призывают простых граждан своей страны сохранять и чтить традиции своих предков. В случае стран Северной Европы, некоторые политики могут продвигать идеи доминантности конфессии, опираясь на историческое значение христианства в европейских странах. Так, как уже упоминалось ранее, Тимо Сойни в своем интернет-блоге, часто апеллирует к христианским канонам, цитирует слова из Библии и призывает читателей как можно чаще посещать церковные мероприятия. Проблемы, которые может вызывать мультикультурализм, продвигаемый либеральными партиями, неоднократно вызывают полемику в кругах консерваторов.

Экономический протекционизм также играет немаловажную роль в риторике правых популистов. Если говорить о странах Северной Европы, консервативные политики часто высказываются о проблемах Европейского Союза, например, его неспособности создать экономическую независимость отдельных стран. Регулярно появляются заявления о том, что некоторые государства-члены Евросоюза могут быть слишком зависимы от решений ведущих стран и не могут навязать реальную конкуренцию на глобальном рынке. Бюрократические излишки мешают бедным странам поднимать свой экономический потенциал, а членские взносы занимают слишком значимую статью расходов государственного бюджета. Правые популисты обвиняют Европейский союз в том, что вместо обещанной зоны свободной торговли, он создает политически зависимое от центров принятия решений собрание стран. Консерваторы предлагают избавиться от политического аспекта Евросоюза и создать реальный свободный рынок.

Заключение

Финская политическая партия «Истинные финны» является классическим примером правоконсервативных популистских движений Европы, достигнувших успеха и популярности в рамках процесса «правого поворота». На это повлияли как общие для всего европейского политического пространства причины, так и специфические для Финляндии социокультурные и политические аспекты.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Ключевым фактором успешности правых популистских движений в Европе стали миграционные кризисы, охватывающие период с 1990-х гг. по настоящее время. Леволиберальные правительства зачастую не были способны справиться с вызываемыми иммиграцией проблемами, в то время как правые популисты уверенно заявляли о своей готовности обеспечить их скорейшее разрешение.

2. Партия «Истинные финны» активно использовала в своей программной деятельности антиэмигрантскую повестку, благодаря чему получала новых сторонников из числа голосующих, недовольных проводимой государством иммиграционной политикой. Количество таких избирателей с каждым годом росло, что способствовало увеличению аудитории партии.

3. Риторика евроскептицизма традиционно занимала важное место в идеологии «Истинных финнов». Критике подвергались миграционная и экономическая политика Евросоюза, приносящая Финляндии исключительно вред. При этом, по мнению финских правых популистов, из-за своего сложного бюрократического устройства Евросоюз не способен оперативно решать проблемы отдельных государств, входящих в его состав.

4. Для правопопулистских движений крайне важную роль имеет наличие сильного харизматичного лидера. В случае «Истинных финнов» эту роль на протяжении 20 лет выполнял политик Тимо Сойни. Его деятельность на посту председателя партии характеризуется яркими популистскими заявлениями, борьбой с политическим истеблишментом Финляндии и открытым общением с избирателями, в том числе с использованием социальных сетей. Немаловажным аспектом является удачное формирование у политика имиджа «кандидата от народа» и оппонента правящих элит, что важно в мировосприятии электората правых популистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибовский В.С. Правый популизм: особенности политического феномена // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №1. С. 61–64. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravyy-populizm-osobennosti-politicheskogo-fenomena (дата обращения: 18.03.2024).

2. Herkman, J. Populismin merkitsijät. Perussuomalaiset 2010-luvun alun pilakuvissa // Politiikka: Valtiotieteellisen yhdistyksen julkaisu. 2017. №3. S. 165–182. [эл. доступ]. URL: https://sites.tuni.fi/uploads/2020/04/b3703b59-populismin-merkitsijat-002.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
3. Плешакова Н. Миграционный кризис в Европе: причины и последствия для ЕС // Панорама: сборник научных трудов факультета международных отношений. 2017. Т. 30. С. 53–59. [эл. доступ]. URL: http://inco.vsu.ru/UserFiles/files/images/eu_projects/eumig/publications/Плешакова_Выпуск_30_2017.pdf (дата обращения: 18.03.2024).
4. Ylä-Anttila, T. Social Media and the Emergence, Establishment and Transformation of the Right-Wing Populist Finns Party // Populism. 2020. Vol. 3. Iss. 1. P. 121–139. [эл. доступ]. URL: https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/d7928515-332d-476b-95cd-2cee80bfefaf/content (дата обращения: 19.03.2024).
5. Tilastokeskus: Suomen tilastollinen vuosikirja 2004. Helsinki: Tilastokeskus, 2004. 718 s. [эл. доступ]. URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/90078/yyti_stv_200400_2004_net.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
6. Kestilä-Kekkonen, E., Söderlund, P. Party, Leader or Candidate? Dissecting the Right-Wing Populist Vote in Finland // European Political Science Review. 2014. Vol. 6. Iss. 4. P. 641–662. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/261983371_Party_Leader_or_Candidate_Dissecting_the_Right-Wing_Populist_Vote_in_Finland (дата обращения: 19.03.2024).
7. Дюгурова А.И. Институционализация партийных систем: введение в проблему // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 199–204. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-partiynyh-sistem-vvedenie-v-problemu (дата обращения: 23.03.2024).
8. Finland Election: Massive Gains for True Finns, Bad Night for Centre Party, as Finland Experiences Sweeping Protest Vote. 18.04.2011 // Helsingin Sanomat: [сайт]. URL: https://hiiraan.com/news4/2011/Apr/18473/finland_election_massive_gains_for_true_finns_bad_night_for_centre_party_as_finland_experiences_sweeping_protest_vote.aspx (дата обращения: 23.03.2024).
9. Andersson, R., Dhalmann, A., Holmqvist, E., et al. Immigration, Housing and Segregation in the Nordic Welfare States. Helsinki: Helsinki University Print, 2010. 285 p. [эл. доступ]. URL: https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/b39645e5-a554-4a58-9aca-5624ff0e0750/content (дата обращения: 23.03.2024).
10. Annual Report on Immigration. 2011 // Finnish immigration service: [сайт]. URL: https://migri.fi/documents/5202425/6169001/2011+Annual+report+on+immigration+%28en%29.pdf/d1a19bab-ab49-40ef-a5d0-82e786c97ceb/2011+Annual+report+on+immigration+%28en%29.pdf?version=1.2&t=1549549345000 (дата обращения: 23.03.2024).
11. Погодин С.Н. Партия «Истинные финны» в политической системе Финляндии // Terra Linguistica. 2013. № 172. С. 146–153. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/partiya-istinnye-finny-v-politicheskoy-sisteme-finlyandii (дата обращения: 19.03.2024).

12. Suomalaiselle sopivin. Perussuomalaiset r.p:n eduskuntavaaliohjelma 2011. 25.02.2011. 68 s. [эл. доступ]. URL: https://www.perussuomalaiset.fi//wp-content/uploads/2013/04/Perussuomalaisten_eduskuntavaaliohjelma_2011.pdf (дата обращения: 23.03.2024).
13. Finding the Way: A Discussion of the Finnish Migrant Integration System. January 2017 // International Migration Division. [сайт]. URL: https://www.oecd.org/migration/mig/Finding-the-Way-Finland.pdf (дата обращения: 24.03.2024).
14. Kerr, S.P., Kerr, W.R. Economic Impacts of Immigration: A Survey // Finnish Economic Papers. 2011. Vol. 24. № 1. [эл. доступ]. URL: https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/Kerr_Kerr%20FEP11_ImmSurvey_45fedf44-7eca-4416-84d9-ec5a00ef6b4b.pdf (дата обращения: 23.03.2024).
15. Łobodzińska, A. Immigrants and Immigration Policy in Ageing Finland // Bulletin of Geography. Socio-Economic series. 2011. №15. P. 43–55. [эл. доступ]. URL: https://apcz.umk.pl/BGSS/article/view/v10089-011-0003-z (дата обращения: 23.03.2024).
16. Soini, T. Susi kävi mynämäellä. 17.02.2007 // Timo Soini: henkilökohtainen blogi: [сайт]. URL: http://timosoini.fi/2007/02/susi-kavi-mynamaella/ (дата обращения: 23.03.2024).
17. Kaikkonen, R. Smp aikoo julistautua populistiseksi puolueeksi Pelastajaksi ja nostajaksi laaditaan uutta puolueohjelmaa. 26.04.1992 // Helsingin Sanomat: [сайт]. URL: https://www.hs.fi/kotimaa/art-2000003139702.html (дата обращения: 23.03.2024).
18. Timo Soini: Naispappeus ajoi minut katolilaiseksi. 24.09.2009 // Ilta-Sanomat: [сайт]. URL: https://www.is.fi/kotimaa/art-2000000027195.html (дата обращения: 24.03.2024).
19. Soini, T. Missä se Soini on? 06.09.2011 // Timo Soini: henkilökohtainen blogi: [сайт]. URL: http://timosoini.fi/2011/09/missa-se-soini-on/ (дата обращения: 24.03.2024).
20. Soini, T. Tuli iso jytky. 18.04.2011 // Timo Soini: henkilökohtainen blogi: [сайт]. URL: http://timosoini.fi/2011/04/tuli-iso-jytky/ (дата обращения: 24.03.2024).

REFERENCES

1. Gribovskiy, V.S. Pravyy populizm: osobennosti politicheskogo fenomena [Right-Wing Populism as a Political Phenomenon]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN*. 2019. № 1. P. 61–64. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/pravyy-populizm-osobennosti-politicheskogo-fenomena (accessed: 18.03.2024). (In Russian).
2. Herkman, J. Populismin merkitsijät. Perussuomalaiset 2010-luvun alun pilakuvissa [Signs of Populism. True Finns in Caricatures of the Early 2010s]. *Politiikka*: *Valtiotieteellisen yhdistyksen julkaisu*. 2017. №3. S. 165–182. Available at: https://sites.tuni.fi/uploads/2020/04/b3703b59-populismin-merkitsijat-002.pdf (accessed: 19.03.2024). (In Finnish).
3. Pleshakova N. Migratsionnyy krizis v Yevrope: prichiny i posledstviya dlya YeS [Migration Crisis in Europe: Causes and Consequences for the EU]. *Panorama*: *sbornik nauchnykh trudov fakulteta mezhdunarodnykh otnosheniy*. 2017. T. 30. P. 53–59. Available at http://inco.vsu.ru/UserFiles/files/images/eu_projects/eumig/publications/Плешакова_Выпуск_30_2017.pdf (accessed: 18.03.2024). (In Russian).
4. Ylä-Anttila, T. Social Media and the Emergence, Establishment and Transformation of the Right-Wing Populist Finns Party. *Populism*. 2020. Vol. 3. Iss. 1. P. 121–139. [эл.

доступ]. URL: https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/d7928515-332d-476b-95cd-2cee80bfefaf/content (дата обращения: 19.03.2024).
5. Tilastokeskus: Suomen tilastollinen vuosikirja 2004. [Statistics Finland: Finnish Statistical Yearbook 2004] Helsinki: Tilastokeskus, 2004. 718 s. Available at: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/90078/yyti_stv_200400_2004_net.pdf (accessed: 22.03.2024). (In Finnish).
6. Kestilä-Kekkonen, E., Söderlund, P. Party, Leader or Candidate? Dissecting the Right-Wing Populist Vote in Finland. *European Political Science Review*. 2014. Vol. 6. Iss. 4. P. 641–662. Available at https://www.researchgate.net/publication/261983371_Party_Leader_or_Candidate_Dissecting_the_Right-Wing_Populist_Vote_in_Finland (accessed: 19.03.2024).
7. Dyugurova A.I. Institutsionalizatsiya partiynykh sistem: vvedeniye v problemu [Institutionalization of Party Systems: Introduction to the Problem]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*. 2010. Vol. 152. № 1. P. 199–204. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-partiynyh-sistem-vvedenie-v-problemu (accessed: 23.03.2024). (In Russian).
8. Finland Election: Massive Gains for True Finns, Bad Night for Centre Party, as Finland Experiences Sweeping Protest Vote. 18.04.2011. *Helsingin Sanomat*. Available at https://hiiraan.com/news4/2011/Apr/18473/finland_election_massive_gains_for_true_finns_bad_night_for_centre_party_as_finland_experiences_sweeping_protest_vote.aspx (accessed: 23.03.2024).
9. Andersson, R., Dhalmann, A., Holmqvist, E., et al. Immigration, Housing and Segregation in the Nordic Welfare States. Helsinki: Helsinki University Print, 2010. 285 p. Available at https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/b39645e5-a554-4a58-9aca-5624ff0e0750/content (accessed: 23.03.2024).
10. Annual Report on Immigration. 2011. *Finnish Immigration Service*. Available at https://migri.fi/documents/5202425/6169001/2011+Annual+report+on+immigration+%28en%29.pdf/d1a19bab-ab49-40ef-a5d0-82e786c97ceb/2011+Annual+report+on+immigration+%28en%29.pdf?version=1.2&t=1549549345000 (accessed: 23.03.2024).
11. Pogodin S.N. Partiya «Istinnyye finny» v politicheskoy sisteme Finlyandii [The Party “True Finns” in the Political System of Finland]. *Terra Linguistica*. 2013. № 172. P. 146–153. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/partiya-istinnye-finny-v-politicheskoy-sisteme-finlyandii (accessed: 19.03.2024). (In Russian).
12. Suomalaiselle sopivin. Perussuomalaiset r.p:n eduskuntavaaliohjelma 2011. [The Most Suitable for Finns. True Finns r.p. Parliamentary Election Program 2011]. 25.02.2011. 68 s. Available at https://www.perussuomalaiset.fi//wp-content/uploads/2013/04/Perussuomalaisten_eduskuntavaaliohjelma_2011.pdf (accessed: 23.03.2024). (In Finnish).
13. Finding the Way: A Discussion of the Finnish Migrant Integration System. January 2017. *International Migration Division*. Available at https://www.oecd.org/migration/mig/Finding-the-Way-Finland.pdf (accessed: 24.03.2024).
14. Kerr, S.P., Kerr, W.R. Economic Impacts of Immigration: A Survey. *Finnish Economic Papers*. 2011. Vol. 24. № 1. Available at https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/Kerr_Kerr%20FEP11_ImmSurvey_45fedf44-7eca-4416-84d9-ec5a00ef6b4b.pdf (accessed: 23.03.2024).

15. Łobodzińska, A. Immigrants and Immigration Policy in Ageing Finland. *Bulletin of Geography. Socio-Economic series.* 2011. № 15. P. 43–55. Available at https://apcz.umk.pl/BGSS/article/view/v10089-011-0003-z (accessed: 23.03.2024).
16. Soini, T. Susi kävi mynämäellä [The Wolf Went to Mynämäki]. 17.02.2007 // *Timo Soini*: *personal blog*. Available at http://timosoini.fi/2007/02/susi-kavi-mynamaella/ (accessed: 23.03.2024). (In Finnish).
17. Kaikkonen, R. SMP aikoo julistautua populistiseksi puolueeksi Pelastajaksi ja nostajaksi laaditaan uutta puolueohjelmaa [SMP Intends to Declare Itself as a Populist Party, the Savior, and a New Party Program is Being Drawn up as the Lifter]. 26.04.1992. *Helsingin Sanomat.* Available at https://www.hs.fi/kotimaa/art-2000003139702.html (accessed: 23.03.2024). (In Finnish).
18. Timo Soini: Naispappeus ajoi minut katolilaiseksi [Timo Soini: The Female Priesthood Motivated Me to Become a Catholic]. 24.09.2009. *Ilta-Sanomat*. Available at https://www.is.fi/kotimaa/art-2000000027195.html (accessed: 24.03.2024). (In Finnish).
19. Soini, T. Missä se Soini on? [Where is Soini?] 06.09.2011. *Timo Soini*: *personal blog*. Available at http://timosoini.fi/2011/09/missa-se-soini-on/ (accessed: 24.03.2024). (In Finnish).
20. Soini, T. Tuli iso jytky [There Was a Big Noise]. 18.04.2011. *Timo Soini*: *personal blog.* Available at http://timosoini.fi/2011/04/tuli-iso-jytky/ (accessed: 24.03.2024). (In Finnish).

Сведения об авторах / Information about authors

Корчагин Василий Леонидович – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: korchagin198014@mail.ru; ORCID: 0009-0005-7070-7014
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Korchagin Vasiliy L. – Postgraduate student, Higher School of International Relations Humanitarian Institute. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: korchagin198014@mail.ru; ORCID: 0009-0005-7070-7014
The author declares no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 11.04.2024. Одобрена после рецензирования 16.04.2024. Принята 27.04.2024.
Received 11.04.2024. Approved after reviewing 16.04.2024. Accepted 27.04.2024.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.5

Механизмы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Германии

Момотюк Савелий Владимирович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ sava_Sava_mew@mail.ru

Богданова Надежда Викторовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
nvbogdanova@spbstu.ru; https://orcid.org/0000-0002-8604-7306

Аннотация. *Исследование механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства в Федеративной Республике Германия представляет особый интерес в связи с тем, что данный сектор играет важную роль для экономического роста государства. Характеристика государственных программ по регулированию малого и среднего бизнеса – ключевая проблема исследования. Источниками изучения являются государственные и финансовые программы, частные инициативы ассоциаций немецких предпринимателей, материалы исследований о формах деятельности частных инвестиционных фондов по стимулированию малого и среднего предпринимательства в Германии. Теоретическую базу составили научные работы в области анализа опыта, механизмов государственной поддержки в зарубежных странах, проблем и перспектив развития малого и среднего предпринимательства немецких и российских авторов. В статье описаны ряд государственных программ и законов, которые повлияли на развитие данного предпринимательского сектора, деятельность государственных или негосударственных учреждений, оказывающих предпринимателям финансовую поддержку, консультации, юридическую помощь (бизнес-центры, технологические центры и инкубаторы). Рассмотрены основные принципы организации и поддержки бизнеса – принципы последовательности, пропорциональности, правовой определенности. Приводятся примеры механизмов поддержки малого и среднего бизнеса в Германии: льготы и меры государственной поддержки, предусмотренные законом, специальные гранты, которые поддерживают перспективные стартапы и т.д. Используя аналитические материалы, статистические данные и научные публикации, авторы рассматривают актуальные вызовы, стоящие перед сектором малого и среднего предпринимательства, который считается важным элементом успеха немецкой экономики. В большинстве своем малые и средние предприятия Германии сочетают высокую инновационность с перспективой форсирования позиций на международном рынке и большой социальной ответственностью. Практическая значимость исследования состоит в том, что*

описанные механизмы, могут быть актуальны для адаптации как в России, так и в других странах. В заключении подчеркивается важность роли государства в продвижении инноваций, механизмов государственного регулирования малого и среднего предпринимательства для дальнейшего экономического роста ВВП страны.

***Ключевые слова*:** малое и среднее предпринимательство; государственная система стимулирования малого бизнеса; государственная поддержка малого бизнеса; кредитование малого бизнеса; налоговое стимулирование

***Для цитирования*:** Момотюк С.В., Богданова Н.В. Механизмы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Германии // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 99–116. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.5

© Момотюк С.В., Богданова Н.В., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.5

Mechanisms of State Support for Small and Medium-Sized Enterprises in Germany

Saveliy V. Momotiuk ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ sava_Sava_mew@mail.ru

Nadezhda V. Bogdanova
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
nvbogdanova@spbstu.ru; https://orcid.org/0000-0002-8604-7306

Abstract. *The study of mechanisms for supporting small and medium-sized businesses in the Federal Republic of Germany is of particular interest due to the fact that this sector plays an important role for the economic growth of the state. The characteristics of government programs for regulating small and medium-sized businesses is the key problem of the study. The sources of study are government and financial programs, private initiatives of associations of German entrepreneurs, forms of activity of private investment funds to stimulate small and medium-sized businesses in Germany. The theoretical basis was made up of scientific works in the field of analysis of experience, mechanisms of state support in foreign countries, problems and prospects for the development of small and medium-sized businesses by German and Russian authors. The article describes a number of government programs and laws that influenced the development of this business sector, the activities of state or non-state institutions that provide financial support, advice, and legal assistance to entrepreneurs (business centers, technology centers and incubators). The basic principles of organizing and supporting business are considered - the principles of consistency, proportionality, legal certainty. Examples of mechanisms for supporting small and medium-sized businesses in Germany are given: benefits and government support measures provided for by law, special grants that support promising startups, etc. Using analytical materials, statistics and scientific publications, the authors examine relevant challenges facing the small*

and medium-sized enterprise sector, which is considered an important element of the success of the German economy. It brings together small and medium-sized enterprises, which for the most part combine high innovation with the prospect of increasing their positions in the international market and great social responsibility. The practical significance lies in the fact that the described mechanisms for the development of the sector may be relevant for adaptation both in Russia and in other countries. In conclusion, the importance of the role of the state in promoting innovation, mechanisms of state regulation of small and medium-sized businesses for the further economic growth of the country's GDP is emphasized.

***Keywords*:** small and medium-sized businesses, state system of incentives for small businesses, state support for small businesses, lending to small businesses, tax incentives.

***For citation*:** Momotiuk, S.V., Bogdanova, N.V. Mechanisms of State Support for Small and Medium-Sized Enterprises in Germany. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 99–116. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.5

© Momotiuk, S.V., Bogdanova, N.V., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальгость ВАК: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Введение

Малый и средний бизнес считаются неотъемлемыми частями экономики государства. В некоторых странах доля малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) может составлять половину, а то и больше половины всего ВВП. Представляемая публикация не претендует на исчерпывающий анализ особенностей современного этапа развития малого и среднего предпринимательства в Германии. Авторы полагают, что тема актуальна, так как она связана с изучением различных форм поддержки сектора МСП, которые играют значительную роль для экономического роста развитого государства на современном этапе. Целью исследования является характеристика актуальных путей государственной поддержки малого и среднего предпринимательства и выявление перспективных направлений в развитии данного сектора экономики в Германии.

Предложенное исследование базируется на изучении нормативных документов, материалах и результатах реализации государственных и финансовых программ, частных инициатив ассоциаций немецких предпринимателей, анализа эффективности форм деятельности частных

инвестиционных фондов и описание механизмов по поддержке малого и среднего предпринимательства в Германии.

Многие российские и зарубежные исследователи, такие как О.В. Комарова [2], Е.И. Левина [3], Л.В. Иваненко и Е.П. Солодова [4], G. Fuerlinger, U. Fandl, T. Funke [5] затрагивали различные аспекты исследования механизмов поддержки сектора МСП в Германии. Важно упомянуть то, что в Германии уже в послевоенное время проводилась политика поддержки сектора малого и среднего предпринимательства. В то время, когда проводилась приватизация (1949–1959), которая была направлена на развитие сектора МСП, уделялось значительное внимание взаимодействию малых и средних предприятий с крупными [2]. В центре внимания нашего исследования находятся государственные и частные программы поддержки, регулирующие политику содействия МСП в Германии на современном этапе.

Материалы и результаты исследования

В 2019 г. в Германии было зарегистрировано около 3,5 миллионов микропредприятий, 288 тысяч малых предприятий. Малые предприятия в совокупности занимают более 60% всего занятого населения, а микропредприятия более 20%. Малый бизнес вносит значительный вклад в экономику Германии, являясь источником инноваций, новых рабочих мест и роста экономки [4]. Правовая база малого и среднего бизнеса в Германии достаточно сложная, но в целом благоприятная для создания новых инновационных предприятий. Это, в частности, относится к налогообложению, трудовому и социальному праву. Одна из основных целей поддержки сектора МСП – отказ от монополизации производственных сил, которые вытесняют новых конкурентов и уничтожают конкуренцию в корне.

Источники торгового и предпринимательского права в Германии: Торговый кодекс (Handelsgesetzbuch – HGB) [6], Гражданский кодекс (Bürgerliches Gesetzbuch – BGB) [7], Налоговый кодекс (Abgabenordnung – AO) [8]. Важную роль в развитии сектора МСП сыграла структурная реформа «Повестка Дня 2010» [9], которая заключалась в ускоренном выходе экономики Германии из застоя, путем поддержки малого и среднего предпринимательства и поддержания его конкурентоспособности

[3]. Производилась активная поддержка инновационной деятельности и развитие высоких технологий, а также повышение квалификации сотрудников. Для открытия своего предприятия (для начала любого бизнеса) необходимо понимать то, какими законами и нормативно правовыми актами регулируется бизнес-процесс в стране.

Коммерческий кодекс, или как его еще называют «Торговый Кодекс», отвечает за все стороны организации предприятий или компаний, регулирует вопросы отчетности предприятий, содержит основные положения по типам хозяйственных обществ и правила функционирования их структур. В Гражданском кодексе изложены все права и свободы граждан, в нем содержатся правила регуляции отношений и ответственности между различными физическими и юридическими лицами. Налоговый кодекс Германии – документ, который регулирует налоговые отчисления в бюджет страны. Говоря о поддержке сектора МСП в Германии, существует множество инстанций, где начинающий предприниматель может получить всю базовую информацию, поддержку, и даже финансирование своего дела.

В стране работает система активной социальной защиты всех работающих людей и многие вновь созданные МСП получают финансирование на ранних стадиях за счет государственной поддержки [5]. Именно поэтому Германия находится в списке продвинутых стран для начала открытия своего бизнеса.

Вся правовая система основывается на нескольких принципах: правовой определенности, гибкости, пропорциональности и последовательности [5]. Принцип пропорциональности заключается в том, чтобы вся правовая система не была слишком строгой, и чтобы у предпринимателей было больше свободы действий. В системе должен быть баланс поощрения, но ни в коем случае не главенствующая роль государства. Говоря о принципе правовой определенности, вся правовая система должна предостерегать от проблем, и сам закон должен помогать эти проблемы решать в самых различных ситуациях. Принцип гибкости направлен на обеспечение того, чтобы все законы были и оставались адаптируемыми к меняющимся потребностям экономики с течением времени и не ужесточались или устаревали. Принцип последовательности основан на необходимости обеспечения соответствия законов

Конституции всем остальным законам. Все эти принципы изложены в законах и нормативных актах, и именно они устанавливают, как должен функционировать бизнес [10].

Следует отметить, у МСП самый высокий процент конкурентности, и именно поэтому этот сектор такой активный. Каждый предприниматель должен удовлетворять множество сторон, как например сотрудники, клиенты, поставщики, инвесторы, и, что является обязательным, государство. Одна из проблем, которая приводит к финансовым трудностям, это выбор между увеличиванием прибыли и социальной ответственностью. Для избежания проблем в процессе ведения бизнеса во всех Федеральных землях Германии существуют программы по поддержке сектора малого и среднего предпринимательства. Среди них можно назвать бизнес-центры, технологические центры и инкубаторы (например, KEEN-Künstliche-Intelligenz-Inkubator-Labore, INVEST, DATA Act и др.) [11]. Все эти инстанции предоставляют ресурсы, которые в последующем помогают развивать им свое дело.

Предприниматели и владельцы бизнеса также могут получить доступ к информации об открытии бизнеса в Германии от различных правительственных учреждений и организаций. Федеральное министерство экономики и защиты климата Германии (Bundesministerium für Wirtschaft und Energie – BMWi) [11] – это одна из таких организаций, которая субсидирует предприятия сектора малого и среднего предпринимательства на начальном этапе.

Федеральное управление экономики и экспортного контроля (Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle – BAFA) [12] – предлагает специальные гранты, такие как INVEST, которые поддерживают перспективные стартапы. Говоря о стартапах, также важно упомянуть программу «ERP – Grunderkredit – StartGeld»), которая содействует развитию молодых компаний, предоставляя им займы с небольшими процентами на оптимальный срок [4].

Торгово-Промышленная палата Германии (Industrie- und Handelskammer – IHK) [13] – организация публичного права, центры которой находятся в каждой Федеральной земле Германии. Эта организация, в которой зарегистрированы все МСП и крупные предприятия, которые осуществляют свою деятельность на территории

данной земли. Отделения ТПГ отвечают за самоуправление региональной экономики. В Министерстве иностранных дел Германии иностранные предприниматели, которые хотят открыть свое дело в Германии, могут получить рекомендации и ознакомиться с требованиями для того, чтобы его начать [14].

Департамент Экономики и устойчивого развития в данном министерстве отвечает за международные отношения в области экономики и сотрудничества. Следует назвать «Главный городской технологический центр» (Hauptstadttechnologie-Zentrum) в Берлине, где предоставляют помощь будущим предпринимателям на старте: помощь по подбору техники, советы по разработке продаваемого продукта, финансирование и предоставление различных способов продвижения продукции [1].

Также стоит упомянуть Федеральную ассоциацию среднего бизнеса (Bundesverband Mittelstand – BVMW), которая представляет корпоративные интересы и объединяет немецких предпринимателей 32 отраслевых союзов. BVMW оказывает помощь своим участникам в виде консультаций, обмена опытом, помогает в повышении квалификации сотрудников [15].

Для определения малого и среднего бизнеса в Германии используются критерии численности занятых и объема выручки от продаж. Качественные критерии также могут быть учтены, такие как независимость и самостоятельность фирмы [16].

На предприятиях среднего и малого бизнеса в Германии работали в 2021 г. 56% из более чем 38,4 млн. трудоустроенных. Они производят более половины чистой добавленной стоимости в Германии и предлагают более 81% всех вакансий для стажеров. 97,1 % немецких экспортеров – это компании среднего бизнеса.

К числу предприятий среднего и малого бизнеса относятся 3,2 млн. компаний, т.е. 99,3 % всех немецких фирм. Достаточная самостоятельность и свобода в выборе сферы деятельности, более гибкое приспособление к условиям среды; сильная мотивационная работа – все это дает шанс для успешной предпринимательской деятельности. Роль владельца в МСП стоит на первом месте, именно руководитель мотивирует работников, контролирует все процессы. При этом следует учитывать первоначальный капитал, который был вложен при запуске предприятия,

ведь относительно малыми вложениями можно увеличить свой доход, а также в перспективе увеличить количество участников МСП.

Однако нельзя отрицать и недостатки, с которыми сталкивается руководитель малого предприятия. Отмечается повышенная продолжительность рабочего дня и по сравнению с крупными предприятиями низкая оплата труда. Для МСП существуют менее благоприятные условия конкуренции, поэтому еще раз подчеркивается влияние государственной и иной поддержки [17]. Возможные неудачи, связанные с ведением МСП, характеризуются, прежде всего, некомпетентностью собственников и продолжительностью функционирования предприятия («жизненный цикл предприятия»). Существует зависимость от короткого жизненного цикла предприятия и ограниченности их ресурсов, которая была отмечена Всемирным банком: через год функционирования МСП остается лишь около 40% предприятий, через 3 года – 10%, а через 5, всего лишь 3%. Хотя количество таких предприятий растет из года в год, способность длительного функционирования падает [18].

Малый бизнес вносит значительный вклад в экономику Германии, являясь источником инноваций, новых рабочих мест и роста экономки. Видно, что торговля, техническое обслуживание и ремонт автомобилей являются наиболее крупным сектором для МСП в Германии на 2020 г., составляя около 26% от общего числа. Затем следуют фриланс и услуги (около 19%) и строительство (около 17%). МСП в Германии достаточно равномерно распределены между различными отраслями экономики, что указывает на диверсификацию экономической активности МСП в стране [4]. Таким образом, МСП занимает существенное место в экономике Германии. Однако, следует отметить, что существует разница в количестве средних и малых предприятий: немецкие МСП имеют большую среднюю численность занятых по сравнению с европейскими МСП: 7,5 человек на немецких МСП против 3,91 в ЕС. В Германии за последние пять лет наблюдается снижение количества микропредприятий и рост числа средних [19]. Возможное объяснение кроется в том, что мелкие предприятия развиваются и превращаются в крупные.

Немецкие МСП хорошо организованы благодаря исторической традиции самоуправления и многочисленным предпринимательским союзам,

которые обеспечивают взаимодействие с государством и влияют тем самым на экономическую и социальную политику. Например, такой организацией можно назвать «Der deutsche Mittelstand – DMS» (Немецкий средний класс), которая защищает интересы предпринимателей малого и среднего бизнеса и осуществляет лоббистскую деятельность, оказывает информационные и консультационные услуги, мониторит состояние рынков, организует мероприятия, поддерживает контакты с прессой и доводит до властей свою позицию по социально-экономической политике [15].

На сайте DMS идет оживленная дискуссия «Промышленная стратегия забывает о среднем бизнесе – критическая оценка». DMS демонстрирует преимущество в политике среднего бизнеса в обсуждении «Национальной промышленной стратегии до 2030 года». Успех немецкой экономической системы основан не в последнюю очередь на справедливом и устойчивом сотрудничестве между малыми и средними компаниями и крупными корпорациями в устойчивых сетях создания стоимости. Несмотря на некоторые положительные моменты в проекте «Национальной промышленной стратегии 2030», многие компании разочарованы. Федеральное министерство экономики и энергетики до сих пор упускают из виду важность среднего бизнеса для Германии как места ведения бизнеса [20].

Децентрализация ресурсов и компетенций, а также дифференцированный подход к политике поддержки бизнеса, являются важными компонентами, особенно в условиях высокой региональной неоднородности. Постоянная корректировка политики поддержки малого бизнеса и обратная связь между государственными структурами, бизнес-сообществом и экспертами являются важными факторами успеха. В то же время, для успешной реализации политики поддержки требуется компетентность со стороны государственных структур, организованность и лоббистские навыки со стороны бизнеса, и знание практики ведения бизнеса со стороны экспертов.

Авторы поддерживают выводы немецкого исследователя Х. Вольтера и отмечают следующие сильные стороны малого бизнеса в Германии: создание рабочих мест большинству жителей страны, большая доля налогов поступает в государственную казну за счет малого и среднего предпринимательства, за счет малого и среднего предпринимательства

идет финансирование научных исследований и инновационных технологий [21]. Хотелось бы более подробно остановиться на отдельных современных механизмах поддержки МСП в Германии:

- инновационные стартапы;
- региональные программы поддержки;
- сертификация МСП «Хартия многообразия».

Инновационные стартапы

Новые процессы 3D-печати, аренда солнечных систем, цифровое управление недвижимостью, услуги по сбору использованного стекла с устойчивой утилизацией, инновационные обучающие приложения, оптимизация транспортных процессов с помощью искусственного интеллекта, модели языка искусственного интеллекта, спутниковое орошение в сельском хозяйстве – эти и другие актуальные направления являются приоритетными для государственной поддержки [11].

Чтобы улучшить базовые условия для стартапов в Германии и Европе, летом 2022 г. федеральное правительство впервые приняло решение о стратегии стартапов. Она содержит около 130 мер, которые должны быть реализованы в этот законодательный период: от новых программ финансирования до консультационных услуг и новых законов. В первый год после принятия решения федеральное правительство полным ходом приступило к реализации стратегии. 45% мер уже в сентябре 2023 г. были полностью реализованы. В области финансирования сюда входит, например, фонд DeepTech & Climate Fund, который инвестирует рост компаний с технологиями будущего (искусственный интеллект, интернет вещей, мобильная связь 5G, квантовые вычисления и др.) [22].

Еще одной важной вехой является новый «Закон об иммиграции квалифицированных специалистов», который содержит важные улучшения в привлечении талантов для стартапов и делает Германию еще более космополитичным местом. Благодаря положениям данного закона, вступившим в силу 1 марта 2024 г., свою работу начал «Глобальный центр сертификации и консультирования (GCCC)» агентства по управлению проектами. От имени Министерства экономики ФРГ он предлагает поддержку и консультации по требованиям и процессу выдачи визы [23].

В среднем в Германии за первые шесть месяцев 2023 г. открывались

по 7 новых предприятий (МСП) в день – на 16 % больше, чем во втором полугодии 2022 г. В Германии создано 31 компания по системе «Единороги» – стартапы с оценкой компании не менее одного миллиарда долларов США, что обеспечивает стране пятое место в мире по организации подобных стартапов. 20.3 % – доля женщин-основателей стартапов в Германии в 2022 г. В последние годы эта доля постоянно увеличивалась. Однако более половины стартапов по-прежнему принадлежат исключительно мужчинам. 10,7 миллиардов евро составил объем венчурного капитала, который был инвестирован в немецкие стартапы в 2022 г., что более, чем в два раза превышает данные по 2018 г. [22].

Региональные программы поддержки

В рамках программ по улучшению ситуации с демографией «Федеральное министерство экономики и защиты окружающей среды» разработало ряд мер по снижению эмиграции из восточногерманских федеральных земель. В первые два десятилетия после воссоединения Германии, из восточногерманских земель наблюдался отток населения на запад, повлиявший на демографические и экономические процесс в обеих частях страны (Рис. 1).

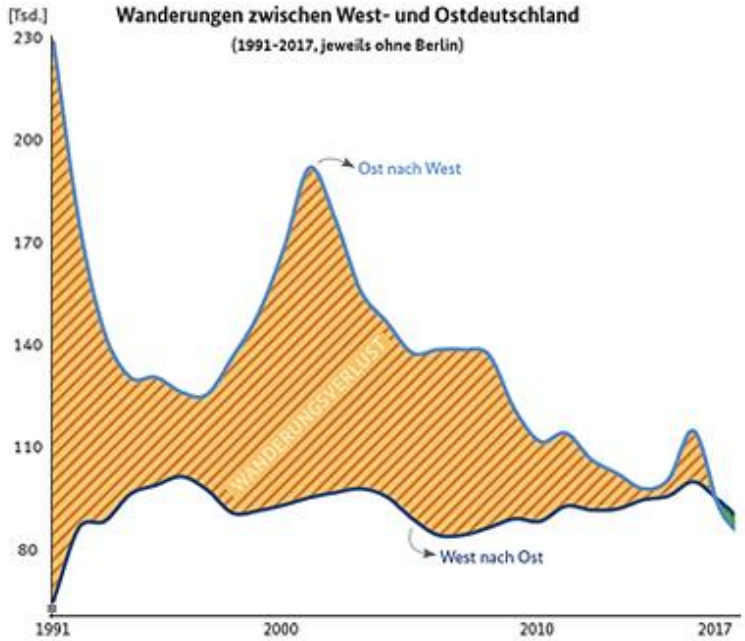

Рис. 1. Миграция между Западной и Восточной Германией (1991–2017гг.) (по: [24])

Например, по оценкам, в период с 1992 по 2015 г. около 800 000 жителей Бранденбурга эмигрировали на запад. Особенно пострадали

районы, расположенные далеко от Берлина, в то время как муниципалитеты, непосредственно прилегающие к Берлину, смогли извлечь выгоду. Жители Бранденбурга, которые когда-то эмигрировали, представляют собой значительный потенциал. С экономической точки зрения приезжие и репатрианты в первую очередь воспринимаются как потенциальные квалифицированные рабочие. Последствия выходили далеко за рамки обеспечения квалифицированной рабочей силой: повышение спроса на (социальную) инфраструктуру, увеличение спроса на жилье, стабилизацию социальных и семейных сетей, внедрение новых идей и опыта и усиление участия гражданского общества, создание и развитие МСП.

На этом фоне на северо-западе Бранденбурга появилось несколько региональных инициатив по возвращению и иммиграции. Проект «LANDEPLATZ – Прибытие в Северо-Западный Бранденбург» использует целостный подход и учитывает неоднородные потребности целевой группы. В рамках единого агентства удовлетворяются потребности целевой группы в поддержке, начиная от поиска работы и заканчивая подходящим жилым пространством и семейной жизнью, детский сад и образовательная среда, а также досуг и налаживание связей.

В этом контексте еще одной важной задачей является повышение осведомленности и поиск решений, основанных на потребностях, с местными субъектами, когда речь идет о новых и гибких формах (офисной) работы или организации работы, а также о создании приветственной программы.

Проект преследует главную цель – обеспечить долгосрочную квалифицированную рабочую силу и стимулировать иммиграцию в северо-западный регион Бранденбург. На первом этапе проекта целью было объединение и дальнейшее развитие инициатив по возвращению/иммиграции, существовавших в регионе. Цель заключалась в том, чтобы поддержать организацию МСП с помощью региональных консультационных пунктов [24].

Сертификация «Хартия многообразия»

Заслуживает внимание еще одна крупнейшая инициатива работодателей по продвижению многообразия общественных слоев

(возрастные, гендерные, этнические, образовательные уровни, семейные признаки) на предприятиях и в учреждениях Германии является «Хартия многообразия» (Рис. 2).

Рис. 2. Многослойная модель общественной жизни «Хартия многообразия» (по: [25])

Сердцем ассоциации является сертификат «Хартия многообразия», который был запущен совместно компаниями и политиками в 2006 г. для признания и включения разнообразия в культуру труда. В январе 2011 г. деятельность была передана ассоциации. Целью инициативы является создание рабочей среды, свободной от предрассудков, и обеспечение того, чтобы все сотрудники, независимо от возраста, этнического происхождения и национальности, пола и гендерной идентичности, физических и умственных способностей, религии и идеологии, сексуальной ориентации и социального происхождения, одинаково ценились. На сегодняшний день более 5000 организаций подписали «Хартию многообразия». Это означает, что «Хартия многообразия» представляет интересы более 15 миллионов сотрудников. Ассоциацию поддерживают 38 организаций. Многообразие и инклюзивность способствуют взаимопониманию, сплоченности и культурному обогащению через различные этнические группы и национальности. Многообразие рабочей силы не только делает компании и организации

привлекательными в конкурентной борьбе за национальные и международные рынки, но и может способствовать формированию пула талантливых специалистов. Языковые и культурные навыки рабочей силы могут стать ключом к новым рынкам. В этом отношении решающее значение имеет рабочая среда, свободная от предрассудков.

Заключение

Таким образом, благодаря анализу государственных программ и инициатив по поддержке МСП в Германии, удалось выявить, что не только финансовая поддержка, а такие тенденции, как современные бизнес-модели, региональные программы, социальные обязательства (возможность общаться с людьми с разным уровнем образования, учет социального происхождения в мероприятиях по обеспечению поддержки социально незащищенных слоев населения, привлечение к сотрудничеству по организации МСП людей разных возрастов, социальных слоев и этнических групп) дают мощный толчок развития МСП.

Малые и средние предприятия в Германии могут воспользоваться различными льготами и мерами социальной и государственной поддержки, предусмотренными законом. Эти программы включают институциональные, организационные, инфраструктурные и финансовые механизмы. Анализ опыта поддержки МСП Федеративной Республики Германия имеет большое значение как для России, так и для других стран, особенно в том, что касается разработки механизмов долгосрочной стратегии развития и поддержки малого и среднего предпринимательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Версоцкий Р.Р. Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства и возможности его применения в современной России // Управленческое консультирование. 2019. №7(127). С. 108–114. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyi-opyt-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-i-vozmozhnosti-ego-primeneniya-v-sovremennoi-rossii (дата обращения: 07.03.2024).

2. Комарова О.В. Институт поддержки малого и среднего бизнеса: опыт Германии и уроки для России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 125–129. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-podderzhki-malogo-i-srednego-biznesa-opyt-germanii-i-uroki-dlya-rossii (дата обращения: 07.03.2024).

3. Левина Е.И. Механизмы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в зарубежных странах // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №2. С. 79–89. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 07.03.2024).
4. Иваненко Л.В., Солодова Е.П. Государственная поддержка субъектов малого предпринимательства. Опыт России и Германии // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2015. №9/1(131). С. 36–43. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-subektov-malogo-predprinimatelstva-opyt-rossii-i-germanii (дата обращения: 07.03.2024).
5. Fuerlinger, G., Fandl, U., Funke, T. The Role of the State in the Entrepreneurship Ecosystem: Insights from Germany // Triple Helix. 2015. Vol. 2. [эл. доступ]. URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s40604-014-0015-9 (дата обращения: 03.03.2024).
6. Handelsgesetzbuch – HGB: [сайт]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/index.html (дата обращения: 07.03.2024).
7. Bürgerliches Gesetzbuch // Bundesamt für Justiz: [сайт]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb (дата обращения: 07.04.2024).
8. Abgabenordnung – AO: [сайт]. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Web/DE/Home/home.html (дата обращения: 10.03.2024).
9. Зарицкий Б.Е. Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в Германии // Вестник МГИМО Университета. 2020. № 6 (75). С. 133–152.
10. Грибова Е.Н. Принцип правовой определенности: понятие и основные характеристики // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 4(5). С. 494–508.
11. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie – BMWi: [сайт]. URL: https://www.bmwk.de/Navigation/DE/Home/home.html (дата обращения: 03.03.2024).
12. Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle – BAFA: [сайт]. URL: https://www.bafa.de/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 03.03.2024).
13. Deutsche Industrie- und Handelskammer: [сайт]. URL: https://www.ihk.de/(дата обращения: 04.03.2024).
14. Auswärtiges Amt Deutschland: [сайт]. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de (дата обращения: 07.03.2024).
15. Bundesverband Mittelstand – BVMW: [сайт]. URL: https://www.bvmw.de/ (дата обращения: 08.03.2024).
16. Батова А.-Е.В. Значение малого и среднего бизнеса в экономике Германии // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 1-4(70). С. 13–18.
17. Балашова Е.А. Основные черты, преимущества и недостатки деятельности субъектов малого бизнеса // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 2. С. 90–93.
18. Овчинникова А.В. Количественные и качественные критерии малых предприятий в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 72–78.
19. Unternehmensbestand. KMU im EU-Vergleich // *Institut für Mittelstandsforschung Bonn*. [сайт]. URL: https://www.ifm-bonn.org/statistiken/mittelstand-im-ueberblick (accessed: 10.04.2024).

20. Industriestrategie vergisst Mittelstand – Eine kritische Bewertung // Bundesverband der Deutschen Industrie (BDI): [сайт]. URL: https://bdi.eu/artikel/news/industriestrategie-vergisst-mittelstand-eine-kritische-bewertung/ (дата обращения: 11.04.2024).
21. Wolter, H.-J. Die Bedeutung der eigentümer- und familiengeführten Unternehmen in Deutschland // Institut für Mittelstandsforschung Bonn. № 253. 20 s.
22. Start-up Strategie der Bundesregierung: [сайт]. URL: https://www.bmwk.de/SUS/start-up-strategie-der-bundesregierung.html. (дата обращения: 11.05.2024).
23. Global Centre for Credentialing and Certification (GCCC): [сайт]. URL: https://portal.globalccc.org/ (дата обращения: 11.05.2024).
24. Willkommen in Brandenburg! Rückkehr und Zuzug als Potenzial für die Zukunft // Demografie-portal: [сайт]. URL: https://www.demografie-portal.de/DE/Politik/Brandenburg/Rueckkehr-und-Zuzug/willkommen-in-brandenburg-rueckkehr-und-zuzug-als-potenzial-fuer-die-zukunft.html (дата обращения: 11.05.2024).
25. Charta der Vielfalt. Über uns: [сайт]. URL: https://www.charta-der-vielfalt.de/ueber-uns/ (дата обращения: 11.05.2024).

REFERENCES

1. Versockiĭ R.R. Zarubezhnyĭ opyt podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva i vozmozhnosti ego primeneniya v sovremennoĭ Rossii [Foreign Experience in Support of Small and Medium-Sized Businesses and the Possibility of its Application in Modern Russia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie.* 2019. № 7. P. 108–114. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyi-opyt-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-i-vozmozhnosti-ego-primeneniya-v-sovremennoi-rossii (accessed: 07.03.2024). (In Russian).
2. Komarova O. V. Institut podderzhki malogo i srednego biznesa: opyt Germanii i uroki dlya Rossii [Institute for Small and Medium Business Support: German Experience and Lessons for Russia]. *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie*. 2018. T. 7. № 3(24). P. 125–129. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/institut-podderzhki-malogo-i-srednego-biznesa-opyt-germanii-i-uroki-dlya-rossii (accessed: 07.03.2024). (In Russian).
3. Levina E.I. Mekhanizmy gosudarstvennoj podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v zarubezhnyh stranah [Mechanisms of the State Support of Small and Average Business in Foreign Countries]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 2009. № 2. P. 79–89. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-zarubezhnyh-stranah (accessed: 07.03.2024). (In Russian).
4. Ivanenko L.V., Solodova E.P. Gosudarstvennaya podderzhka sub"ektov malogo predprinimatel'stva. Opyt Rossii i Germanii [State Support of Small Businesses: Experience of Russia and Germany]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Jekonomika i upravlenie»*. 2015. №9/1(131). C. 36–43. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-subektov-malogo-predprinimatelstva-opyt-rossii-i-germanii (accessed: 07.03.2024). (In Russian).
5. Fuerlinger, G., Fandl, U., Funke, T. The Role of the State in the Entrepreneurship Ecosystem: Insights from Germany. *Triple Helix*. 2015. Vol. 2. Available at https://link.springer.com/article/10.1186/s40604-014-0015-9 (accessed: 03.03.2024).
6. Handelsgesetzbuch [Commercial Code] – HGB. *Bundesamt für Justiz*. Available at https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/index.html (accessed: 07.03.2024). (In German).

7. Bürgerliches Gesetzbuch [Civil Code]. *Bundesamt für Justiz*. Available at https://www.gesetze-im-internet.de/bgb (accessed: 07.04.2024). (In German).
8. Abgabenordnung [Tax Code] – AO. *Bundesministerium der Finanzen*. Available at https://www.bundesfinanzministerium.de/Web/DE/Home/home.html (accessed: 10.03.2024). (In German).
9. Zarickij B.E. Problemy i perspektivy malogo i srednego biznesa v Germanii [Problems of Small and Medium Business in Germany]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2020. № 6 (75). P. 133–152. (In Russian).
10. Gribova E. N. Princip pravovoj opredelennosti: ponyatie i osnovnye harakteristiki [The Principle of Legal Certainty: Concept and Main Characteristics] *Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij*. 2019. № 4(5). P. 494–508. (In Russian).
11. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [Federal Ministry for Economic Affairs and Energy] – BMWi. Available at https://www.bmwk.de/Navigation/DE/Home/home.html (accessed: 03.03.2024). (In German).
12. Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle [Federal Office of Economics and Export Control] – BAFA. Available at https://www.bafa.de/DE/Home/home_node.html (accessed: 03.03.2024). (In German).
13. Deutsche Industrie- und Handelskammer [German Chamber of Commerce and Industry]. Available at https://www.ihk.de/ (accessed: 04.03.2024). (In German).
14. Auswärtiges Amt Deutschland [Federal Foreign Office of Germany]. Available at https://www.auswaertiges-amt.de/de (accessed: 07.03.2024). (In German).
15. Bundesverband Mittelstand [Federal Association of Small and Medium-Sized Enterprises] – BVMW. Available at https://www.bvmw.de/ (accessed: 08.03.2024). (In German).
16. Batova A.-E.V. Znachenie malogo i srednego biznesa v ekonomike Germanii [The Importance of Small and Medium-Sized Businesses in the German Economy]. *Evrazijskij Soyuz Uchenyh*. 2020. № 1-4(70). P. 13–18. (In Russian).
17. Balashova E.A. Osnovnye cherty, preimushchestva i nedostatki deyatel'nosti subektov malogo biznesa [Small Business Players: Swings and Roundabouts]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»*. 2010. № 2. P. 90–93. (In Russian).
18. Ovchinnikova A.V. Kolichestvennye i kachestvennye kriterii malyh predpriyatij v Rossijskoj Federacii [Quantitative and qualitative components of a type of Small business in Russian Federation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Jekonomika i pravo»*. 2013. № 4. P. 72–78. (In Russian).
19. Unternehmensbestand. KMU im EU-Vergleich [Company stock. SMEs in EU comparison]. *Institut für Mittelstandsforschung Bonn.* Available at https://www.ifm-bonn.org/statistiken/mittelstand-im-ueberblick (accessed: 10.04.2024). (In German).
20. Industriestrategie vergisst Mittelstand – Eine kritische Bewertung [Industrial Strategy Forgets SMEs – A Critical Assessment]. *Bundesverband der Deutschen Industrie* (*BDI*). Available at https://bdi.eu/artikel/news/industriestrategie-vergisst-mittelstand-eine-kritische-bewertung/ (accessed: 11.04.2024). (In German).
21. Wolter, H.-J. Die Bedeutung der eigentümer- und familiengeführten Unternehmen in Deutschland [The Importance of Owner- and Family-Run Companies in Germany]. *Institut für Mittelstandsforschung Bonn*. № 253. 20 p. (In German).
22. Start-up Strategie der Bundesregierung [Start-up Strategy of the Federal Government]. Available at https://www.bmwk.de/SUS/start-up-strategie-der-bundesregierung.html. (accessed: 11.05.2024). (In German).

23. Global Centre for Credentialing and Certification (GCCC). Available at https://portal.globalccc.org/ (accessed: 11.05.2024).
24. Willkommen in Brandenburg! Rückkehr und Zuzug als Potenzial für die Zukunft [Welcome to Brandenburg! Return and Immigration as Potential for the Future]. *Demografie-portal*. Available at https://www.demografie-portal.de/DE/Politik/Brandenburg/Rueckkehr-und-Zuzug/willkommen-in-brandenburg-rueckkehr-und-zuzug-als-potenzial-fuer-die-zukunft.html (accessed: 11.05.2024). (In German).
25. Charta der Vielfalt. Über uns [Charter of Diversity. About Us]. Available at https://www.charta-der-vielfalt.de/ueber-uns/ (accessed: 11.05.2024). (In German).

Сведения об авторах / Information about authors

Момотюк Савелий Владимирович – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.
E-mail: sava_Sava_mew@mail.ru
Богданова Надежда Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: nvbogdanova@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8604-7306
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Momotiuk Saveliy V. – Student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: sava_Sava_mew@mail.ru
Bogdanova Nadezhda V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: nvbogdanova@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8604-7306
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024. Одобрена после рецензирования 28.05.2024. Принята 29.05.2024.
Received 18.04.2024. Approved after reviewing 28.05.2024. Accepted 29.05.2024.

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ
STATES, NATIONS AND CULTURES

research article
UDC: 327+94
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.6

Opportunities and Challenges in Contemporary China – Japan – South Korea Cooperation: The Cultural Aspect

Zhan Zesong ✉
Shenzhen University, Shenzhen, China
✉ 2021071096@email.szu.edu.cn

Abstract. *As the three major economies in Northeast Asia, China, Japan, and the Republic of Korea play a crucial role in promoting regional cooperation in Northeast Asia. The effectiveness of regional cooperation needs to be based on mutual trust through culture, and the cultural characteristics of different countries can reflect the political and economic relations between different countries, and at the same time also play a role in the establishment of cooperation mechanisms in different countries. China, Japan, and South Korea are geographically close to each other, with similar cultural characteristics and rapid development of cultural industries, each of which has formed its own unique cultural advantages. Under the support of the concept of the "Belt and Road Initiative" to build a community of common destiny for mankind, promoting cultural cooperation between China, Japan, and South Korea, achieving cultural tolerance and cultural identity among the economies will be conducive to deepening regional cooperation among China, Japan, and South Korea. Therefore, it will significantly enhance the effect of regional cooperation. This paper will analyze the cultural foundation of the regional cooperation mechanism between China, Japan, and South Korea from the perspective of their cultural commonnesses and cultural differences, and at the same time point out the potential opportunities and challenges that China faces in cultural cooperation, so as to provide new perspectives for advancing multicultural identity and tolerance, and deepening cultural, political and economic cooperation.*

Keywords**:** Northeast Asia; regional cooperation; cultural cooperation; Belt and Road initiative; cultural tolerance

Funding: The research was supported by the Shenzhen University Young Faculty Research Start-up Fund (No. 000001032057).

***For citation*:** Zhan Zesong. Opportunities and Challenges in Contemporary China – Japan – South Korea Cooperation: The Cultural Aspect. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 117–129. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.6

© Zhan Zesong, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 327+94
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.6

Возможности и вызовы современного сотрудничества Китая, Японии и Южной Кореи: культурный аспект

Чжань Цзесун ✉
Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Китай
✉ 2021071096@email.szu.edu.cn

Аннотация. *Китай, Япония и Республика Корея являются тремя крупнейшими экономиками, которые играют решающую роль в развитии регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Эффективность регионального сотрудничества должна быть основана на взаимном доверии, а культурные особенности отражают политические и экономические отношения между государствами в целом и играют роль в создании и развитии механизмов эффективного сотрудничества. Китай, Япония и Южная Корея находятся географически в одном регионе, имеют схожие культурные особенности и быстрое развитие индустрий и технологий, каждая из которых сформировала свои уникальные культурные преимущества. При поддержке инициативы «Пояса и пути», направленной на создание сообщества единой судьбы человечества, развитие культурного сотрудничества между Китаем, Японией и Южной Кореей, достижение культурной толерантности и культурной идентичности между экономиками будет способствовать углублению регионального сотрудничества. Таким образом, этот фактор значительно усиливает эффективность регионального сотрудничества. В предложенной статье анализируется культурная основа механизма регионального сотрудничества между Китаем, Японией и Южной Кореей с точки зрения их культурной общности и культурных различий. На основании проанализированных материалов определены потенциальные возможности и вызовы, с которыми сталкивается Китай в культурном сотрудничестве, чтобы обеспечить новые перспективы для развития мультикультурной идентичности и толерантности, а также углубления культурного, политического и экономического сотрудничества.*

***Ключевые слова*:** Северо-Восточная Азия; региональное сотрудничество; культурное сотрудничество; инициатива «Пояс и путь»; культурная толерантность

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта Стартового фонда исследований молодых преподавателей Шэньчжэньского университета (№ 000001032057).

***Для цитирования*:** Чжань Цзесун. Возможности и вызовы современного сотрудничества Китая, Японии и Южной Кореи: культурный аспект // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 117–129. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.6

© Чжань Цзесун, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

1. Introduction

The all-round cooperation among China, Japan and the ROK is an important part of promoting the building of a community of common destiny for mankind, and the increasing trade exchanges and investment cooperation among the three countries have made important contributions to the economic growth and development of the Asian region. The cultural and economic influence of China, Japan and South Korea is diverse and far-reaching, and their cultural and artistic works and industrial development have brought rich and diverse cultural experiences and economic opportunities to the world, and promoted interregional cultural exchanges and economic cooperation. If we review the history of China, Japan and South Korea, it is not difficult to find that China, Japan and South Korea have already had some exchanges and cooperation in the historical period, for example, Buddhism originated in India and then spread from Central Asia to China, and then came across the sea to Japan and South Korea, and Japanese envoys were sent to Japan to study and visit during the Tang Dynasty. As the major economies in Northeast Asia, the important position and cultural influence of China, Japan and South Korea in the Asian region is undeniable, in the current cultural cooperation, China, Japan and South Korea in cultural cooperation projects and mechanisms, have a certain degree of breadth and depth of the development of the region and have an important role in mutual understanding. However, there are both opportunities and challenges in the process of cultural exchanges and cooperation between China, Japan and South Korea. In the future cooperation, China still faces some potential challenges such as historical disputes, political factors and cultural differences. In response to these factors, this paper aims to discuss the potential opportunities and challenges of cultural cooperation among China, Japan and South Korea, explore possible ways to strengthen cooperation, put forward suggestions and prospects for promoting cultural cooperation among China, Japan and South Korea, and explore new areas and opportunities for cooperation.

2. Comparing the Cultures of China, Japan, and South Korea

2.1. Cultural Commonness

In a common geographical environment, people facing the same problems and challenges will naturally develop similar values and interests. Shared language habits, religious beliefs and a global perspective will increase the sense of belonging and identification with a society or group, a country or a nation. Individual cultural identities also become the cultural commonalities of the group. Recognizing national cultural differences and accepting foreign cultural identities are important elements in seeking common ground and promoting cultural integration.

Historical links between China, Japan and Korea began as early as the Han Dynasty (2nd century BC) in China, and notable cultural exchanges haapened further, including the dispatch of Japanese ambassadors to the Tang Dynasty (around the 8th century BC). Buddhism also originated in India, spread to China via Central Asia, and later crossed the ocean to Japan and Korea. Unlike the religious practices of India, Zen was a new form of Buddhism created in China that promoted self-cultivation and contemplation of the principles of the world. In Japan, Zen had a significant impact on East Asian culture by being integrated into the local culture and emphasizing the "peace" aspect. In Korea, for example, Zen is still the largest branch of Buddhism. Zen was introduced to Southeast Asia, but its influence was limited. Common ideas such as Buddhism and Zen provided the basis for exchanges between the three East Asian countries. East Asian cultures are religiously and philosophically compatible, and there is room for greater exchange. In addition, as countries in Northeast Asia deeply influenced by Confucian culture, these three countries share similar cultural characteristics in terms of building a strong sense of responsibility in society, emphasis on ethical relationships among people, promotion of a sense of collectivism, and emphasis on the rule of propriety and self-restraint [1]. In China, Japan, and Korea, the boundaries between superior and subordinate in social relations are very strict, and most people have a clear sense of obeying those who have absolute power, including leaders, elders, teachers, and so on [2]. This strong collectivism is not only conducive to internal cohesion and external competitiveness, but also to improved organizational performance when extended to groups, societies or regions.

Another important example of cultural interaction in East Asia is language. Both Japanese and Korean borrowed Chinese characters and once formed a "Chinese character culture circle". In modern times, however, when Japan and Korea opened their doors to the West, the part of the language that they had borrowed went back to China. Language produces literature, and the aesthetic symbols of East Asian literature are very similar. Korean poetic tones, Japanese haiku and traditional Chinese poetry often feature bamboo forests, gardens and the moon. These symbols are rarely found in Western literature and are particular traces of East Asian culture [3]. China, Japan and Korea share similar cultures and already have a deep understanding of each other that can be used as a basis for co-operation.

2.2. Cultural Differences

The Asian region is also one of the most ethnically, religiously, geographically, historically, and culturally complex regions in the world, and North-East Asia is one of the regions with the greatest number of differences and divergences in terms of political systems, economic levels, socio-cultures, ideologies, and military security.

As a unified multi-ethnic state with 56 ethnic groups, China's ethnic policy is based on political equality, with special provisions at various levels for the development of economic and cultural endeavors in ethnic minority areas, respect for the customs of ethnic minority areas, and the development of ethnic minority languages and writing systems. Under the general environment of upholding ethnic equality and safeguarding ethnic unity, the national autonomous regions have achieved long-term stability and shared prosperity, and have created a stable situation of cultural mixing. Unlike China, Japan has a relatively simple ethnic composition, with the Yamato ethnic group accounting for up to 98 percent of the population, and can be regarded as a mono-ethnic country, while South Korea, with the Korean ethnic group as its main ethnic group, has a number of commonalities among members of its society in terms of religious beliefs, cultural traditions, living customs and values. This mono-ethnic structure shows a strong sense of national responsibility and historical mission, but it is also prone to narrow ethnocentrism and a strong sense of national superiority, rejecting foreign cultures and being intolerant of cultural identities different from their own.

3. Status of China-Japan-South Korea Trilateral Cooperation

3.1. Opportunities

To resolve the crisis of mutual trust and the development dilemma among the economies of the Northeast Asian region, the first step is to strengthen the integration of national cultures and deepen cultural identity. Through a deep understanding of diverse cultures and the promotion of traditional friendships, an open, inclusive, balanced and comprehensive regional cooperation framework should be established so that political communication and trade flows can be driven by people-to-people communication, thereby laying a humanistic foundation for the promotion of a mutually beneficial and win-win model of global governance.

China, Japan and the Republic of Korea, which are all part of the East Asian Chinese character culture area, have both cultural commonalities and national cultural characteristics formed by historical and cultural inheritance. In the long process of development, due to differences in countries, nationalities and ideologies, as well as changes in living conditions, social systems and humanistic environments, different countries and nationalities are bound to develop different values and cultural differences. Language is a bridge for narrowing cultural differences and reducing the clash of civilizations, as well as an important means for achieving "people-to-people" and "heart-to-heart" communication. As President Xi Jinping pointed out in his speech entitled "Join hands to create the splendor of the Silk Road" at the Legislative Chamber of the Oliy Majlis in Tashkent, "An important tool for communication is language. The charm of a country's culture and the cohesion of a nation are mainly expressed and transmitted through language. It is only by learning different languages that we can understand the differences of different cultures, look at the world objectively and rationally, and get along with each other in a tolerant and friendly manner" [4].

The Belt and Road Initiative is based on the principle of "people-to-people communication", without which political communication will be even more difficult. Cultural identity is a prerequisite for people-to-people communication. In the rapidly developing information age, the role of modern media in cultural communication is of great significance [5]. First, through extensive media cooperation, network propaganda and information sharing, we

can reduce the impact of sudden foreign cultures on society, reduce the indifference or rejection of other cultures by a certain country or nation, and form an open and diversified interactive mechanism to enhance the exchange and dissemination of regional multiculturalism. Second, media cooperation should emphasize technical support, service linkage and people-to-people communication. The purpose of cooperation is to benefit all parties and make progress together, rather than copying and reproducing, or stopping at superficial language translation or exchange. The media of different countries can establish a mechanism to exchange articles and news, share excellent media resources, jointly promote and disseminate the cultures of different countries and ethnic groups, strengthen cultural identity and promote multicultural integration. Finally, a mechanism for exchanges and visits among media professionals to enhance mutual understanding and close cooperation among various media in China, Japan and Korea, should be established, so as to seek common ground while respecting differences and complementing each other's strengths. Only by correctly interpreting the culture of other countries media can more accurately disseminate information on national culture and politics, reduce contradictions and differences caused by asymmetric information, and establish an open and developing cultural communication mechanism.

Relying on the rich and interrelated historical relics, traditional arts and folk cultures of the three countries, the combination of humanistic exchanges and tourism resources should be promoted, as well as joint development of tourism and cultural and creative products with the most historical and humanistic characteristics of the three countries; exploration of the development of regular exchange programmers among schools should be conducted, and establishment of a cooperation mechanism for language training of students should be considered, same as exchange visits of scholars and cooperation in research need to be promoted; and work on special research on historical reconciliation and regional integration, and establishment of consensus in academic fields should be endorsed. To build consensus in the academic field, eliminate disputes and break historical ties. Common efforts are needed in order to strengthen cultural and people-to-people exchanges between China, Japan and the Republic of Korea and to enhance mutual understanding and promote mutual friendship.

In addition, the consensus on "separation of politics and economics" avoids political obstacles. At present, China, Japan and the ROK have reached a consensus on "separating politics from economics" in trilateral cooperation, which means reducing obstacles to economic and trade exchanges caused by political issues and promoting positive interaction among the three countries at the strategic level [6]. Deepening economic cooperation among China, Japan and South Korea is not only in the interest of the three countries, but also conducive to the prosperity and development of the Northeast Asian region and the world as a whole [7]. Economically, the mechanism of China-Japan-South Korea economic cooperation has been steadily established, and trilateral trade and investment liberalization has made positive progress. Under the "ballast" of the economy, the three countries are less likely to have major conflicts on security issues; in the security field, China, Japan and South Korea are trying to avoid conflict, maintain a certain level of strategic mutual trust and develop cooperation. Politically, the South Korean government is actively working to improve Korea-Japan relations, and the restoration of Korea-Japan relations will bring more opportunities and possibilities for China-Japan-ROK cooperation [8].

3.2. Challenges

In fact, due to long-standing differences in geopolitical claims, territorial disputes and historical perceptions, the Southeast Asian region has developed a complex and contradictory relationship between countries that are economically interdependent and politically lacking mutual trust [9].

First, the differences in national and political systems have affected the different social characteristics of people. After a long period of feudal autocracy under the influence of Confucianism, Chinese people generally have an instinctive psychological and habitual behavioral characteristics resulting in obedience to those in power, and a higher degree of acceptance of the social status, distribution system and power given to individuals, as well as stronger self-discipline and self-restraint.

Unlike China, which has a socialist system, Japan and Korea are economically advanced capitalist countries, with a constitutional monarchical political system in Japan and a presidential and republican system in Korea. Although under the influence of long-term militarism, some Japanese still have the remnants of "military statehood" in their thinking, the development of

democracy in Japan is on the right track, and South Korea, as the fastest developing democratizing country in Asia, shares the same commonality of advocating fairness and justice, democracy and righteousness. In addition, Japan and South Korea are more inclined to avoid the unpredictable future and prefer orderly and lawful paradigms of behavior because of their geopolitical environment, security concerns and war experiences [10]. In Northeast Asia, the general characteristics of the Japanese and Koreans are such that they enjoy the certainty of having everything under control more than the risk of challenges. They prefer the stability of order to the unpredictability of the future.

In addition, the global geopolitical situation is becoming increasingly tense. As the global geopolitical environment has become tenser, Japan and South Korea have adopted a more conservative national security strategy and strengthened their security cooperation with the United States. First, there is an escalation of geopolitical confrontation in Northeast Asia. In 2022, the problems in the Russia-Ukraine relations and the current situations between the two countries has not reinforced their perception of Russia as a partner. Second, in the context of Sino-US competition, Japan and South Korea are more concerned about China's rapid development, and their foreign policies show a certain tendency of "pro-US and anti-China". Finally, regional security tensions have led Japan and South Korea to seek to align themselves with the US Indo-Pacific strategy, which seeks to contain China in a wider range of arenas. The continuation of this situation is not conducive to the development of trilateral cooperation between China, Japan and South Korea.

There is a clear trend towards the securitization of economic issues. At present, the biggest obstacle to global economic development is the issue of economic securitization, which has led to the return of trade protectionism, as well as various types of investment and technical barriers. This has reduced the level of trust between countries and increased the cost of cooperation between countries. The economies of Japan and South Korea are highly dependent on China, but in order to strengthen their own economic security, Japan and South Korea have responded positively to the "economic securitization" measures of the United States. These countries spreading the pressure of their own risks by decoupling from China, expanding the scope of their foreign cooperation and joining the alliance mechanism led by the USA.

3.3. Future Development

General Secretary Xi Jinping has pointed out the need to respect the diversity of world civilizations, overcome barriers between civilizations through civilizational exchanges, overcome clash of civilizations through mutual understanding, and overcome superiority of civilizations through civilizational coexistence. At present, China, Japan and South Korea are facing the challenge of building a community of shared human destiny and realizing win-win exchanges, and the construction of the Belt and Road, which China is championing, is creating new opportunities for cooperation between China, Japan and South Korea. The development of the cultural industry of the three countries has strong complementarity, cultural industry as a new industry, has obvious advantages in promoting regional cooperation. China, Japan and South Korea can explore the potential of cooperation in the field of cultural industry [11]. As the economic and cultural integration of China, Japan and South Korea continues, China, Japan and South Korea can actively follow the trend of developing culture and promote the deep integration of cultural enterprises, cultural industry and tourism, to create new and sustainable growth points for the common economic interests of the three countries [12]. Moreover, China, Japan and South Korea can continue to integrate their respective advantages and resources, link up with the development needs of neighboring countries through the "Belt and Road" platform, and jointly open up third-party markets based on deep cooperation, thus opening up a wider space for the development of the three countries. Finally, China, Japan and South Korea also need to strengthen the construction and optimization of the cooperation mechanism, the cooperation mechanism is to maintain the smooth operation of the regional cooperation of the main vehicle, for the three countries mature and beneficial cooperation projects should be opportunities to encourage and support [13], so that more subjects to participate in China-Japan-ROK cultural exchanges and cooperation, so that the theme of cultural cooperation is more diverse and vibrant. Overall, China-Japan-South Korea cooperation faces a number of challenges and opportunities. Despite the fact that historical issues, competitive economic structures and different security perceptions have delayed cooperation, through reasonable guidance and constructive dialogue, China-

Japan-ROK cooperation has reached consensus and is back on track with the efforts of all parties.

Conclusion

Cultural cooperation among China, Japan and South Korea has opened up new avenues for cultural exchange and cooperation in East Asia and achieved a series of results with broad prospects for cooperation. Among them, the development of China's cultural industry remains strong, and the cultural industry has become a new pillar of China's economic development. However, Northeast Asia's ability to jointly withstand external risks may be weakened by unresolved historical legacy issues, uneven regional development and ethnic conflicts in the region, which may shake the foundation of regional cooperation. As the advocate and leader of cooperation in Northeast Asia, China should lay a profound foundation of cultural identity and, under the guidance of the Belt and Road Initiative, build a community of shared human destiny, enhance mutual cultural understanding and cultural identity, avoid contradictions and conflicts due to cultural differences, and establish an open and effective multilateral cooperation mechanism. The mechanism of open and effective multilateral cooperation will be established.

REFERRENCES

1. Kim, T. Confucianism, Modernities and Knowledge: China, South Korea and Japan. International Handbook of Comparative Education. Part 1. 2009. P. 857–872. Available at https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4020-6403-6_55 (accessed: 10.04.2024).

2. Jin Jing 金晶, Zhang Huizhi 张慧智. “Yidai yilu” changyi xia dongbei ya quyu hezuo wenhua rentong yanjiu “一带一路”倡议下东北亚区域合作文化认同研究 [Research on Cultural Identity of Regional Cooperation in Northeast Asia under the “Belt and Road” Initiative]. *Caijin wenti yanjiu* 财经问题研究 [*Study of Financial Issues*]. 2020. Iss. 2. P. 90–96. (In Chinese).

3. Liu Jiayin. The Possibility of Cultural Cooperation between China, Japan and South Korea and the Construction of East Asian Cultural Community. *Proceedings of the 2021 International Conference on Public Art and Human Development* (*ICPAHD 2021*). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research.* 2022. Vol. 638. P. 513–516.

4. Xi Jinping 习近平. Zai tashengan wuzibieke sitan zuigao huiyi lifayuan de yanjiang 在塔什干乌兹别克斯坦最高会议立法院的演讲 [Speech at the Legislative Chamber of the Supreme Council of Uzbekistan in Tashkent]. 23.06.2016. *Xinhua tongxunshe* 新华通讯社 [*Xinhua News Agency]*. Available at https://news.cnr.cn/native/gd/20160623/t20160623_522473078.shtml (accessed: 08.04.2024). (In Chinese).

5. Luo Shugang 雒树刚. Fenli kaita zhong ri han wenhua hezuo xin jumian 奋力开拓中日韩文化合作新局面 [Strive to Open up New Prospects for Cultural Cooperation between China, Japan and South Korea]. 19.12.2018. *Renmin luntan wang* 人民论坛网 [*People's Forum Network*]. Available at http://www.rmlt.com.cn/2018/1219/535601.shtml (accessed: 09.04.2024). (In Chinese).

6. Guo Jiru. Research on Market Competition and Cooperation Opportunities in the Cultural Industries of China, Japan, and Korea 2024. *Transactions on Economics, Business and Management Research*. 2024. Vol. 5. P. 149–153. Available at https://wepub.org/index.php/TEBMR/article/view/1034 (accessed: 11.04.2024).

7. Yang Yanlong 杨延龙, Ye Rujing 叶如静. Zhong ri han hezuo de tiaozhan, jiyu he weilai 中日韩合作的挑战、机遇和未来 [Challenges, Opportunities and Future of Cooperation between China, Japan and South Korea]. 07.12.2023. *Guoji hezuo zhongxin* 国际合作中心 [*International Cooperation Center*]. Available at https://www.icc.org.cn/publications/policies/2049.html (accessed: 08.04.2024). (In Chinese).

8. Zhang Xueyan 张雪妍, Yu Zirong 俞子荣, Cai Guiquan 蔡桂全. Zhong ri han jingmao hezuo: Xianzhuang, jiyu yu qianjing zhanwang 中日韩经贸合作:现状、机遇与前景展望 [China – Japan – Korea Economic and Trade Cooperation: Current Situation, Opportunities and Prospects]. *Guoji maoyi* 国际贸易 [*International Trade*]. 2023. Iss. 9. Available at https://m.fx361.com/news/2023/1010/22702399.html (accessed: 09.04.2024). (In Chinese).

9. Ba Dianjun 巴殿君, Zuo Tianquan 左天全. Zhongrihan hezuo de fazhan, kunjing yu qianjing 中日韩合作的发展、困境与前景. [Development, Dilemmas and Prospects of China – Japan – Korea Cooperation]. *Guoji wenti yanjiu* 国际问题研究 [*International Studies*]. 2024. Iss. 1. P. 110–129. Available at https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/202403/P020240312360819300294.pdf (accessed: 13.04.2024). (In Chinese).

10. Sun Xiaotao 孙晓涛. Fuza waibu xingshi xia fen lingyu shenhua zhong ri han chanye hezuo 复杂外部形势下分领域深化中日韩产业合作 [Deepen Industrial Cooperation between China, Japan and South Korea in Different Fields under the Complex External Situation]. *Kaifang daobao* 开放导报 [*Open Herald*]. 2024. Iss. 1. Available at https://m.fx361.com/news/2024/0303/23014977.html (accessed: 11.04.2024). (In Chinese).

11. Li Liu 刘莉. RCEP beijing xia zhong ri han sanguo shengchan xing fuwu maoyi guoji jingzheng li fenxi RCEP背景下中日韩三国生产性服务贸易国际竞争力分析 [Analysis of the International Competitiveness of China, Japan and South Korea's Trade in Productive Services in the Context of RCEP]. *Duiwai jingmao shiwu* 对外经贸实务 [*Foreign Economic and Trade Practice*]. 2024. Iss. 2. P. 17–23. (In Chinese).

12. Zhou Jiaqi, Zhou Zhibin. The Influences of Cultural Values on the Cultural Product Trade: Evidence from China, Japan and Korea. Nankai Business Review International. 2022. Vol. 13. Iss. 2. P. 201–219.

13. Li Dongxin 李冬新, Wang Jianli 王柬力, Wang Yunting 王云婷. Zhong ri han yu dongmeng zai shuzi jingji lingyu de jing he—yi shuzi maoyi wei li 中日韩与东盟在数字经济领域的竞合—以数字贸易为例 [Competition and Cooperation between China, Japan, South Korea and ASEAN in the Field of Digital Economy – Taking Digital Trade

as an Example]. *Nanyang wenti yanjiu* 南洋问题研究 [*Research on Nanyang Issues*]. 2024. № 1. SOUTHEAST ASIAN AFFAIRS. General Serial № 197. Available at https://www.yunzhan365.com/basic/49117011.html (accessed: 13.04.2024). (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Zhan Zesong – Master's student, Shenzhen University, Shenzhen, China/ 2021071096@email.szu.edu.cn
The author declars no conflict of interests.

Чжань Цзесун – магистрann, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Китай/ 2021071096@email.szu.edu.cn
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 29.05.2024. Одобрена после рецензирования 30.05.2024. Принята 01.06.2024.
Received 29.05.2024. Approved after reviewing 30.05.2024. Accepted 01.06.2024.

research article
UDC: 327.3+378.4
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.7

Role of Educational Institutions in the Implementation of the United Nations Sustainable Development Goals in Russia

Olga P. Lofichenko ✉
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
✉ ms.lofichenko@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4553-6135

Abstract. *This study analyzes the activities of universities in the Russian Federation aimed at achieving the UN Sustainable Development Goals. The experience in the field of sustainable development accumulated by Russia and its partners through coordinated work, including on the basis of educational institutions, is considered. The article is not limited to the experience of only metropolitan universities, but also takes into account the activities of educational institutions from the regions of Russia. It is emphasized that educational institutions are of high importance in the context of achieving the SDGs. These institutions are subject to SDG-4 (Quality Education), which is closely linked to many other UN SDG points. At the same time, universities are also considered as centers for coordinating domestic and international activities within the framework of achieving the UN SDGs, which not only indirectly affects the SDGs, but also represents a separate Goal 17 - Partnerships for the Goals. The paper indicates current challenges and prospects in the implementation of the Sustainable Development Goals in the Russian Federation and its partners, including through cooperation in the field of education. It was revealed that Russian universities are working in the context of the SDGs in at least four areas, which include educational work, environmental activities, volunteering, and international cooperation. It was found that even under the conditions of sanctions policy, Russian universities are not in academic isolation, but are looking for new opportunities for cross-border cooperation with countries near and far abroad. The novelty of the study is reflected in the following points: the activities of not only leading universities, but also those located in remote regions of the country are considered; work to implement the SDGs is studied comprehensively; modern geopolitical alities are considered.*

***Keywords*:** Sustainable Development Goals; SDG 4; International Cooperation; Eliminating Inequality; Quality Education

***For citation*:** Lofichenko, O.P. Role of Educational Institutions in the Implementation of the United Nations Sustainable Development Goals in Russia. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 130–149. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.7

© Lofichenko, O.P., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

научная статья
УДК: 327.3+378.4
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.7

Роль образовательных учреждений в реализации целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций в России

Лофиченко Ольга Петровна ✉
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Россия
✉ ms.lofichenko@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4553-6135

Аннотация. В предлагаемом исследовании анализируется деятельность университетов Российской Федерации, направленная на достижение целей устойчивого развития ООН. Рассматривается опыт в области устойчивого развития, накопленный Россией и ее партнерами посредством слаженной работы, в том числе на базе образовательных учреждений. Учитывается деятельность не только столичных вузов, но и университетов, находящихся в регионах России. Подчеркивается, что образовательные учреждения имеют большое значение в контексте достижения целей устойчивого развития (далее ЦУР). Такие университеты являются субъектами ЦУР-4 (Качественное образование), тесно связанной со многими другими пунктами проекта. При этом университеты рассматриваются как центры координации внутренней и международной деятельности в рамках достижения ЦУР ООН, что не только косвенно влияет на сформулированные цели, но и представляет собой отдельную Цель 17 (Партнерство ради целей). В статье обозначены текущие проблемы и перспективы реализации целей устойчивого развития ООН в Российской Федерации и ее странах-партнерах, в том числе посредством сотрудничества в сфере образования. Было выявлено, что российские вузы ведут деятельность в контексте ЦУР как минимум по четырем направлениям, к которым можно отнести образовательную работу, экологическую деятельность, волонтерство, а также международное сотрудничество. Установлено, что даже в условиях санкционной политики российские вузы не находятся в академической изоляции, а ищут новые возможности трансграничной кооперации со странами ближнего и дальнего зарубежья. Новизна исследования отражается в следующих пунктах: рассматривается деятельность не только ведущих университетов, но и находящихся в отдаленных регионах страны; работа по реализации ЦУР изучается комплексно; учитываются современные геополитические реалии.

***Ключевые слова*:** цели устойчивого развития; ЦУР 4; международное сотрудничество; устранение неравенства; качественное образование

***Для цитирования*:** Лофиченко О.П. Роль образовательных учреждений в реализации Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций в России // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 130–149. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.7

© Лофиченко О.П., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Научная специальгость ВАК: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Introduction

The concept of Sustainable Development (SD), which remains relevant to this day, was formulated back in 1987 in the "report of the World Commission on Environment and Development – The Brundtland Commission"[1]. It states: "Sustainable development is development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs"[1, p. 41]. This report can be considered a starting point in creating a coordinated policy for solving global problems of humanity by the international community. Work "on the issue of protecting the environment and promoting SD continued at the Earth Summit (Rio de Janeiro, Brazil, 3-14 June 1992), where one of the key events was the signing of Agenda 21" [2]. Subsequently, the UN "Millennium Declaration" [3] was adopted, which formed the basis of the eight "Millennium Development Goals" [4]. The MDGs (Millennium Development Goals) were valid until 2015, and were replaced by the broader 17 SDG (Sustainable Development Goals) [5], "the implementation of which is expected until 2030" [5].

Sustainable development concerns various areas of human life. "It addresses issues of health, poverty, hunger, environmental protection" [5], and so on. Nevertheless, one aspect can be singled out, without the implementation of which it is impossible to solve all the others. It would not be an exaggeration to say that only an educated person can contribute to improving healthcare, developing infrastructure, expanding equality and much more that is included in the 2030 Agenda.

Both the MDGs and SDGs included education as one of the key steps towards solving global problems of humanity. Looking at both documents, one can see "Goal 2 Achieve universal primary education" [4] (Millennium Development Goals) and "Goal 4. Quality education" [5] (Sustainable Development Goals).

The very concept of education in the context of SD can be considered both as a goal and as a means.

On the one hand, the opportunity to obtain a quality education, free from discrimination on various grounds, is the goal that the world community strives for as part of the implementation (Impl.) of the SDGs.

On the other hand, educational institutions, as part of the educational system, are the asset that can be used in the chain of actions to achieve the SDGs. This point can also be divided into two conditional aspects. Firstly, knowledge on and for the Impl. of sustainable development goals can be obtained by students directly in educational institutions, especially higher education. Secondly, "international cooperation, carried out through experience exchange programs between educational institutions in different countries, is itself part of a special Goal among the SDGs" [6] ("Goal 17. Partnership for the Goals").

The sustainable development goals have their own localization features in different countries, which are reflected in the strategic national documents of individual states [7]. This work will be based on the experience of the Russian Federation in this matter, which, according to experts in the field of SDGs, "could become one of the pioneers of sustainable development" [7], since "it approved the concept of sustainable development of the state back in 1996" [8]. National projects in the Russian Federation include the Education project [9], the implementation of which correlates with the Impl. of SDG 4. According to experts, despite the existing shortcomings in the field of education, "Russia has significant achievements in this area recognized by other countries, among which the dominance of state financing of the education sector and the coverage of children and youth in general education are especially highlighted" [10, p. 176].

Objectives

Institutions of higher education, which play an important role in the Russian educational system, are essentially one of the tools for implementing the SDGs not only in a single state, but also on an international scale. Considering the above, let us derive the goal of this article.

Thus, the main purpose of this study is to characterize the activities of Russian universities in the implementation of the SDGs. The study is based on the experience country's top universities: for example, Moscow State University, Southern Federal University, St. Petersburg Polytechnic University, Ural Federal University, Far Eastern Federal University, North Ossetian State University, Irkutsk National Research Technical University, etc. Their activities are covered to the extent that it will be possible to prove that the participation of

universities in the movement towards the SDGs is diverse and has its own results.

Based on the materials studied, it seems possible to offer some recommendations related to further prospects for the implementation of the SDGs within the framework of the activities of Russian universities.

Although education-related aspects of the SDGs also apply to schools, in this study we focus specifically on higher education institutions because they have significant potential for international interaction, conducting comprehensive research, participating in volunteer projects, etc. At the same time, the students themselves, who due to their age have greater independence and better skills than schoolchildren, can be considered as participants in the process of achieving the SDGs at the moment, and not just in the distant future.

Materials and Methods

Various aspects of the Implemenetation of the SDGs are reflected in numerous studies by scientists from around the world. There are noteworthy works by foreign authors that consider the importance of educational institutions in the context of the implementation of the Sustainable Development Goals.

According to researchers, today universities have a third mission, in addition to the two traditional ones (teaching and research). According to the definition formulated by M. Marhl and A. Pausits, "third mission is the vehicle to let universities leave ivory tower and to increase the collaboration and exchange with the society" [11, p. 47]. Which means that the third mission is "a set of specific services based on actions and capabilities that serve the benefit of society" [12, p. 119].

Akemi Ashida writes that in the second half of the XX century, education, in particular higher education, began to be perceived as an investment that could result in prosperity growth [6]. Then higher education came under the close attention of the United Nations. These days, as the researcher emphasizes, higher education is not only part of SDG Goal 4, but is also indirectly linked to Goals 2, 3, 7, 9, 12, 14, and 17 [6].

W. Leal Filho, A.L. Salvia, J.H.P.P. Eustachio highlight the following contributions that universities make to the Impl. of the SDGs. Firstly, it is carrying out research on SD. Secondly, it is teaching students in programs (created from scratch or supplemented with new materials) aimed at SD.

Furthermore, university campuses themselves, according to researchers, "can be environmentally friendly and aimed at promoting the SDGs through the use of renewable energy, reducing harmful emissions into the atmosphere, and so on" [13].

K. Kuroda and L. Nakasato consider in the context of the SDGs three key approaches to higher education in the modern world. These include education for peace, education as a human right and education for socio-economic development [14].

F. Caputo, L. Ligorio and S. Pizzi conducted a study in which they identified the degree of disclosure of various SDG points in higher education institutions based on individual universities' reports on their activities [15].

Research on the topic under consideration is taking place not only in foreign countries, but also in the Russian Federation. It should be noted that even in the Soviet years, humanistic ideas formulated abroad and aimed at spreading prosperity throughout the world were highly valued. In particular, in 1985, in the introductory article to "The Human Quality" by A. Peccei, academician D.M. Gvishiani noted that Peccei’s ideas will forever inscribe his name in history [16, p. 33]. Of course, the introductory article contains a certain percentage of criticism of "bourgeois views", but this is quite natural, given the ideological characteristics of the Soviet Union. However, in general, the work of the creator of the Club of Rome was highly praised by the Soviet thinker.

Among modern Russian researchers studying the SDGs in their current form, some scientists deserve special mention. M.V. Larionova’s article "Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World" [17] identifies the challenges faced by the global community during the COVID-19 epidemic, their impact on the Impl. of the SDGs and possible ways to overcome the difficulties that have arisen. Among other things, the author examines education issues in the context of the SDGs.

L. Konstantinova and A. Petrov in their study "Participation of universities in the elimination of poverty within the implementation of Sustainable Development Goals" [18], based on statistical data, revealed that "the commitment of modern universities to sustainable development goals is becoming increasingly important" [18, p.235].

E. Kulikova, O. Durandina and E. Molokova explore in their article "Russia's Quality Higher Education on the Global Agenda of Sustainable

Development" [19] the compatibility of the modern Russian education system with the principles established in Goal 4 of the SDGs. The authors note that there are some shortcomings in this area, as well as regional special features.

G. Sillaste in her article "Science and education as spheres of self-realization of women's creative activity in the process of achieving gender equality" analyzes progress in the self-realization of women scientists in a historical context. This study is at the intersection of the SDGs related to education and gender equality [20].

O. Zinevich and E. Melekhina emphasize the importance of volunteering among students as part of the implementation of the SDGs in their study "Russian student volunteering in the context of the goals and values of sustainable development" [21].

The psychological and pedagogical aspect of following the SDGs in educational institutions is considered by researchers G. Egorova, B. Chabarova, A. Egorov and S. Semukhin in the work "Formation of a culture of sustainable development of school and university graduates as a value of the individual and society" [22].

Thus, it can be noted that there is a sufficient number of studies that can be taken as a basis and proceed further to consideration of the topic of this work. Nevertheless, although many researchers point to the direct connection of universities only with Goal 4, others study this issue more comprehensively. For the purposes of this paper, let us agree with those authors who consider universities as a cluster that combines various means of SDG implementation beyond Goal 4.

Based on the works of the above-mentioned authors, it is possible to correlate their data with the situation in Russian universities. To achieve the goal of the study, we set the task to answer the following questions:

1. what functions do the university departments perform within the university itself in the context of sustainable development;
2. what contribution an individual HEI makes to the joint work of universities as a holistic system covering the country and beyond its borders.

As differences between this paper and existing scientific works, we can name such points as a comprehensive study of directions for implementing the SDGs (beyond SDG 4) and consideration of the experience of Russian universities that are not among the leading ones.

Research and Discussion

As mentioned earlier, the activities of higher education institutions directly or indirectly relate to several SDG Goals. Some of these points will be covered in this article.

Since the first mission of the university is educational [11], its first contribution to the Impl. of the SDGs is the training of future specialists capable of solving the sustainable development issues that humanity faces today. Various Russian universities across the country offer bachelor's and master's degree programs in areas closely related to SD. Some of them are given below. The selected examples are universities that are widely active in the media space and provide comprehensive information about their SDG-related programs in the public domain.

The Faculty of Economics of Moscow State University has a program "National Models of Sustainable Development", which trains "economist-analysts capable of systematically solving theoretical and practical problems of sustainable development at various levels" [23].

Southern Federal University is enrolling in the master's program in Sustainable Development Management (ESG). The university itself describes this area of study as follows: "The new generation program allows you to obtain and systematize knowledge, as well as practical skills related to determining the essence and role of sustainable development"[24].

"International Sustainable Development Programs" are studied by undergraduate students at the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) [25].

The Moscow Institute of Physics and Technology operates a program "Climate Technologies", the work of which is aimed at "training personnel for high-tech industries that are interested in accurately assessing the carbon footprint of their products and minimizing damage to the environment, as well as promoting their activities on the ESG agenda" [26].

The Department of Geography and Sustainable Development of Geosystems operates at the Far Eastern Federal University [27]. The department studies the geographical foundations of sustainable development of coastal areas, in particular environmental management issues [27].

When talking about the study of sustainable environmental management in universities, it is necessary to mention the Irkutsk National Research Technical University and its educational programs [28]. The regulatory documents of this university enshrine the policy of commitment to the SDGs and set out certain plans and indicators for the success of implementing the SDGs in the educational program [28]. An example is the University Policy for Achieving Sustainable Development Goal 14 [29].

It should also be noted that in addition to educational programs related to the SDGs, there are directly Sustainable Development Centers at universities in the Russian Federation. Such centers coordinate universities' activities aimed at achieving the SDGs. For example, a center of this type, which carries out "the formation of eco-culture and the introduction of "green practices" in the work of educational institutions" [30], exists at North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. This center is the winner of the Russian Geographical Society award in the "Best Youth Project" category [30].

There is also a Center for Sustainable Development at the Ural Federal University (UrFU). In 2020, UN Secretary-General Antonio Guterres even "congratulated teachers and students on the 100th anniversary of the university" [31]. Among recent events in the context of the implementation of the SDGs, we can cite as an example "the international autumn school of the UrFU Institute of Economics and Management on sustainable development" [32].

A number of Goals relate to solving environmental problems [5]. In order to "form environmental thinking in the university community", the "Green Universities of Russia" program was created in the Russian Federation in 2016 [33]. Work within this program takes place in two directions: educational activities and practical actions. The practical part includes responsible waste management, energy efficiency measures, landscaping, etc. According to the Program, 477 Russian universities are its participants, 172 of which are members of the Association of Green Universities of Russia. Over the years of the Program's existence, participating universities have collected more than 57 tons of recyclable materials, planted more than 84 thousand trees, created a mobile application, conducted 50 eco-lessons and much more. [33]

In addition to the above, it is worth to note that universities are actively promoting the idea of volunteering. It is certain that helping those in need is the leitmotif of the SDG concept. Since the number of students is quite large, even a

small volunteer contribution from each of them can accumulate into substantial achievements.

Of course, global problems of humanity cannot be solved by one person, one center or even one country. Therefore, cooperation, including international cooperation, is one of the key points in the Impl. of the SDGs. For many years, Russian universities have been a platform for international exchange of experience among students and experts. An example is the international Tandem project of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University with leading German universities [34].

Today, there is a change in vectors in the international activities of Russian universities. The current political situation and the restrictions associated with it are forcing Russian universities to reorient themselves to working mainly with "friendly countries" [35]. For example, the previously mentioned NOSU named after. K.L. Khetagurova, even in today's difficult geopolitical realities, takes an active part in the formation and maintenance of international academic relations, teaching students from foreign countries, including Cameroon, Senegal, Guinea and Mali, and interacting with partners, for example, from South Ossetia, Kazakhstan, Iran, etc. Experts note that in these conditions, "it makes sense to focus on flexible and non-financial ties" [35, p. 135]. Possible measures to continue cooperation with western foreign partners include "the formation of mirror laboratories on new operating principles, as well as cooperation with foreign scientists and the diaspora on an individual basis, including within the framework of journal policy" [35, p. 135]. It should also be noted that interaction with eastern foreign partners is significantly increasing.

On the issue of centers for promoting the SDGs, we should mention the network of UNESCO Chairs operating at universities in the Russian Federation [36]. Their areas of activity include education, social, engineering and natural sciences, as well as issues of culture, communication and information. In Russia, 57 UNESCO Chairs have been created in various parts of the country. Representatives of these departments hold thematic conferences, propose joint work plans, exchange experiences, implement programs to preserve traditions and history, as well as to develop innovations in the context of the SDGs [36]. In addition to domestic cooperation, the field of activity of UNESCO Chairs also includes international cooperation. Despite the fact that Russia continues to

participate in UNESCO events [37], including in Western countries, currently one can notice a shift in the main focus to partnerships with Eastern countries. Official representatives of Russia point to the politicization of UNESCO and the political bias of its leadership towards Western countries [38, 39]. However, the Russian President calls proposals to withdraw from UNESCO absurd, but notes the need for changes in the UN system [40].

The universities listed in the work are not the only ones in the country engaged in various activities in the context of the SDGs. The scope of this study cannot accommodate a description of such activities in all universities that consider participation in the implementation of the SDGs as one of their tasks. The materials of this article can form the basis for further, more in-depth studies of the topic under consideration.

Conclusion

Thus, summarizing the above, we conclude that Russian higher education institutions make a certain contribution to solving global problems of humanity through the implementation of the Sustainable Development Goals. Work is being carried out in various directions, including educational, coordination and practical components, mainly related to environmental initiatives and intercultural communication. The efforts that universities make in volunteering are also significant. It is noteworthy that educational institutions from many regions of the country are represented among the Russian universities participating in this activity. Thus, we can talk about a chain of universities united by common goals and moving towards their achievement.

Today, Russian universities are undergoing a forced transformation of relations with foreign partners. One of the challenges of the present time is the need to establish new connections and strengthen existing ones.

The results obtained during the study can be presented as follows:

1. We studied the activities of various universities in the country and found that not only the largest universities in Russia, but also regional educational institutions are interested in working on the SDGs. This fact emphasizes the importance of implementing the SDGs in Russian universities, since even in the conditions of limited resources that exist in small institutions of higher education, all possible work is being done in the direction of the SDGs.

2. Although most authors reviewing the activities of universities to achieve the SDGs mainly study SDG 4, which is directly devoted to education, we have found that work in this direction is more ramified. In addition to education, aspects such as environmental activism, volunteerism and international cooperation also need to be taken into account.

3. The difficult geopolitical situation is closing certain opportunities for global academic mobility for Russian scientists and students. However, universities are adapting to current conditions and finding ways to interact with foreign partners, not only from post-Soviet countries, but also from abroad.

The following points can be cited as the author's recommendations for further implementation of the SDGs in universities:

1. to continue the implementation of existing programs;
2. to develop and strengthen intrastate interregional cooperation;
3. to pay attention to solving local problems that impede the implementation of broader plans;
4. to establish and maintain partner countries with educational institutions of "friendly countries";
5. to take part in international programs to the extent that current geopolitical conditions allow.

It is obvious that the efforts of one educational organization do not play a significant role in solving global problems of mankind, however, the collective contribution of an entire network of universities located throughout the country and interacting with foreign colleagues can significantly affect the implementation of the Sustainable Development Goals not only in an individual country, but also across to the whole world.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // The World Commission on Environment and Development, 1987. [эл. доступ]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

2. United Nations Conference on Environment & Development Rio de Janerio, Brazil, 3 to 14 June 1992. Agenda 21 // United Nations Division for Sustainable Development. [эл. доступ]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

3. United Nations Millennium Declaration, 08.09.2000. General Assembly resolution 55/2 // The Office of the High Commissioner for Human Rights: [сайт]. URL:

https://web.dev.ohchr.un-icc.cloud/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-millennium-declaration (дата обращения: 01.03.2024).
4. Millennium Development Goals, 2001: [сайт]. URL: https://www.un.org/millenniumgoals/ (дата обращения: 01.03.2024).
5. Sustainable Development Goals, 2015: [сайт]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ (дата обращения: 01.03.2024).
6. Ashida, A. The Role of Higher Education in Achieving the Sustainable Development Goals // Sustainable Development Disciplines for Humanity. 2022. P. 71–84. [эл. доступ]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-4859-6_5 (дата обращения: 01.03.2024).
7. Lanshina, T., Barinova, V., Loginova, A., Lavrovsky, E., Ponedelnik, I. Localizing and Achieving the Sustainable Development Goals at the National Level: Cases of Leadership // International Organisations Research Journal. 2019. Vol. 14. № 1. P. 207–224. [эл. доступ]. URL: https://iorj.hse.ru/data/2019/05/22/1508327901/T.%20Lanshina,%20V.%20Barinova,%20A.%20Loginova,%20E.%20Lavrovsky,%20I.%20Ponedelnik.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
8. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (дата обращения: 01.03.2024).
9. Паспорт Национального проекта «Образование». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 01.03.2024).
10. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития. ООН и Россия, 2016 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
11. Marhl, M., Pausits, A. Third Mission Indicators for New Ranking Methodologies // Lifelong Education the XXI Century. 2013. P. 89–101. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/274937286_Third_mission_indicators_for_new_ranking_methodologies (дата обращения: 01.03.2024).
12. Клемешев А.П., Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. Стейкхолдерский подход в реализации «третьей миссии» университетов // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 4. С. 114–135. [эл. доступ]. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/139/8_Клемешев_114-135.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
13. Leal, F.W., Salvia, A.L., Eustachio, J.H.P.P. An overview of the engagement of higher education institutions in the implementation of the UN Sustainable Development Goals // Journal of Cleaner Production, 2023. [эл. доступ]. URL: https://www.haw-hamburg.de/fileadmin/LS/FTZ-NK/PDF/Publications/An_Overview_of_the_Engagement_of_higher_educations_Institutions_in_the_Implementation_of_the_UN_SDGs.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
14. Kuroda, K., Nakasato, L. The Historical Development of SDG4: Evolution of the Global Governance of Education // Sustainable Development Disciplines for Humanity,

2023. P. 37–53. [эл. доступ]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-4859-6_3 (дата обращения: 01.03.2024).
15. Caputo, F., Ligorio, L., Pizzi, S. The Contribution of Higher Education Institutions to the SDGs. An Evaluation of Sustainability Reporting Practices // Administrative Sciences, 2021. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/354427897_The_Contribution_of_Higher_Education_Institutions_to_the_SDGs_An_Evaluation_of_Sustainability_Reporting_Practices (дата обращения: 01.03.2024).
16. Гвишиани Д.М. Вступительная статья // Печчеи А. Человеческие качества. Перевод на русский язык с сокращениями. М.: Изд-во «Прогресс», 1985. С. 5–33.
17. Larionova, M. Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15. № 4. P. 163–188. [эл. доступ]. URL: https://iorj.hse.ru/data/2021/04/01/1386890426/Larionova.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
18. Константинова Л., Петров А. Участие вузов в ликвидации нищеты в рамках реализации целей устойчивого развития // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 2. С. 231–240. [эл. доступ]. URL: https://jsps.hse.ru/article/view/17809/16072 (дата обращения: 01.03.2024).
19. Kulikova, E., Durandina, O., Molokova, E. Russia's Quality Higher Education on the Global Agenda of Sustainable Development // E3S Web of Conferences, 2021. № 295. [эл. доступ]. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/71/e3sconf_wfsdi2021_01063.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
20. Силласте Г.Г. Наука и образование как сферы самореализации креативной деятельности женщин в процессе достижения гендерного равноправия (Часть I) // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 1(65). С. 56–77. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-obrazovanie-kak-sfery-samorealizatsii-kreativnoy-deyatelnosti-zhenschin-v-protsesse-dostizheniya-gendernogo-ravnopraviya (дата обращения: 28.05.2024).
21. Зиневич О.В., Мелёхина Е.А. Российское студенческое волонтёрство в контексте целей и ценностей устойчивого развития // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 3. С. 104–125. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-studencheskoe-volontyorstvo-v-kontekste-tseley-i-tsennostey-ustoychivogo-razvitiya/viewer (дата обращения: 28.05.2024).
22. Егорова И.Е., Чабарова Б.М., Егоров А.И., Семухин С.П. Формирование культуры устойчивого развития выпускника школы, вуза как ценности личности и социума // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 5(229). С. 103–111. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kultury-ustoychivogo-razvitiya-vypusknika-shkoly-vuza-kak-tsennosti-lichnosti-i-sotsiuma (дата обращения: 28.05.2024).
23. Магистерская программа «Национальные модели устойчивого развития // Факультет экономики МГУ: [сайт]. URL: https://www.econ.msu.ru/students/mag/curricula/eco/nsdm/ (дата обращения: 01.03.2024).

24. Магистерская программа «Управление устойчивым развитием ESG» // Южный федеральный университет: [сайт]. URL: https://sfedu.ru/op/231 (дата обращения: 01.03.2024).
25. Презентация программ многопрофильного бакалавриата «Проекты устойчивого развития» // ИФУР РАНХиГС: [сайт]. URL: https://ifur.ranepa.ru/news/prezentatsiya-programm-mnogoprofilnogo-bakalavriata-proekty-ustoychivogo-razvitiya/ (дата обращения: 16.06.2024).
26. Магистерская программа в МФТИ «Климатические технологии» // Институт глобального климата и экологии: [сайт]. URL: https://sweetys.ru/department/ (дата обращения: 16.06.2024).
27. Направления научных исследований кафедры географии и устойчивого развития геосистем // Дальневосточный федеральный университет. [эл. доступ]. URL: https://www.dvfu.ru/institute_of_the_world_ocean/struktura/the-cluster-of-the-departments-of-earth-sciences/department-of-geography-and-artificial-development-of-geosystems/scientific-interests/ (дата обращения: 28.05.2024).
28. Политика университета по достижению цели 15 в области устойчивого развития «Жизнь на суше» // Иркутский национальный исследовательский технический университет. [эл. доступ]. URL: https://www.istu.edu/ob_irnitu/ustoychivoe_razvitie/politika_zhizn_na_sushe (дата обращения: 28.05.2024).
29. Политика ИРНИТУ в области сохранения и рационального использования океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития // Иркутский национальный исследовательский технический университет. [эл. доступ]. URL: https://www.istu.edu/local/modules/doc/download/69383 (дата обращения: 28.05.2024).
30. Проект Северо-Осетинского государственного университета получил награду Русского географического общества. 19.10.2021 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/12706011 (дата обращения: 01.03.2024).
31. Антониу Гутерриш: ООН надеется на продолжение сотрудничества с вузом. Генсек организации поздравил университет со 100-летием. 16.11.2020 // Уральский федеральный университет: [сайт]. URL: https://urfu.ru/ru/news/33971/ (дата обращения: 28.05.2024).
32. Завершился первый на Урале ESGD-хакатон. 30.11.2023 // Уральский федеральный университет: [сайт]. URL: https://gsem.urfu.ru/ru/news/49323/ (дата обращения: 28.05.2024).
33. Зеленые вузы России: [сайт]. URL: https://greenuniversity.ru/about/ (дата обращения: 01.03.2024).
34. Богданова Н.В., Курлапова К.И. Межкультурная коммуникация в рамках тандем-проектов международного межвузовского сотрудничества // Вопросы методики преподавания в вузе, 2018. Т. 7. № 24. С. 53–64. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-ramkah-tandem-proektov-mezhdunarodnogo-mezhvuzovskogo-sotrudnichestva/viewer (дата обращения: 01.03.2024).
35. Дежина И.Г. Международное научное сотрудничество российских вузов в новых условиях: ограничения и возможности // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2022. Т. 52. № 11. С. 125–143. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/364930846_International_Scientific_Cooperatio

n_of_Russian_Universities_in_New_Conditions_Limitations_and_OCortunities (дата обращения: 01.03.2024).
36. Кафедры ЮНЕСКО в Российской Федерации: [сайт]. URL: https://aspnet-unesco.ru/unesco-chairs/ (дата обращения: 23.05.2024).
37. Россия избрана в состав Межправительственного комитета по биоэтике. 20.11.2023 // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: [сайт]. URL: http://unesco.ru/news/russia-bio-committee/ (дата обращения: 23.05.2024).
38. Выступление главы российской делегации на 219-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО. 28.03.2024 // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: [сайт]. URL: http://unesco.ru/news/speech/ (дата обращения: 23.05.2024).
39. Посольство РФ считает неприемлемой дискриминацию российских геологов на съезде в Пусане. 12.04.2024 // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: [сайт]. URL: http://unesco.ru/news/discrimination-against-russian-geologists-at-the-congress-in-busan/ (дата обращения: 23.05.2024).
40. В.В. Путин выступил против идеи выхода России из ЮНЕСКО. 17.11.2023 // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: [сайт]. URL: http://unesco.ru/news/against-%e2%80%8b%e2%80%8bleaving-unesco/ (дата обращения: 23.05.2024).

REFERENCES

1. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. *The World Commission on Environment and Development*, 1987. Available at https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (accessed: 01.03.2024).
2. United Nations Conference on Environment & Development Rio de Janerio, Brazil, 3 to 14 June 1992. Agenda 21. *United Nations Division for Sustainable Development*. Available at https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf (accessed: 01.03.2024).
3. United Nations Millennium Declaration, 08.09.2000. General Assembly resolution 55/2. *The Office of the High Commissioner for Human Rights*. Available at https://web.dev.ohchr.un-icc.cloud/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-millennium-declaration (accessed: 01.03.2024).
4. Millennium Development Goals, 2001. Available at https://www.un.org/millenniumgoals/ (accessed: 01.03.2024).
5. Sustainable Development Goals, 2015. Available at: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ (accessed: 01.03.2024).
6. Ashida, A. The Role of Higher Education in Achieving the Sustainable Development Goals. *Sustainable Development Disciplines for Humanity*. 2022. P. 71–84. Available at https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-4859-6_5 (accessed: 01.03.2024).
7. Lanshina, T., Barinova, V., Loginova, A., Lavrovsky, E., Ponedelnik, I. Localizing and Achieving the Sustainable Development Goals at the National Level: Cases of Leadership. *International Organisations Research Journal*. 2019. Vol. 14. № 1. P. 207–224. Available at https://iorj.hse.ru/data/2019/05/22/1508327901/T.%20Lanshina,%20V.%20Barinova,%20A.%20Loginova,%20E.%20Lavrovsky,%20I.%20Ponedelnik.pdf (accessed: 01.03.2024).

8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 aprelja 1996 g. № 440. O Koncepcii perehoda Rossijskoj Federacii k ustojchivomu razvitiju [Decree of the President of the Russian Federation of April 1, 1996 No. 440. On the Concept of the Russian Federation's transition to sustainable development]. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii*. Available at http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
9. Pasport Nacional'nogo proekta «Obrazovanie». Utverzhden prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam (protokol ot 24 dekabrja 2018 g. № 16) [Passport of the National Project "Education". Approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (Minutes dated December 24, 2018 No. 16)]. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii*. Available at https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
10. D oklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii. Celi ustojchivogo razvitija. OON i Rossija [Report on human development in the Russian Federation. Sustainable Development Goals. UN and Russia], 2016. *Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii*. Available at https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
11. Marhl, M., Pausits, A. Third Mission Indicators for New Ranking Methodologies. *Lifelong Education the XXI Century*. 2013. P. 89–101. Available at https://www.researchgate.net/publication/274937286_Third_mission_indicators_for_new_ranking_methodologies (accessed: 01.03.2024).
12. Klemeshev A.P., Kudrjashova E.V., Sorokin S.Je. Stejkholderskij podhod v realizacii «tret'ej missii» universitetov [Stakeholder Approach in Implementing the "Third Mission" of Universities]. *Baltijskij region*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 114–135. Available at https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/139/8_Klemeshev_114-135.pdf (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
13. Leal, F.W., Salvia, A.L., Eustachio, J.H.P.P. An overview of the engagement of higher education institutions in the implementation of the UN Sustainable Development Goals. *Journal of Cleaner Production*, 2023. Available at https://www.haw-hamburg.de/fileadmin/LS/FTZ-NK/PDF/Publications/An_Overview_of_the_Engagement_of_higher_educations_Institutions_in_the_Implementation_of_the_UN_SDGs.pdf (accessed: 01.03.2024).
14. Kuroda, K., Nakasato, L. The Historical Development of SDG4: Evolution of the Global Governance of Education. *Sustainable Development Disciplines for Humanity*, 2023. P. 37–53. Available at https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-4859-6_3 (accessed: 01.03.2024).
15. Caputo, F., Ligorio, L., Pizzi, S. The Contribution of Higher Education Institutions to the SDGs. An Evaluation of Sustainability Reporting Practices. *Administrative Sciences*, 2021. Available at https://www.researchgate.net/publication/354427897_The_Contribution_of_Higher_Education_Institutions_to_the_SDGs_An_Evaluation_of_Sustainability_Reporting_Practices (accessed: 01.03.2024).
16. Gvishiani D.M. Vstupitel'naja stat'ja [Introductory Article]. Pechchei A. *Chelovecheskie kachestva*. Perevod na russkij jazyk s sokrashhenijami. M.: Izd-vo «Progress», 1985. P. 5–33.

17. Larionova, M. Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World. *International Organisations Research Journal*. 2020. Vol. 15. № 4. P. 163–188. Available at https://iorj.hse.ru/data/2021/04/01/1386890426/Larionova.pdf (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
18. Konstantinova L., Petrov A. Uchastie vuzov v likvidacii nishhety v ramkah realizacii celej ustojchivogo razvitija [Participation of Universities in Eradicating Poverty as Part of the Implementation of Sustainable Development Goals]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2023. Vol. 21. № 2. P. 231–240. Available at https://jsps.hse.ru/article/view/17809/16072 (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
19. Kulikova, E., Durandina, O., Molokova, E. Russia's Quality Higher Education on the Global Agenda of Sustainable Development. *E3S Web of Conferences*. 2021. № 295. Available at https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/71/e3sconf_wfsdi2021_01063.pdf (accessed: 01.03.2024).
20. Sillaste G.G. Nauka i obrazovanie kak sfery samorealizacii kreativnoj dejatel'nosti zhenshhin v processe dostizhenija gendernogo ravnopravija (Chast' I) [Science and Education as Areas of Self-Realization of Women's Creative Activity in the Process of Achieving Gender Equality (Part I)]. *Gumanitarij Juga Rossii*. 2024. Vol. 13. № 1(65). P. 56–77. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-obrazovanie-kak-sfery-samorealizatsii-kreativnoy-deyatelnosti-zhenschin-v-protsesse-dostizheniya-gendernogo-ravnopraviya (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
21. Zinevich O.V., Meljohina E.A. Rossijskoe studencheskoe volontjorstvo v kontekste celej i cennostej ustojchivogo razvitija [Russian Student Volunteering in the Context of Sustainable Development Goals and Values]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2024. Vol. 33. № 3. P. 104–125. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-studencheskoe-volontyorstvo-v-kontekste-tseley-i-tsennostey-ustoychivogo-razvitiya/viewer (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
22. Egorova I.E., Chabarova B.M., Egorov A.I., Semuhin S.P. Formirovanie kul'tury ustojchivogo razvitija vypusknika shkoly, vuza kak cennosti lichnosti i sociuma [Formation of a Culture of Sustainable Development of School and University Graduates as a Value of the Individual and Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. Iss. 5(229). P. 103–111. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kultury-ustoychivogo-razvitiya-vypusknika-shkoly-vuza-kak-tsennosti-lichnosti-i-sotsiuma (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
23. Magisterskaya programma «Nacional`nye modeli ustojchivogo razvitiya» [Master's program "National models of sustainable development"]. *Fakul`tet ekonomiki MGU*. Available at https://www.econ.msu.ru/students/mag/curricula/eco/nsdm/ (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
24. Magisterskaya programma «Upravlenie ustojchivym razvitiem ESG» [Master's program "ESG Sustainability Management"]. *Yuzhnyj Federal`nyj Universitet*. Available at https://sfedu.ru/op/231 (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
25. Prezentaciya programm mnogoprofil`nogo bakalavriata «Proekty ustojchivogo razvitiya» [Presentation of multidisciplinary undergraduate programs "Sustainable Development Projects"]. *IFUR RANHiGS*. Available at

https://ifur.ranepa.ru/news/prezentatsiya-programm-mnogoprofilnogo-bakalavriata-proekty-ustoychivogo-razvitiya/ (accessed: 16.06.2024). (In Russian).
26. Magisterskaya programma v MFTI: «Klimaticheskie texnologii» [Master's program at MIPT: “Climate Technologies”]. *Institut global`nogo klimata i kologii*. Available at https://sweetys.ru/department/ (accessed: 16.06.2024). (In Russian).
27. Napravleniya nauchnyx issledovanij kafedry geografii i ustojchivogo razvitiya geosistem. [Directions of scientific research of the Department of Geography and Sustainable Development of Geosystems]. *Dal`nevostochnyj federal`nyj universitet*. Available at https://www.dvfu.ru/institute_of_the_world_ocean/struktura/the-cluster-of-the-departments-of-earth-sciences/department-of-geography-and-artificial-development-of-geosystems/scientific-interests/ (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
28. Politika universiteta po dostizheniju celi 15 v oblasti ustojchivogo razvitija «Zhizn' na sushe» [University Policy to Achieve Sustainable Development Goal 15: Life on Land]. Irkutskij nacional'nyj issledovatel'skij tehnicheskij universitet. Available at https://www.istu.edu/ob_irnitu/ustoychivoe_razvitie/politika_zhizn_na_sushe (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
29. Politika IRNITU v oblasti sohranenija i racional'nogo ispol'zovanija okeanov, morej i morskih resursov v interesah ustojchivogo razvitija [INRTU Policy in the Field of Conservation and Rational Use of Oceans, Seas and Marine Resources in the Interests of Sustainable Development]. *Irkutskij nacional'nyj issledovatel'skij tehnicheskij universitet*. Available at https://www.istu.edu/local/modules/doc/download/69383 (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
30. Proekt Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta poluchil nagradu Russkogo geograficheskogo obshhestva [The North Ossetian State University Project Received an Award from the Russian Geographical Society]. 19.10.2021. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at https://tass.ru/obschestvo/12706011 (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
31. Antoniu Guterrish: OON nadeetsja na prodolzhenie sotrudnichestva s vuzom. Gensek organizacii pozdravil universitet so 100-letiem [Antonio Guterres: The UN Hopes to Continue Cooperation with the University. The Organization's Secretary General Congratulated the University on its 100th Anniversary]. 16.11.2020. *Ural'skij federal'nyj universitet*. Available at https://urfu.ru/ru/news/33971/ (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
32. Zavershilsja pervyj na Urale ESGD-hakaton [The First ESGD Hackathon in the Urals has Ended]. 30.11.2023. *Ural'skij federal'nyj universitet*. Available at https://gsem.urfu.ru/ru/news/49323/ (accessed: 28.05.2024). (In Russian).
33. Zelenye vuzy Rossii [Green Universities in Russia]. Available at https://greenuniversity.ru/about/ (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
34. Bogdanova N.V., Kurlapova K.I. Mezhkul'turnaja kommunikacija v ramkah tandem-proektov mezhdunarodnogo mezhvuzovskogo sotrudnichestva [Intercultural Communication Within the Framework of Tandem Projects of International Interuniversity Cooperation]. *Voprosy metodiki prepodavanija v vuze*. 2018. Vol. 7. № 24. P. 53–64. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-ramkah-tandem-proektov-mezhdunarodnogo-mezhvuzovskogo-sotrudnichestva/viewer (accessed: 01.03.2024). (In Russian).

35. Dezhina I.G. Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo rossijskih vuzov v novyh uslovijah: ogranichenija i vozmozhnosti [International Scientific Cooperation of Russian Universities in New Conditions: limitations and Opportunities]. *Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal JeKO*. 2022. Vol. 52. № 11. P. 125–143. Available at https://www.researchgate.net/publication/364930846_International_Scientific_Cooperation_of_Russian_Universities_in_New_Conditions_Limitations_and_OCortunities (accessed: 01.03.2024). (In Russian).
36. Kafedry JuNESKO v Rossijskoj Federacii [UNESCO Chairs in the Russian Federation]. Available at https://aspnet-unesco.ru/unesco-chairs/ (accessed: 23.05.2024). (In Russian).
37. Rossija izbrana v sostav Mezhpravitel'stvennogo komiteta po biojetike [Russia Elected to the Intergovernmental Committee on Bioethics]. 20.11.2023. *Komissija Rossijskoj Federacii po delam JuNESKO*. Available at http://unesco.ru/news/russia-bio-committee/ (accessed: 23.05.2024). (In Russian).
38. Vystuplenie glavy rossijskoj delegacii na 219-j sessii Ispolnitel'nogo soveta JuNESKO [Speech by the Head of the Russian Delegation at the 219th Session of the UNESCO Executive Board]. 28.03.2024. *Komissija Rossijskoj Federacii po delam JuNESKO*. Available at http://unesco.ru/news/speech/ (accessed: 23.05.2024). (In Russian).
39. Posol'stvo RF schitaet nepriemlemoj diskriminaciju rossijskih geologov na s`ezde v Pusane [The Russian Embassy Considers Discrimination Against Russian Geologists at the Congress in Busan Unacceptable]. 12.04.2024. *Komissija Rossijskoj Federacii po delam JuNESKO*. Available at http://unesco.ru/news/discrimination-against-russian-geologists-at-the-congress-in-busan/ (accessed: 23.05.2024). (In Russian).
40. V.V. Putin vystupil protiv idei vyhoda Rossii iz JuNESKO [V.V. Putin Opposed the Idea of Russia's Withdrawal from UNESCO]. 17.11.2023. *Komissija Rossijskoj Federacii po delam JuNESKO*. Available at http://unesco.ru/news/against-%e2%80%8b%e2%80%8bleaving-unesco/ (accessed: 23.05.2024). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Lofichenko Olga P. – Assistant Lecturer Department of International Economic Relations, Faculty of International Relations. North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.
E-mail: ms.lofichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4553-6135
The author declares no conflict of interest.

Лофиченко Ольга Петровна – ассистент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений. Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова.
E-mail: ms.lofichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4553-6135
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024. Одобрена после рецензирования 31.05.2024. Принята 03.05.2024.
Received 28.04.2024. Approved after reviewing 31.05.2024. Accepted 03.05.2024.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
EURASION INTEGRATION

научная статья
УДК: 314.044
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.8

Тенденции урбанизации в странах Центральной Азии: развитие агломераций за годы независимости (2000–2023 гг.)

Бюлегенова Бибигуль Бисенбаевна ✉
Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
✉ bibigul_bb@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7810-9653

Шермухамедова Нигина Арслановна
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан
shermuhamedova_n@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-6887-2479

Туремуратов Олжас Жангельдыевич
Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
oturemuratov@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-7810-9653

Аннотация. *По данным Глобального института McKinsey (MGI), на 2023 г. в 600 крупнейших городах мира проживает пятая часть населения планеты, на долю которых приходится около 60% мирового ВВП. Быстрый рост городов и увеличение численности городского населения создают как возможности, так и проблемы. С одной стороны, крупные города становятся центрами экономического роста и развития, а также центрами возможностей для людей и бизнеса. С другой стороны, инфраструктура городов не всегда успевает за ростом городского населения и его быстро растущими потребностями, что приводит к ухудшению условий жизни в городах, состояния окружающей среды, отсутствию или низкому качеству государственных услуг и т.д. Это четко прослеживается на примере крупных мегаполисов в Азиатском регионе. Урбанизация представляет собой серьезную проблему для Центральной Азии, которая является быстро растущим регионом в экономическом и демографическом планах. В то же время рост городского населения в регионе может оказаться выше прогнозируемых показателей в результате структурных реформ и других административных, социальных и экономических факторов. Источниками исследования являются демографические показатели стран Центральной Азии (данные Всемирного банка и Центра экономических исследований).*

Степень урбанизации и развития агломераций оценивалась с помощью сравнительного анализа. Для изучения типичных моделей и отличительных черт динамики урбанизации в Центральной Азии были использованы подходы институциональной теории. При сохранении нынешних тенденций демографического роста, миграции, административно-территориальных и экономических преобразований в странах Центральной Азии продолжится рост населения в сельских и городских районах (в первую очередь в малых и средних городах). Одновременно ожидается увеличение концентрации населения, производства и культурной жизни городов. Продолжающийся приток людей в города приведет к территориальному расширению городов и возникновению стихийных агломераций.

***Ключевые слова*:** агломерация; урбанизация; город; регион; экономика; население; миграция

***Для цитирования*:** Бюлегенова Б.Б., Шермухамедова Н.А., Туремуратов О.Ж. Тенденции урбанизации в странах Центральной Азии: развитие агломераций за годы независимости (2000–2023 гг.) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 150–166. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.8

© Бюлегенова Б.Б., Шермухамедова Н.А., Туремуратов О.Ж., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 314.044
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.8

Urbanization Trends in Central Asian Countries: the Development of Agglomerations Over the Years of Independence (2000–2023)

Bibigul B. Byulegenova ✉
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
✉ bibigul_bb@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7810-9653

Nigina A. Shermuhamedova
Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
shermuhamedova_n@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-6887-2479

Olzhas Zh. Turemuratov
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
oturemuratov@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-7810-9653

Abstract. *According to the McKinsey Global Institute (MGI), 2023, today one fifth of the world's population lives in 600 largest cities, accounting for about 60% of global GDP. Rapid urban growth and an increasing urban population create both opportunities and challenges. On the one hand, cities, especially large ones, are becoming centers of economic growth and development, as well as centers of opportunities for people and businesses. On the other hand, urban infrastructure does not always keep pace with the growth of the urban population and its rapidly growing needs, which leads to a deterioration of living conditions in cities and problems such as environmental degradation, lack and poor quality of public services, etc. This*

can be clearly seen in the example of large megacities in the Asian region. Urbanization is a major challenge for Central Asia, which is a rapidly growing region economically and demographically. At the same time, urban population growth in the region may be higher than expected as a result of structural reforms and other administrative, social and economic factors. The research is based on the study of demographic indicators of Central Asian countries according to the World Bank and the Center for Economic Research. The degree of urbanization and development of agglomerations was assessed using a comparative analysis. Institutional theory approaches were used to study typical patterns and distinctive features of urbanization dynamics in Central Asia. While maintaining the current trends of demographic growth, migration, administrative-territorial and economic transformations in the Central Asian countries, population growth in rural and urban areas (primarily in small and medium-sized ones) will continue. At the same time, an increase in the concentration of population, production and cultural life of cities is expected. The continued influx of people into cities will lead to the territorial expansion of cities and the emergence of natural agglomerations.

***Keywords*:** agglomeration; urbanization; city; region; economy; population; migration

***For citation*:** Byulegenova, B.B., Shermuhamedova, N.A., Turemuratov, O.Zh. Urbanization Trends in Central Asian Countries: the Development of Agglomerations Over the Years of Independence (2000–2023). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 150–166. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.8

© Byulegenova, B.B., Shermuhamedova, N.A., Turemuratov, O.Zh., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Вопросы урбанизации в регионе Центральной Азии[7] в настоящее время сводятся к моделям городов, созданных в советский период. Поэтому города можно рассматривать как центры административного, индустриального и культурного характера. Центральная Азия имеет большой потенциал для своего развития, поскольку расположена в экономически быстро растущем географическом регионе, находясь между Европой и Азией. Это географическое положение Центральной Азии, дает ей возможность стать транзитно-ориентированном пространством, для новых идей, технологий, а также инвестиций, капитала и товаров. Новая ситуация будет способствовать появлению новых городов с промышленным, инновационным и транспортно-логистическим потенциалом.

[7] В статье используется определение Института Центральной Азии (г. Казань), согласно которому Центральная Азия – регион Азии, охватывающий территорию пяти стран: Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Указанная точка зрения не соответствует определению региона соглсно ЮНЕСКО. См. Страны Центральной Азии. Какие страны входят в Центральную Азию // Институт исследований Центральной Азии: [сайт]. URL: https://central-asia.institute/centr-asia-countries/ (дата обращения: 05.02.2024).

Основные задачи исследования предполагают: выявить типичные модели и отличительные черты урбанизации; проанализировать тенденции и тренды в развитии городских агломераций стран Центральной Азии; исследовать агломерацию как естественное явление в урбанизации в регионе; изучить формирование городских агломераций с учетом специфики территории Центральной Азии.

Страны Центральной Азии различаются по характеру и влиянию демографических процессов. Эти процессы были различны и зависели от различных подходов к городскому развитию, что привело к появлению разных систем городского управления и новых систем социально-экономического развития городских районов. Каждая отдельно взятая страна Центральной Азии добилась определенных успехов в решении проблем развития городов, этот опыт заслуживает внимания и будет полезен для всех стран региона.

По состоянию на 1 января 2023 г. в Центральной Азии проживало более 77,6 млн. человек, 43,8% в городах. К 2050 году по мнению ООН население Центральной Азии может достигнуть 82 мил. человек, из них городское население составит 55,2% [1]. Однако, можно предположить, что процент городского населения в регионе будет больше, что связано с административными, социальными, структурными и экономическими реформами.

Многие города Центральной Азии берут свое начало с советского периода. Их строительство определялось, прежде всего, политическими задачами, интересами единого хозяйственно-экономического комплекса СССР. Эта политика привела к тому, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, представляли собой агропромышленную экономику, с преобладанием сельского населения.

Особенностью современной урбанизации является изменение формирования и развития городов. Города представляют более сложные системы поселений за счет своих пригородов. Такие агломерации состоят из десятков населенных пунктов, имеют между собой тесную связь. Появление таких агломераций – это новый качественный этап в развитии городов, что приводит к появлению системы «размытых по границам города». В дальнейшем агломерации превращаются в мегаполисы, что является более сложной формой урбанизации.

Исследования урбанизации в Центральной Азии в последние годы становятся все более актуальными, учитывая быстрое развитие входящих в нее стран. Основные направления исследований включают изучение динамики роста городов, формирование и развитие агломераций, влияние миграционных процессов на урбанизацию, а также анализ социо-экономических и экологических последствий урбанизации.

Однако, до сих пор отсутствует исследовательская база, анализирующая взаимосвязь между урбанизацией и другими социально-экономическими процессами – экономический рост, развитие инфраструктуры и социальных услуг, качество жизни населения. Также, при проведении подобных исследований важно учитывать специфику каждой страны Центральной Азии и их различия в процессе урбанизации.

Результаты исследования и их обсуждение

Причиной образования городов на территории Центральной Азии в советское время была плановая экономика – для ее функционирования и образовывались города. Такая политика привела к созданию моногородов [2], ориентируемых на обрабатывающую промышленность, машиностроение, аграрно-сырьевой комплекс. На момент развала Советского союза страны Центральной Азии имели в основном аграрно-индустриальную экономику с преимущественно сельским населением. Эти последствия сказались на развитии социально-экономических процессов в регионе. Стоит отметить, что больше всего пострадали именно моногорода.

За период 1991–2011 гг., сложилась разная ситуация с городским населением в Центральной Азии. Городское население возросло на 10,2% в Узбекистане, на 5% в Казахстане, на 2% в Туркменистане. Одновременно в этот период наблюдалось снижение городского населения на 2% в Кыргызстане, на 9% в Таджикистане [3, с. 21].

В странах Центральной Азии в последние двадцать лет прошли сложные процессы, связанные с урбанизацией и развитием городов. Эти процессы были связаны с усилением политики государств региона, направленные на реформирование гипертрофированной экономики, ее приспособлению к рыночной экономике. Однако этот процесс проходил не одинаково, повлияв на демографическое и социально-экономическое

положение стран региона. Сказался существенный разрыв в качестве и в уровне жизни городского и сельского населения. Возникли большие проблемы, в малых и средних городах, что проявилось в процессах деурбанизации [4] и деиндустриализации [5].

В этой связи получила развитие «концентрационная модель урбанизации» [6]. Ее суть заключается в росте населении и экономических показателей в больших городах. При этом крупные города не справляются с ростом населения, что приводит к проблемам по управлению и финансированию городского хозяйства, а также значительному росту нагрузок на инфраструктуру городского хозяйства.

Урбанизация в Центральном Азиатском регионе характеризуется изменениями в социально-экономической и территориальной сфере. В Казахстане продолжился процесс индустриализации, начатый в советское время, который привел к увеличению производств по добыче полезных ископаемых и одновременному появлению сырьевых центров, на основе перевода средних городов в крупные. В результате городское население в малых городах сократилось 7%, а в средних городах на 20% [3, с. 32]. Аналогичное сокращение городского населения наблюдалось в Таджикистане с 37,1% в 1970 г., до 26,6% в 2010 г. [3, с. 35].

Эта тенденция объясняется политикой деиндустриализацией и миграцией в стране [7], что привело к существенному росту безработицы, снижению качества социально-культурной и транспортной инфраструктуры в сельской местности.

В Кыргызстане городское население снизилось с 38,2% в 1970 г. до 33,9% в 2010 г. [3, с. 33]. Это снижение произошло в связи с существенными структурными сдвигами в экономике страны, а именно сокращение промышленности и роста сельскохозяйственного производства. Ситуацию в Таджикистане и в Кыргызстане можно квалифицировать как «псевдоурбанизацией» [8], сводящейся к росту городского населения в столицах. В Узбекистане и Туркменистане наблюдается неравномерная урбанизация по регионам, что увеличивает долю сельского населения, составляющего половину населения этих стран [9].

Таблица

Демографические показатели стран Центральной Азии по состоянию на 1 января 2013, 2018 и 2023 гг.[8]

Страна	2013 г.			2018 г.			2023 г.		
	Население, (тыс.)		Доля городского населения в %	Население, (тыс.)		Доля городского населения в %	Население, (тыс.)		Доля городского населения в %
	Все	Городское		Все	Городское		Все	Городское	
Казахстан	16,909.6	9277.4	54.9	18,157.1	10,426.5	57.4	19765	12,208.2	61.8
Кыргызстан	5663.1	1900.2	33.5	26256.7			27037.6	2453.7	34.9
Узбекистан	29,994.1	15,315.3	51.1	32 650	16 530	50.6	36024	18330	50.9
Таджикистан	7984.8			8931,	2348.8	26.30	9000,1	2528	25.3

За период с 2012 по 2022 год, после двадцатилетней самостоятельной урбанизационной политики, страны Центральной Азии начали разрабатывать индивидуальные программы урбанизации и развития агломераций с учетом таких проблем, как деиндустриализация, миграция, вызванная безработицей, отток персонала и возникновение стихийных агломераций рядом с крупными городами.

Процесс урбанизации в Казахстане

По состоянию на 1 января 2023 г. в Казахстане 89 городов: Астана, Алматы и Шымкент – три города республиканского подчинения, 39 областного и 47 районного значения. Алматы, Астана и Шымкент как города-миллионники в настоящее время динамично развиваются. Они представляют собой центры научной, образовательной и культурной жизни страны. Наличие развитой инфраструктуры, большой человеческий капитал, сосредоточенный в этих городах, позволяют им выступать в качестве генераторов креативной индустрии и создавать базу для креативной экономики. В настоящее время Казахстан имеет пять агломераций, расположенных рядом с Астаной, Алматы, Шымкентом, Карагандой и Актобе.

[8] Астана остается лидером по приросту населения. 05.01.2023 // Интернет-журнал Власть: [сайт]. URL: https://vlast.kz/novosti/53331-astana-ostaetsa-liderom-po-prirostu-naselenia.html (дата обращения: 21.09.2023).

В Казахстане в 15 из 20 регионов наблюдается миграционный отток населения [10], одновременно идет рост населения в Алматинской и Мангистауской областях, Шымкенте, Алматы и Астане. В Казахстане городское население достигло 12,189 тыс. человек, что на 1,65% больше, чем в 2013 г., при этом сельское население увеличилось на 0,54% до 7,553 тыс. человек. Городского население составляет 61,7%, сельское население – 38,3% [11].

Процесс урбанизации в Кыргызстане

Согласно анализу демографической ситуации в Кыргызстане, проведенному ЮНФПА (Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения) в 2020 г., наблюдался значительный рост населения, что создала определенную нехватку жилой площади. Эта ситуация объясняется географическими факторами: большая часть страны представлена горными площадями, а также находится в сейсмической зоне, что не способствует комфортному проживанию населения и проведению активной экономической деятельности. Рост плотности населения, в этих районах способствует существенной нагрузке на окружающую среду. В Кыргызстане большая часть городского населения находится в двух центрах: первая – в Бишкеке и прилегающим к столице административным регионам: Чуйская область и территория по оси Ош – Джалал-Абад. Второй центр – на границе Ферганской долины. За пять лет с 2015 по 2020 год в этом регионе существенно возросло население, а с 1 января 2013 г. по 1 января 2023 г., увеличение составило на 1 374,5 тыс. человек, или на 19,5% [12].

Процесс урбанизации в Узбекистане

Согласно официальной статистике, в стране в настоящее время наблюдается существенное снижение городского населения. Урбанизация в Узбекистане проходила быстрее по сравнению другими странами Центральной Азии. С 2010 по 2019 годы наблюдался рост городского населения, однако, темпы роста сельского населения были выше. Следует учитывать точность данных по урбанизации, а также границ городов и их реальные размеры [13]. В настоящее время можно наблюдать расширение городов Самарканда и Бухары, а также небольших городов, что позволяет

сделать вывод о более сложном процессе, чем данные официальных источников [14].

В Узбекистане наблюдается скрытая урбанизация [15]. Она сводится к образованию больших урбанизированных территорий, агломераций. Такие территории выходят за рамки административных границ городов, включая несколько населенных пунктов в одну территорию. Таким образом, административные границы городов, которые учитываются статистикой не могут отражать реальных размеров городских территорий [16].

Урбанизация в Туркменистане

Туркменистан можно отнести к странам со средним уровнем урбанизации [17]. Это определяет необходимость создания новых городов. В 2018 г. городское население в стране составляло 52%. Темпы роста городского населения значительны, в 1990 г. оно составляло только 47%, а темпы роста за период с 2010 до 2015 годы составили 2,5% в год [18].

Именно национально-культурная модель страны определяет особенности формирования и развития мегаполисов как формы городской агломерации. Направленность процесса и динамика развития мегаполисов раскрывает особенности формирования отдельных институтов, которые имеют культурно-цивилизационный характер и усиливают субъектность городской агломерации. В рамках общего процесса глобализации содержание процесса городской агломерации также различается в зависимости от национального культурного и цивилизационного характера, а также от самого процесса глобализации [19].

Обсуждение

При разработке стратегий или программ развития страны правительство должно учитывать, необходимость включать в «городские агломерации» все города регионального значения. Таким образом это инструмент развития преимущественно «отстающих» регионов, а не общенационального социально-экономического развития. Следовательно, следует оценить, в какой степени этот аспект проблемы адекватно учтен в стратегии. Это связано с наличием города, но его появление в качестве полюса роста в регионе еще не означает формирования агломерационных эффектов. Для этого необходимо, чтобы социально-экономическая система агломерации влияла на окружающую территорию. Для этого необходимо

определить какие отрасли будут способствовать росту развития территорий. Однако фактически эти стратегии и программы неприменимы в стране, если они не учитывают географические и демографические особенности страны и менталитет жителей.

В средней и долгосрочной перспективе урбанизация в странах Центральной Азии будет способствовать экономическому росту, формированию новых мегаполисов, а также улучшение качества и уровня жизни городского населения.

Процесс увеличения населения, одновременно будет сопровождаться с возникновением стихийных агломераций [20]. В средней и долгосрочной перспективе скачок численности городского населения, вызовет большие проблемы для состояния городской инфраструктуры и экологической ситуации в городах [21].

Поскольку тенденции урбанизации существенно влияют на развитие экономики и международное сотрудничество, правительства стран Центральной Азии уделяют большое внимание оптимизации процессов урбанизации и развитию агломераций. В то же время на законодательном уровне управление агломерациями утверждено только в Казахстане [17].

Современная политика урбанизации – это не просто увеличение городского населения, а коренное изменение территориальной картины региона. В среднесрочной перспективе для стран Центральной Азии следует особо обратить внимание на совершенствование городской инфраструктуры, существенное изменение структуры жилищно-коммунального хозяйства, а также создание условий для предоставление доступного жилья и улучшения коммунальных услуг. Одновременно в городах необходимо создавать экономическую занятость.

В этих условиях, у руководства стран Центральной Азии могут возникнуть проблемы с нормированными поставками природного газа, электричества и тепла. Одновременно возникает необходимость разработки новых стандартов в градостроительной области, а также техническое обновление и модернизация городского хозяйства.

Урбанизация ставит вопросы совершенствования работы государственных органов власти по управлению городским хозяйством. В этом плане необходимо реформировать административно-правовые и

социально-экономические вопросы, для оптимизации миграции сельского населения в города.

Политика стран Центральной Азии в противостоянии вызовам урбанизации во многом будет зависеть от позитивных мероприятий, осуществляемых правительствами стран региона. Эта политика должна носить системный характер и направлена на улучшение управления систем городского хозяйства, инфраструктуры, а также развитие и укреплению человеческого и информационного потенциала в этой области. Необходимо наладить диалог по общим вопросам урбанизации в рамках всех стран Центральной Азии.

При выборе модели управления агломерациями странам данного региона следует учитывать, прежде всего, социальную и экономическую сторону проблемы, такую как жилищно-коммунальные и ипотечные вопросы. Это связано с тем, что стремительный рост населения вблизи республиканских городов приводит к дефициту коммунальных услуг: воды, электричества, тепла. В то же время тарифы на коммунальные услуги должны быть уравнены для всех единиц агломерации (наблюдается тенденция к повышению тарифов на электроэнергию и воду в пригородных поселках по сравнению с основным городом).

Таким образом, правительствам следует обратить внимание на растущую нагрузку на инфраструктуру, которая была создана в советское время и в настоящее время в значительной степени изношена.

В целом, урбанизация в Центральной Азии выдвигает на первый план следующие приоритеты социальной и экономической политики:

1. оптимизация урбанизационной политики и создание институциональных механизмов управления городами;
2. внедрение новых стандартов городского развития;
3. предиктивное развитие городской инфраструктуры.

Заключение

С момента обретения независимости процесс урбанизации в странах Центральной Азии был сложно устроен. Прежде всего это связано с советским городским наследием, характерной чертой которого был феномен моногородов. Урбанизационные политики центральноазиатских стран осуществлялись по-разному, но каждая из них существенно

повлияла на социально-экономический и демографический ландшафт страны. В целом, процессы рассматриваемого периода увеличили социально-экономический разрыв между сельским и городским населением и обострила проблему малых и средних городов.

В результате в Центральной Азии укоренилась «концентрационная модель» урбанизации, при которой население и экономическая активность сосредоточены в крупных городах, которые, в свою очередь, с трудом справляются с растущим притоком людей из регионов. Таким образом, массовый переезд из сел в города оказывает дополнительное давление на городскую инфраструктуру, мощности которой иногда не справляются со стремительно увеличивающимся населением, а иногда и вовсе не приспособлены для большого количества людей.

В среднесрочной и долгосрочной перспективах процесс урбанизации в Центральной Азии создаст в регионе новые возможности для промышленного и сельскохозяйственного развития, формирования мегаполисов регионального и межрегионального масштаба и повышения качества городской жизни.

Нынешние тенденции демографического роста, миграции, административно-территориальные и экономические преобразования в Центральной Азии приведут к дальнейшему росту городского населения, особенно в малых и средних городах. Вместе с тем, продолжающийся приток населения в большие города продолжит их разрастание и приведет к возникновению стихийных агломераций. Без всеобъемлющей политики урбанизации такой всплеск городского населения принесет больше проблем, чем выгод и возможностей. Основным недостатком такой «ложной урбанизации» является ее воздействие на городскую инфраструктуру и окружающую среду.

На сегодняшний день страны Центральной Азии не приняли всеобъемлющей стратегии, которая бы четко определяла урбанизационную политику. На данный момент вопросы урбанизации и городского развития частично охватываются различными программами.

Для эффективного, устойчивого и инклюзивного городского развития правительствам следует пересмотреть социально-экономические приоритеты. Теоретической базой для подобных решений могут быть комплексные исследования урбанизации в странах Центральной Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. McKinsey Global Institute: [сайт]. https://www.mckinsey.com/mgi/overview (дата обращения: 01.09.2023).
2. Оспан Г., Елбасиева Б. Проблемы моногородов в Центрально-Казахстанском экономическом районе // Вестник КазНУ. Серия географическая. 2017. Т. 44. № 1. С. 58–63. [эл. доступ]. URL: https://bulletin-geography.kaznu.kz/index.php/1-geo/article/view/347 (дата обращения: 14.10.2023).
3. Урбанизация в Центральной Азии: вызовы, проблемы и перспективы. Аналитический доклад 2013/03. Ташкент. 2013. 76 с. [эл. доступ]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/Urbanization%20in%20CA_RUS_0.pdf (дата обращения: 09.10.2023).
4. Стризое А.Л. Деурбанизация современного общества: природа, специфика, риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2017. Т. 16. № 1. С. 64–73.
5. Хайрулина Я.Р., Душин А.В., Ляпцев Г.А. Деиндустриализация российской экономики: проблемы и возможности // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. Вып. 4(44). С. 80–83.
6. Кошербаева А.Б. Анализ развития городов Казахстана в свете управляемой урбанизации // Экономика и статистика. 2018. № 4. С. 134–140.
7. Сченснович В.Н. Миграционные особенности стран Центральной Азии (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. 2023. № 1 (327). С. 59–71.
8. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между городом и деревней // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11. № 4. С. 61–82.
9. Urbanization in Central Asia: Challenges, Issues and Prospects. Analytical Report 2013/03. Tashkent 2013. 64 p. [эл. доступ]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-ENG.pdf (дата обращения: 21.09.2023).
10. Сыздыкбеков Е.С. Основные факторы и тренды внешней трудовой миграции в республике Казахстан // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1(39). С. 87–92.
11. Численность населения Казахстана приблизилась к 19,7 млн. человек. 01.11.2022 // Интернет-журнал Власть: [сайт]. URL: https://vlast.kz/novosti/52360-cislennost-naselenia-kazahstana-priblizilas-k-197-mln-celovek.html (дата обращения: 21.09.2023).
12. World Population Dashboard. Kyrgyzstan // The United Nations Population Fund: [сайт]. URL: https://www.unfpa.org/data/world-population/KG (дата обращения: 23.09.2023).
13. Максакова Л. Демографическая ситуация в Узбекистане с точки зрения социальной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 3. С. 24–37.
14. Veckalne, R., Tambovceva, T. Evaluating Urban Sustainability in Uzbekistan: A Novel Formula for Empirical Analysis // Sustainability. Sustainable Cities and Regions – Statistical Approaches. Special Issue Reprint. 2023. № 15(9). P. 41–53. [эл. доступ]. URL: https://www.mdpi.com/books/reprint/7700-sustainable-cities-and-regions-statistical-approaches (дата обращения: 23.09.2023).
15. Ellis, P., Roberts, M. Leveraging Urbanization in South Asia: Managing Spatial Transformation for Prosperity and Livability. South Asia Development Matters. Washington, DC: World Bank. [эл. доступ]. URL:

https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/f1ba8d07-e6d1-5b8e-8a16-899838f1c884 (дата обращения: 25.09.2023).
16. Максакова Л.П. Демографический и миграционный потенциал Узбекистана // Народонаселение. 2016. № 1–1(71–1). С. 83–89.
17. Уставщикова С.В. Демографические аспекты развития населения и урбанизации в Туркменистане // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о Земле. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 262–266.
18. Показатели урбанизации по странам мира в 2018 году // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/wup2018.php (дата обращения: 26.09.2023).
19. Марголин А.М. Развитие городских агломераций как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // Государственная служба. 2015. № 6 (98). [эл. доступ]. URL: https://pa-journal.igsu.ru/articles/r102/3590/ (дата обращения: 26.09.2023).
20. Аношкина Е.Л., Лещев И.Е. Внешние эффекты стихийного агломерационного процесса в условиях депопуляции населения // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 330–335.
21. Строев П.В., Раваев М.Н. Городские агломерации как элемент региональной политики (на примере Канады) // Экономика в промышленности. 2016. № 2(30). Р. 183–190. [эл. допуск]. URL: https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/527 (дата обращения: 18.10.2023).
22. Карпова Н.В. Устойчивое развитие городских поселений: теоретические постулаты и их практическая реализация // Экономика и экология территориальных образований. 2019. Т. 3. № 3. С. 64–70.
23. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/stat?lang=ru (дата обращения: 03.10.2023).
24. Мегаполисы остаются центрами притяжения для внутренних мигрантов. Регионы показывают стабильный миграционный отток. 14.03.2023 // Ranking.kz: [сайт]. URL: https://ranking.kz/digest/regions-digest/megapolisy-ostayutsya-tsentrami-prityazheniya-dlya-vnutrennih-migrantov-regiony-pokazyvayut-stabilnyy-migratsionnyy-ottok.html (дата обращения: 03.10.2023).
25. Mukhametzhan, S.O., Junusbekova, G.A., Daueshov, M.Ye. Urban Development Management in Pursuit of Regional Economic Growth: the Example of Kazakhstan // Ekonomika regiona [Economy of region]. 2020. Vol. 16. № 4. 1285–1301. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/the-management-of-urban-development-for-the-regional-economic-growth-the-example-of-kazakhstan/viewer (дата обращения: 03.10.2023).

REFERENCES

1. McKinsey Global Institute: [сайт]. https://www.mckinsey.com/mgi/overview (дата обращения: 01.09.2023).
2. Ospan G., Yelbasiyeva B. Problemy monogorodov v Tsentralno-Kazakhstanskom ekonomicheskom rayone [Problems of Single-Industry Towns in the Central Kazakhstan Economic Region]. *Vestnik KazNU. Seriya geograficheskaya*. 2017. T. 44. № 1. P. 58–63.

Available at https://bulletin-geography.kaznu.kz/index.php/1-geo/article/view/347 (accessed: 14.10.2023). (In Russian).

3. Urbanizatsiya v Tsentralnoi Azii: vyzovy, problemy i perspektivy. [Urbanization in Central Asia: Challenges, Problems and Prospects]. Analiticheskij doklad 2013/03. *Tashkent*. 2013. 76 p. Available at https://www.unescap.org/sites/default/d8files/Urbanization%20in%20CA_RUS_0.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russian).

4. Strizoe A.L. Deurbanizatsiya sovremennogo obshchestva: priroda, spetsifika, riski [Deurbanization of Modern Society: Nature, Specifics, Risks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Series 7*. *Philosophy*. 2017. T. 16. № 1. P. 64–73. (In Russian).

5. Hairulina Ya.R., Dushin A.V., Lyaptsev G.A. Deindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki: problemy i vozmozhnosti [Deindustrialization of the Russian Economy: Problems and Opportunities]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*. 2016. Iss. 4(44). P. 80–83. (In Russian).

6. Kosherbayeva A.B. Analiz razvitiya gorodov Kazahstana v svete upravlyaemoi urbanizatsii [Analysis of the Development of Cities in Kazakhstan in the Light of Managed Urbanization]. *Economics and statistics*. 2018. № 4. P. 134–140. (In Russian).

7. Schensnovich V.N. Migratsionnye osobennosti stran Tsentralnoi Azii (analiticheskii obzor) [Migration characteristics of Central Asian countries (analytical review)]. *Rossija i musul'manskij mir*. 2023. № 1 (327). P. 59–71. (In Russian).

8. Nefedova T.G., Treyvish A.I. Mezhdu gorodom i derevnei [Between the City and the Countryside]. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija*. 2002. T. 11. № 4. P. 61–82. (In Russian).

9. Urbanization in Central Asia: Challenges, Issues and Prospects. Analytical report 2013/03. Tashkent 2013. 64 p. Available at https://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-ENG.pdf (accessed: 21.09.2023).

10. Syzdykbekov E.S. Osnovnye faktory i trendy vneshnei migratsii v Respublike Kazahstan [The Main Factors and Trends of External Migration in the Republic of Kazakhstan] *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*. 2020. № 1(39). P. 87–92. (In Russian).

11. Chislennost naseleniya Kazahstana priblizilas k 19,7 mln. chelovek [The Population of Kazakhstan has Approached 19.7 Million People]. 01.11.2022. *Internet-zhurnal Vlast'*. Available at https://vlast.kz/novosti/52360-cislennost-naselenia-kazahstana-priblizilas-k-197-mln-celovek.html (accessed: 21.09.2023). (In Russian).

12. World Population Dashboard. Kyrgyzstan. *The United Nations Population Fund*. Available at https://www.unfpa.org/data/world-population/KG (accessed: 23.09.2023). (In Russian).

13. Maksakova L. Demograficheskaya situatsiya v Uzbekistane s tochki zreniya socialnoi bezopasnosti [Demographic Situation in Uzbekistan from the Point of View of Social Security]. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2012. T. 15. Iss. 3. P. 24–37. (In Russian).

14. Veckalne, R., Tambovceva, T. Evaluating Urban Sustainability in Uzbekistan: A Novel Formula for Empirical Analysis. *Sustainability*. *Sustainable Cities and Regions – Statistical Approaches*. Special Issue Reprint. 2023. № 15(9). P. 41–53. Available at https://www.mdpi.com/books/reprint/7700-sustainable-cities-and-regions-statistical-approaches (accessed: 23.09.2023).

15. Ellis, P., Roberts, M. Leveraging Urbanization in South Asia: Managing Spatial Transformation for Prosperity and Livability. *South Asia Development Matters*.

Washington, DC: World Bank. Available at https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/f1ba8d07-e6d1-5b8e-8a16-899838f1c884 (accessed: 25.09.2023).

16. Maksakova L.P. Demograficheskii i migratsionnyi potentsial Uzbekistana [Demographic and Migration Potential of Uzbekistan]. *Narodonaselenie*. 2016. № 1–1 (71–1). P. 83–89. (In Russian).

17. Ustavshchikova S.V. Demograficheskie aspekty razvitiya naseleniya i urbanizatsii v Turkmenistane [Demographic Aspects of Population Development and Urbanization in Turkmenistan]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Nauki o Zemle*. 2019. T. 19. Iss. 4. P. 262–266. (In Russian).

18. Pokazateli urbanizatsii po stranam mira v 2018 godu [Urbanization Indicators by Country in 2018]. *Demoskop Weekly*. Available at http://www.demoscope.ru/weekly/app/wup2018.php (accessed: 26.09.2023). (In Russian).

19. Margolin A.M. Razvitie gorodskih aglomeratsii kak faktor povysheniya globalnoi konkurentosposobnosti gosudarstv [Development of Urban Agglomerations as a Factor in Increasing the Global Competitiveness of States]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2015. № 6 (98). Available at https://pa-journal.igsu.ru/articles/r102/3590/ (accessed: 26.09.2023). (In Russian).

20. Anoshkina Ye.L., Leshchev I.Ye. Vneshnie effekty stihiinogo aglomeratsionnogo protsessa v usloviyah depopulyatsii naseleniya [External Effects of Spontaneous Agglomeration Process in Conditions of Population Depopulation]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2009. № 4. P. 330–335. (In Russian).

21. Stroyev P.V., Ravayev M.N. Gorodskie aglomeratsii kak element regionalnoi politiki (na primere Kanady) [Urban Agglomerations as an Element of Regional Policy (Using the Example of Canada)]. *Jekonomika v promyshlennosti*. 2016. № 2(30). P. 183–190. Available at https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/527 (accessed: 18.10.2023). (In Russian).

22. 22 Karpova N.V. Ustoichivoe razvitie gorodskih poselenii: teoreticheskie postulaty i ih prakticheskaya realizatsiya [Sustainable Development of Urban Settlements: Theoretical Postulates and Their Practical Implementation]. *Ekonomika i ekologiya territorialnyh obrazovanii*. 2019. T. 3. № 3. P. 64–70. (In Russian).

23. Byuro natsionalnoi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. Available at https://www.gov.kz/memleket/entities/stat?lang=ru (accessed: 03.10.2023). (In Russian).

24. Megapolisy ostayutsya tsentrami prityazheniya dlya vnutrennih migrantov. Regiony pokazyvayut stabilnyj migratsionnyi ottok [Megacities Remain Centers of Attraction for Internal Migrants. Regions Show Stable Migration Outflow]. 14.03.2023. *Ranking.kz*. Available at https://ranking.kz/digest/regions-digest/megapolisy-ostayutsya-tsentrami-prityazheniya-dlya-vnutrennih-migrantov-regiony-pokazyvayut-stabilnyy-migratsionnyy-ottok.html (accessed: 03.10.2023). (In Russian).

25. Mukhametzhan, S.O., Junusbekova, G.A., Daueshov, M.Ye. Urban Development Management in Pursuit of Regional Economic Growth: the Example of Kazakhstan. *Ekonomika regiona* [*Economy of region*]. 2020. Vol. 16. № 4. 1285–1301. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/the-management-of-urban-development-for-the-regional-economic-growth-the-example-of-kazakhstan/viewer (accessed: 03.10.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Бюлегенова Бибигуль Бисенбаевна – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии факультета журналистики и политологии. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
E-mail: bibigul_bb@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7810-9653
Шермухамедова Нигина Арслановна – доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и основ духовности. Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека.
E-mail: shermuhamedova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6887-2479
Туремуратов Олжас Жангельдыевич – магистр социальных наук, докторант кафедры политологии. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
E-mail: oturemuratov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7810-9653
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Byulegenova Bigigul B. – Candidate of Political Sciences, Professor of Department of Political Science. L.N. Gumilyov Eurasian National University.
E-mail: bibigul_bb@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7810-9653
Shermuhamedova Nigina A. – Doctor of Philosophical Sciences, Department of Philosophy and the Basics of Spirituality, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek.
E-mail: shermuhamedova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6887-2479
Turemuratov Olzhas Zh. – Master of Social Sciences, Department of Political Science. L.N. Gumilyov Eurasian National University.
E-mail: oturemuratov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7810-9653
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024. Одобрена после рецензирования 15.04.2024. Принята 06.05.2024.
Received 12.03.2024. Approved after reviewing 15.04.2024. Accepted 06.05.2024.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ. КОНФЕРЕНЦИИ
REVIEWS. CONFERENCES

рецензия
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.9

К югу от Южной Америки

Коновалова Ксения Александровна ✉
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ k.konovalova@spbu.ru

Аннотация. *Представлена рецензия на новую монографию «Антарктика: глобальная повестка и интересы латиноамериканских государств» (2023) по теме антарктического присутствия стран Латинской Америки, подготовленную коллективом российских ученых. В рецензии охарактеризовано содержание работы, дается оценка основных положений и выводов, используемых методов. Показано, что проблематика участия государств Латинской Америки в международном взаимодействии вокруг Антарктики является актуальной и при этом мало разработанной, а рецензируемое сочинение раскрывает ее одновременно системно и детально, с опорой на многофакторный и многоуровневый анализ. В исследовании сделан большой акцент на основах международного правового статуса Антарктики, дан обзор национальных антарктических программ и стратегий, а также уделено внимание технической базе для последних (состоянию антарктических флотов стран региона). Высоко оценивая фундаментальную работу авторского коллектива, рецензент в то же время выделяет ряд моментов, не получивших, с его точки зрения, достаточного освещения в монографии*.

***Ключевые слова*:** Латинская Америка; Антарктика; система договора «Об Антарктике»; внешняя политика; международное право; национальные интересы; Антарктическая политика

***Для цитирования*:** Коновалова К.А. К югу от Южной Америки // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 167–178. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.9

© Коновалова К.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

review
UDC: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.9

To the South from South America

Kseniya A. Konovalova ✉
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ k.konovalova@spbu.ru

Abstract. *This material provides a review of the new monograph «The Antarctic. Global agenda and the interests of Latin American nations» (2023) on the topic of the Antarctic presence of Latin American nations, prepared by a team of Russian academics. The review describes the content of the work, evaluates its main provisions and conclusions, and the methods used. It is shown that the issue of the participation of Latin American states in international effort concerning Antarctica is indeed relevant and, at the same time, little developed, and the reviewed book reveals it at once systematically and in detail, based on multifactorial and multilevel analysis. The study places great emphasis on the basics of the international legal status of Antarctica, provides an overview of national Antarctic programs and strategies, and also pays attention to the technical basis for the latter (the state of the Antarctic fleets of the Latin American countries). While highly appreciating the fundamental work of the authors' collective, the reviewer highlights a number of points that, in her opinion, have not received sufficient coverage in the monograph.*

***Keywords*:** Latin America; Antarctic; Antarctic Treaty System; Foreign Policy; International Law; National Interests; Antarctic Politics

For citation: Konovalova, K.A. To the South from South America. *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 2. P. 167–178. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.9

© Konovalova, K.A., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК: 5.6.2. Всеобщая история.

В XXI столетии Антарктика обращает на себя все более пристальное внимание политиков и ученых. Среди причин этого – богатая и практически неразведанная ресурсная база, возможности прокладывания новых транспортных маршрутов, влияние экосистемы Антарктиды на процессы глобального изменения климата. В международном взаимодействии по поводу южного полярного континента латиноамериканские страны исторически играли заметную роль. С одной стороны, начав исследовать высокие южные широты еще на рубеже XIX-XX вв., к середине прошлого столетия они сформулировали свои притязания на земли Антарктиды и омывающие ее воды. Это стало фоном для актуальных до сих пор территориальных споров, включая широко

известные противоречия между Аргентиной и Великобританией из-за группы островов – Фолклендских (Мальвинских), Сандвичевых, Южная Георгия. С другой стороны, южноамериканцы оказались у истоков закрепления особого статуса как области «мира, науки и международного сотрудничества» [1].

Аргентина и Чили были среди первоначальных подписантов Вашингтонского договора об Антарктике в 1959 г., а позднее в качестве консультативных сторон, то есть, тех участников, которые имеют право голоса при возможных изменениях международного режима Антарктики, к Договору присоединились Бразилия, Перу, Уругвай, Эквадор. В XXI в. Белый континент так или иначе попадает в фокус внимания большой группы латиноамериканских государств, в том числе и тех, что находятся от него на значительном удалении, но считают важным обращаться к антарктической повестке в связи со своей экологической или научной политикой, установками на поддержание мирного развития и авторитета международного права.

Хотя Латинская Америка (далее – ЛА) выступила важным субъектом выведения антарктической проблематики в глобальный политический дискурс, а интерес самих латиноамериканцев к южному полярному континенту постоянно растет, в современной науке заметен недостаток фундаментальных исследований присутствия стран региона в Антарктике. Если не брать в расчет работы по антарктической политике отдельных государств [2; 3; 4], то мы увидим, что тема затрагивается лишь мельком в тех сочинениях, которые посвящены общей роли ЛА в современной мировой политике [5], или выводится обзорно в трудах об ориентирах стран ЛА на Глобальном Юге [6]. Из общих, концептуальных работ, мы могли бы отметить сочинения А.С. Андреева (СПбГУ) [7], А. Хокинса (Бристольский университет) и К. Лоренцо (Ушуайский университет) [8], аргентинских исследователей А. Феррари, Ф. Аусы и Х. Дамски [9], но данные тексты уже не охватывают инициатив антарктического участия латиноамериканцев в третьем десятилетии XXI века, а их достаточно лаконичный формат – аналитической статьи или доклада – накладывает свои ограничения на глубину проработки темы. В свете этого монография, подготовленная на базе Института Латинской Америки РАН, «Антарктика: глобальная повестка и интересы латиноамериканских государств», может быть названа

актуальным, новым и самым комплексным отечественным исследованием уже в силу поставленных авторами цели и задач. Данный труд предусматривает анализ исторического и современного, вплоть до начала 2020-х годов, позиционирования важнейших стран региона в отношении Антарктики. Анализ выстроен как многофакторный и как многоуровневый: он затрагивает физико-географические, правовые, идейно-политические, экономические и технологические обстоятельства и возможности присутствия стран на Белом континенте, и обращается к национальным политикам, межгосударственным форматам взаимодействия, и, естественно, к месту ЛА в системе Договора об Антарктике (далее – СДА).

Монография начинается с введения (автор – ответственный редактор монографии Н.Ю. Кудеярова, Институт Латинской Америки Российской академии наук), которое несет, как видится, две содержательные функции. Во-первых, кратко очертив историю освоения Антарктики государствами мира, охарактеризовать эволюцию политико-правовых рамок, в соответствии с которыми латиноамериканские страны могли включать эту область в круг своих геополитических, хозяйственных, исследовательских интересов. Во введении раскрывается смысл секторального принципа и принципа «эффективного контроля» применительно к Антарктике и подчеркивается, что «подписание Договора об Антарктике в 1959 г. создало принципиально иной механизм взаимодействия государств» [10, с. 18], основанный на заморозке территориальных притязаний и недопущении милитаризации этой области. Во-вторых, во введении можно найти сжатый, но имеющий самостоятельную научную ценность обзор историографии латиноамериканского присутствия в Антарктике [10, с. 13–31]. В более ранней литературе укоренился тезис о том, что Антарктика – территория с низкой политической напряженностью [10, с. 24], с чем, как показано, современные исследователи не склонны соглашаться. И здесь возникает вопрос о том, насколько курсы самих латиноамериканских стран укладываются в идею Антарктики как своего рода «заповедника» мирного многостороннего сотрудничества.

Первые две главы рецензируемого труда посвящены юридическим рамкам позиционирования государств ЛА в Антарктике – Системе договора об Антарктике и Конвенции ООН по морскому праву (КООНМП). Автор глав П.А. Гудев (Институт США и Канады, Институт

мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН) сосредоточивается на том, какие риски угрожают дестабилизировать международный режим по Антарктике. Он убедительно показывает, что хотя СДА выдержала многие испытания, обладает адаптивностью, ее уязвимость, в первую очередь, вытекает не столько из поведения стран-участников, сколько из юридических аспектов. Это расплывчатость ряда положений (включая и саму формулу «заморозки» территориальных притязаний), коллизий норм. По поводу КООНМП П.А. Гудев отмечает, что, хотя СДА сегодня активно взаимодействует с ее духом и буквой, национальные государства нередко заинтересованы в том, чтобы разделять эти два набора норм и тем самым получить больше оснований для контроля, по крайней мере, пространства Южного океана. Параллельно давление на СДА создает все более широкий круг стран, в условиях глобализации вовлекающихся во взаимодействие в Антарктике, и все большее разнообразие видов деятельности по ее «освоению», включающее международный туризм, разведку биогенных ресурсов, климатические исследования [10, с. 31–118].

Главы с третьей по седьмую последовательно раскрывают особенности национальных антарктических политик Аргентины, Чили, Уругвая, Бразилии, андских стран (Перу, Эквадора, Колумбии). Они построены сходным образом: представляют ретроспективу присутствия в Антарктике, участие страны в СДА, приводят основные субъекты, институты, идеи национальных антарктических политик, а также раскрывают направления взаимодействия по антарктической проблематике с другими государствами. В результате указанные главы как бы рисуют своеобразный концептуально-событийный «портрет» антарктического позиционирования выбранных южноамериканских игроков. Это достигается, во-первых, за счет привлечения колоссального числа источников – от архивных документов до текстов государственных антарктических программ и материалов региональных «мозговых трестов». Во-вторых, системный взгляд уравновешивается детальным рассмотрением конкретных примеров, подчеркивающих для латиноамериканцев связь антарктической проблематики как с приоритетами регионального сотрудничества, так и ориентирами на глобальную роль и ответственность. К примеру, Л.В. Дьякова (ИЛА РАН,

глава о Чили) показывает, что чилийское руководство рассматривает диалог с Бразилией по антарктическим исследованиям как элемент «меж океанической интеграции, создания коридоров между Атлантическим и Тихим океанами, в контексте общей международной проекции двух стран» [10, с. 170]. А В.А. Голиней (ИЛА РАН, глава об Уругвае) отмечает, что Уругвай стремится к своему «национальному брендингу» как стране – мировому научному хабу на южном полярном континенте [10, с. 200–202]. В-третьих, отталкиваясь от исторических методов, авторский коллектив не ограничивается ими. Доказательную базу работы поддерживают контент-анализ (проведен В.А. Голинеем в главах о Бразилии [10, с.230-232] и Уругвае [10, с. 198]), дискурс-анализ (привлекается в главах о Чили, Аргентине (автор И.А. Гриценко, ИЛА РАН).

Они позволяют отследить уровень внимания правительств к антарктической повестке и особенности ее введения в публичное поле. Наконец, ни одна страновая глава не обходится без обзора геополитических философий и концепций, которые подкрепляли латиноамериканские амбиции в Антарктике в прошлом столетии, а в некоторых случаях актуальны и по сей день (например, если говорить об идентичности Аргентины как «двухконтинентальной» страны, на которую делают ставку практически все ее ведущие политические силы). Концептуальная составляющая глав кажется ценной сама по себе, поскольку национальные латиноамериканские геополитические школы можно считать вкладом в теорию международных отношений.

Интересным дополнением к «латиноамериканскому» материалу служит восьмая глава про ЮАР (за авторством Г.К. Сугакова, Институт Африки РАН). В ней потенциал единственного африканского участника Договора об Антарктике дан в сравнении с латиноамериканским. Показано, что, хотя он скромнее, субантарктические владения ЮАР – острова Принс-Эдуард – могут иметь стратегическое значение для кооперации по Антарктике в формате Юг-Юг (через форумы «Бразилия – Индия – Южноафриканская Республика (India – Brazil – South Africa, IBSA) и БРИКС [10, с. 276–277]).

Заключительная глава исследования посвящена характеристикам национальных антарктических флотов. Она содержит богатый фактологический материал, касающийся классов и типов судов, их

возраста, потребностей в топливе, климатических особенностей эксплуатации, который, тем не менее, воспринимается читателем-«гуманитарием» без затруднений. Этому способствует обобщение материала в таблице и четкая классификация государств, в зависимости от того, насколько их корабли способны обеспечивать присутствие в Антарктике. По мнению А.В. Якименко (Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова), «Бразилия, Чили, Перу и Колумбия имеют достаточные мощности для снабжения своих полярных станций и обеспечения экспедиций». А Аргентина, Эквадор и Уругвай в ближайшем будущем могут столкнуться с трудностями обеспечения своих антарктических программ, так как используют устаревший флот и не создали условий для его быстрого обновления [10, с. 292].

По итогам проведенного исследования авторский коллектив формулирует ряд выводов, которые логично сообразуются со всей структурой работы, ее магистральными вопросами о том, из чего складываются антарктические интересы латиноамериканских игроков, как они обеспечиваются и как соотносятся со сформировавшимся равновесием международного взаимодействия в Антарктике. Наиболее существенными и новыми для латиноамериканистики можно назвать три ключевых положения.

Во-первых, в монографии просматривается своеобразная авторская градация антарктического позиционирования стран. Наиболее проактивным и солидным позиционированием обладают Аргентина и Чили, которые способны осуществлять «эффективное управление» материковыми и водными частями Антарктики, на которые они притязают – за счет развития своих близких субантарктических портов (Ушуайя, Пунта-Аренас), регулярной экспедиционной и научной деятельности, через формализацию дискурса об антарктических владениях (нанесение на национальные карты соответствующих территорий). Бразилия, в отличие от этих стран, не столько сосредоточена на развитии именно антарктической проекции, сколько увязывает свои геополитические, ресурсные, исследовательские интересы в Антарктике и Южной Атлантике. В то же время в своей истории Бразилия не раз стремилась выступать «от имени» всего южноамериканского соседства и в притязаниях на территории и богатства

Антарктики, и как гарант международных правовых регуляторов ее особого статуса.

Уругвай, несмотря на нахождение «в тени» больших соседей, уделяет Антарктике очень значительное и комплексное внимание, о чем можно судить по экспедиционной активности, наличию программных документов и сценариев развития государственной антарктической программы, даже по выделению в этой стране еще в 1970-е гг. отдельной отрасли исследований – антарктикологии. Вместе с тем, современный Уругвай больше увлечен символической, а не геополитической важностью своего участия в антарктических делах, ассоциируя его и с дальнейшим продвижением образа Антарктики как «земли многостороннего научного сотрудничества», и с собственной высокой глобальной ролью. В то же время, для Перу, Эквадора и Колумбии, чьи подходы рассмотрел в главе семь А.А. Шинкаренко (ИЛА РАН), присуще внимание к антарктической теме скорее через отдельные сюжеты, связанные, например, с облегчением логистики в водах Южной Атлантики и Южного океана, изучением климатических изменений, приносимых экосистемой Антарктики в Южную Америку. Причиной такого «нишевого» интереса выступает отсутствие у Эквадора, Колумбии устойчивого материального подспорья для материкового присутствия, у Перу – полноценной антарктической программы [10, с. 243–265].

Во-вторых, авторы показывают, что интерес каждого из игроков, несмотря на все особенности и ограничения антарктического присутствия, носит долгосрочный и стратегический характер. Более того, можно увидеть, что Антарктика секьюритизируется латиноамериканцами. Исторической предпосылкой этого послужили тесные связи военных кругов с разработкой геополитических доктрин и подготовкой экспедиционной деятельности на мировом крайнем Юге. Сегодня же Антарктика воспринимается через призму национальной безопасности абсолютно во всей выборке стран. При этом учитываются как традиционные аспекты (в качестве примера можно привести обеспокоенность Аргентины и Чили проекцией НАТО на спорных островах Южной Атлантики [10, с. 132]), так и продовольственное, энергетическое, экологическое измерения безопасности.

В-третьих, авторы показывают, что антарктические стратегии государств зиждутся на балансе между двумя важными для них ориентирами – поиском суверенитета над зоной интереса на Белом континенте и верховенством международного права, приоритетом мирных договоренностей и сотрудничества. С одной стороны, оба подхода правительства развивают параллельно. С другой стороны, в условиях «заморозки» территориальных притязаний они не хотят их уступать и не упускают шанса подтвердить их правомочность, серьезно рассматривают потенциальные вызовы обострения, по меньшей мере, ресурсной конкуренции держав в Антарктике и Южной Атлантике. Может ли, в таком случае, баланс интересов нарушиться? Монография отвечает на этот вопрос утвердительно, обращая внимание как на противоречия, существующие в самой СДА, так и внешние обстоятельства, включая растущую сложность и конфликтогенность нынешней системы международных отношений. Похоже, что латиноамериканцы первыми не готовы стать на путь разрыва с существующим международным режимом Антарктики, но при появлении системных стимулов для изменений будут на них реагировать.

В целом, рецензируемая монография вносит вклад в современные латиноамериканские исследования. Она поднимает мало или вовсе неизученные в российском академическом сообществе проблемы, вводит в оборот много не популяризованных ранее источников, получает новые выводы. Особо отметим тот факт, что исследование придерживается междисциплинарного принципа, органично сочетая знания и методологические приемы не только истории, политологии, экономической науки, но и географии, экологии. Работа удачно структурирована и увлекательно написана, снабжена таблицами, картами и иллюстрациями, что делает ее привлекательной не только для профессионалов, но и начинающих исследователей ЛА.

Не умаляя фундаментального характера труда, проделанного исследовательским коллективом, мы могли бы обратить внимание на ряд аспектов, оставшихся за пределами его поля зрения. Во-первых, это антарктические интересы не южноамериканских стран. Понятно, что проекция Кубы или Мексики на южном полярном континенте имеет априори ограниченную базу, но та же Куба является участницей СДА, а

для Мексики антарктическая тематика стала одной из новаций политического дискурса при А.М. Лопесе Обрадоре (2018–2024). В 2018 г. в Мексике было создано специальное Агентство антарктических исследований [11]. Представляется, что обращение в рамках монографии к этим примерам обогатило бы труд, в заглавии которого фигурирует *Латинская Америка* (а не только макрорегион *Южная Америка*).

Во-вторых, авторы указывают, что при отстаивании антарктических интересов латиноамериканские игроки уделяют внутрирегиональному сотрудничеству значительное внимание. Тогда хотелось бы подробнее узнать, как авторский коллектив смотрит в этом отношении на потенциал объединения Южноамериканского общего рынка (Mercosur), Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Celac), возможно, Тихоокеанского альянса. Тем более, что в предшествующих работах интеграционное измерение латиноамериканской «борьбы за Антарктику» упоминалось отдельно, оценивалось как перспективное [7; 12]. Так или иначе, данные замечания лишь подчеркивают значимость проведенной авторами работы и доказывают, что затронутая в монографии тема заслуживает обстоятельного дальнейшего обсуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верхогляд М. Проблемы и перспективы международного сотрудничества в Антарктике. 03.05.2023 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/maria-verkhoglyad/problemy-i-perspektivy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-antarktike/ (дата обращения: 26.03.2024).

2. De la Maza, C., Botta, P. Antártica: Una aproximación desde Argentina y Chile. Konrad Adenauer Stiftung. CEIUC, Santiago de Chile, 2023, 80 p.

3. Исаиас Вера Йулан Э., Никуленков В.В. Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки (на примере Эквадора) // The Newman in Foreign Policy. 2022. Т. 4. № 67(111). С. 29–37.

4. Галицына А.Э. Участие латиноамериканских стран в формировании территориальных претензий и правовой основы деятельности в Антарктике // Клио. 2020. № 8 (164). С. 71–75

5. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке. Отв. ред. В.Л. Хейфец. М., Политическая энциклопедия, 2019. 494 с.

6. Lamus, F.V. Hacia la construcción de una geopolítica crítica de la Antártida. Algunas consideraciones desde la perspectiva de Latinoamérica // Geopolítica latinoamericana: mirando al mundo desde el Sur / Gisela da Silva Guevara. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2020. P. 31–65.

7. Андреев А.С. Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 82–94.
8. Howkins, A., Lorenzo, C. Latin America and Antarctica: New Approaches to Humanities and Social Science Scholarship // The Polar Journal. 2016. Vol. 9. Iss. 2. P. 279–285.
9. Ferrari, Ariel H., Auza, Francisco J., Damsky, Jose M. La evolución del escenario Antártida en la región y el mundo. Intereses, liderazgo y estrategias. Centro Educativo de las Fuerzas Armadas, 2019, 32 pp. [эл. доступ]. URL: http://www.cefadigital.edu.ar/bitstream/1847939/1624/1/La%20evolucion%20del%20escenario%20Antartida%20en%20la%20region%20y%20el%20mundo%2001_03_2021.pdf (дата обращения: 25.03.2024).
10. Антарктика: глобальная повестка и интересы латиноамериканских государств / Отв. ред. Кудеярова Н.Ю. М.: ИЛА РАН, 2023. 328 с.
11. Badillo, L.O. Los científicos mexicanos que quieren ‘conquistar’ la Antártica. 02.02.2023 // TecScience: [сайт]. URL: https://tecscience.tec.mx/es/tecnologia/cientificos-mexicanos-estudian-a-la-antartica/ (дата обращения: 25.03.2024).
12. Quindimil-López, J.-A. La proyección de América Latina sobre la Antártida: nuevas perspectivas para una cooperación antártica avanzada en UNASUR. / Espacios polares y cambio climático: desafíos jurídico-internacionales. Coord. por Marta Sobrido-Prieto. Valencia: Instituto Universitario de Estudios Europeos Salvador de Madariaga de la Universidad de A Coruña, 2017. P. 233–252.

REFERENCES

1. Verkhoglyad M. Problemy i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Antarktike [Topical Issues and Perspectives of the International Collaboration in the Antarctic]. 03.05.2023. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* (*RSMD*). Available at https://russiancouncil.ru/blogs/maria-verkhoglyad/problemy-i-perspektivy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-antarktike/ (accessed: 26.03.2024). (In Russian).
2. De la Maza C., Botta, P. Antártica: Una aproximación desde Argentina y Chile [The Antarctic: a view from Argentina and Chile]. Konrad Adenauer Stiftung. CEIUC, Santiago de Chile, 2023, 80 p. (In Spanish).
3. Isaias Vera Yulan, E., Nikulenkov V.V. Antarktida vo vneshney politike stran Latinskoy Ameriki (na primere Ekvadora) [The Antarctic in the Latin American Foreign Policies: Case of Equador]. *The Newman in Foreign Policy*. 2022. T. 4. № 67(111). P. 29–37. (In Russian)
4. Galitsyna A.E. Uchastiye latinoamerikanskikh stran v formirovanii territorialnykh pretenziy i pravovoy osnovy deyatelnosti v Antarktike [The Participation of Latin American Countries in the Formation of Territorial Claims and the Legal Basis for Activities in the Antarctic]. *Klio*. 2020. № 8(164). P. 71–75. (In Russian).
5. Ot bipolyarnogo k mnogopolyarnomu miru: latinoamerikanskiy vektor mezhdunarodnykh otnosheniy v XXI veke [From the Bipolar to Multipolar World: the Latin American Vector of International Relations in the 21st Century]. Otv. red. V.L.Kheyfets. M., Politicheskaya entsiklopediya, 2019. 494 p. (In Russian).
6. Lamus, F.V. Hacia la construcción de una geopolítica crítica de la Antártida. Algunas consideraciones desde la perspectiva de Latinoamérica [Towards the Construction of a Critical Geopolitics of Antarctica. Some Considerations from the Perspective of Latin

America]. // *Geopolítica latinoamericana: mirando al mundo desde el Sur*. Gisela da Silva Guevara. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2020. P. 31–65. (In Spanish).
7. Andreyev A.S. Antarktida vo vneshney politike stran Latinskoy Ameriki [Antarctica in the Foreign Policy of Latin American Countries]. *Latinskaya Amerika*, 2020. № 6. P. 82–94. (In Russian).
8. Howkins, A., Lorenzo, C. Latin America and Antarctica: New Approaches to Humanities and Social Science Scholarship. *The Polar Journal.* 2016. Vol. 9. Iss. 2. P. 279–285.
9. Ferrari, Ariel H., Auza, Francisco J., Damsky, Jose M. La evolución del escenario Antártida en la región y el mundo. Intereses, liderazgo y estrategias. Centro Educativo de las Fuerzas Armadas, 2019, 32 pp. [el. access]. URL: http://www.cefadigital.edu.ar/bitstream/1847939/1624/1/La%20evolucion%20del%20escenario%20Antartida%20en%20la%20region%20y%20el%20mundo%2001_03_2021.pdf (accessed 25.03.2024) (In Spanish).
10. Antarktika: globalnaya povestka i interesy latinoamerikanskikh gosudarstv [The Antarctic: Global Agenda and the Interests of Latin American Nations]. Otv. red. Kudeyarova N.Yu. M.: ILA RAN, 2023. 328 p. (In Russian).
11. Badillo, L.O. Los científicos mexicanos que quieren ‘conquistar’ la Antártica [The Mexican Scientists Who Want to 'Conquer' Antarctica]. 02.02.2023. *TecScience*. Available at https://tecscience.tec.mx/es/tecnologia/cientificos-mexicanos-estudian-a-la-antartica/ (accessed: 25.03.2024). (In Spanish).
12. Quindimil-López, J.-A. La proyección de América Latina sobre la Antártida: nuevas perspectivas para una cooperación antártica avanzada en UNASUR [The Projection of Latin America on Antarctica: New Perspectives for Advanced Antarctic Cooperation in UNASUR]. *Espacios polares y cambio climático: desafíos jurídico-internacionales.* Coord. por Marta Sobrido-Prieto. Valencia: Instituto Universitario de Estudios Europeos Salvador de Madariaga de la Universidad de A Coruña, 2017, pp. 233-252. (In Spanish).

Сведения об авторах / Information about authors

Коновалова Ксения Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, ассистент кафедры мировой политики. Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: k.konovalova@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-9848-0035
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Konovalova Kseniya A. – PhD in history, research fellow, assistant (department of world politics). Saint Petersburg State University.
E-mail: k.konovalova@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-9848-0035
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024. Одобрена после рецензирования 30.03.2024. Принята 01.04.2024.
Received 26.03.2024. Approved after reviewing 30.03.2024. Accepted 01.04.2024.

материалы конференции
УДК: 902+39+575+55+338.482.224
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.10

Арктика – природные условия и культурные адаптации в конце плейстоцена – голоцене (всероссийская научно-практическая конференция)

Шкатова Елена Александровна
Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия
ea1974@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-3746-280X

Понкратова Ирина Юрьевна ✉
Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия
✉ ponkratova1@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-3410-3430

Лебедева Любовь Сергеевна
Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия
lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-2441-7284

Аннотация. *В марте 2024 г. в г. Магадане состоялась всероссийская научно-практическая конференция «Арктика – природные условия и культурные адаптации в конце плейстоцена – голоцене». География участников представлена городами России: Магадан, Санкт-Петербург, Салехард, Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Якутск, Благовещенск, Новосибирск и др. Обсуждались научные открытия в области археологии, этнографии, геологии, генетики, а также особенности влияния природной среды и ее изменений на исторические процессы в Арктике, взаимоотношение русского и аборигенного населения, развитие туризма в северном регионе и пр. Конференцию организовал научный отдел ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» при участии Правительства Магаданской области, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ГАУК «Образовательное творческое объединение культуры» (г. Магадан), Магаданского областного отделения «Русское географическое общество». Научная часть конференции была сфокусирована вокруг 3 тематических секций: «Историко-культурное наследие Арктики, Сибири и Дальнего Востока», «Научные исследования Арктики, коренные народы Арктики и проблема их устойчивого развития, туризм в Арктике», «Наука в исследованиях молодых». Конференция продемонстрировала общность подходов, нацеленных на укрепление сотрудничества российских ученых в сфере изучения историко-культурного наследия, сохранения природной среды и традиций коренных народов Арктики. Результаты исследований, представленные на конференции, имеют большое научное и практическое значение для разработки стратегий освоения ресурсов региона.*

***Ключевые слова*:** Арктика; Сибирь и Дальний Восток; историко-культурное наследие; археология; этнография; генетика; геология; коренные народы; арктический туризм

***Для цитирования*:** Шкатова Е.А., Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С. Арктика – природные условия и культурные адаптации в конце плейстоцена – голоцене (всероссийская научно-практическая конференция) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 179–191. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.10

© Шкатова Е.А., Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

conference materials
UDC: 902+39+575+55+338.482.224
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.10

The Arctic – Natural Conditions and Cultural Adaptations at the End of the Pleistocene – Holocene (All-Russian Scientific and Practical Conference)

Elena A. Shkatova
Northeastern State University, Magadan, Russia
ea1974@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-3746-280X

Irina Yu. Ponkratova ✉
Northeastern State University, Magadan, Russia
✉ ponkratova1@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-3410-3430

Lubov S. Lebedeva
Northeastern State University, Magadan, Russia
lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-2441-7284

Abstract. *On March, 2024, the All-Russian Scientific and Practical conference «The Arctic – natural conditions and cultural adaptations at the end of the Pleistocene – Holocene» was held in Magadan. The geography of the participants is represented by the cities of Russia: Magadan, St. Petersburg, Salekhard, Vladivostok, Petropavlovsk-Kamchatsky, Yakutsk, Blagoveshchensk, Novosibirsk, etc. Scientific discoveries in the field of archaeology, ethnography, geology, genetics, as well as the peculiarities of the influence of the natural environment and its changes on historical processes in the Arctic, the relationship between the Russian and aboriginal population, the development of tourism in the northern region, etc. were discussed. The conference was organized by the scientific department of the Northeastern State University with the participation of the Government of the Magadan Region, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, the Educational Creative Association of Culture (Magadan), the Magadan Regional branch of the Russian Geographical Society. The scientific part of the conference was organized around 3 thematic sections: "Historical and cultural heritage of the Arctic, Siberia and the Far East", "Scientific research of the Arctic, indigenous peoples of the Arctic and the problem of their sustainable development, tourism in the Arctic", "Science in the research of the young people". The conference demonstrated the commonality of approaches aimed at strengthening cooperation between Russian scientists in the field of studying historical and cultural heritage, preserving the natural environment and traditions of the indigenous peoples of the Arctic. The results of*

the research presented at the conference are of great scientific and practical importance for the development of strategies for the development of the region's resources.

***Keywords*:** Arctic, Siberia and Far East; historical and cultural heritage; archaeology; ethnography; genetics; geology; indigenous peoples; arctic tourism.

***For citation*:** Shkatova, E.A., Ponkratova, I.Y., Lebedeva, L.S. The Arctic – Natural Conditions and Cultural Adaptations at the End of the Pleistocene – Holocene (All-Russian Scientific and Practical Conference). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 179–191. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.10

© Shkatova, E.A., Ponkratova, I.Y., Lebedeva, L.S., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

В г. Магадане, 27–29 марта состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Арктика – природные условия и культурные адаптации в конце плейстоцена – голоцене» (далее – Конференция). Конференция была организована научным отделом ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» (далее – СВГУ) при участии Правительства Магаданской области, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ГАУК «Образовательное творческое объединение культуры» (г. Магадан), Магаданского областного отделения «Русское географическое общество».

Арктика, включающая северные территории России, относится к региону с уникальной древнейшей историей и представляет большой интерес для мировой исторической науки. Открытия последних лет актуализировали обсуждение достижений и научных разработок. В связи с этим целями Конференции являлись:

– изучение влияния русского мира на культуры аборигенного населения Арктики;

– исследование природной среды Арктики и влияние ее изменений на исторические процессы;

– создание источниковой базы на основе публикаций в рамках разных направлений археологических и междисциплинарных исследований.

В числе задач конференции – обсуждение широкого круга вопросов, связанных с проблемами арктического региона от древности до современности, развитие всероссийского научного сотрудничества, обмен опытом исследовательской и практической деятельности.

В работе приняли участие более 100 человек, включая специалистов из разных регионов России – Магадана, Москвы, Санкт-Петербурга, Благовещенска, Хабаровска, Владивостока, Якутска, Салехарда, Анадыря, Новосибирска и др. В числе участников – преподаватели высших учебных заведений, ученые академических институтов, представители органов власти, работники образования, экономической и социально-культурной сферы, студенты, аспиранты.

На открытии мероприятия от имени и.о. ректора участников конференции приветствовала врио ректора, проректор по академической политике СВГУ – Г.А. Пустовойт. За весомый вклад в дело изучения и популяризации исторического наследия благодарственные письма были вручены участникам проекта «Гижигинская археологическая экспедиция», а также тем, кто оказывает постоянную помощь в организации археологических и туристических экспедиций, научных мероприятий.

На пленарных заседаниях было представлено десять докладов.

Опираясь на деятельностный подход к культуре, Т.А. Брачун и В.Х. Сахибгоряев (СВГУ, г. Магадан) в докладе «Господство экологического императива в мире ценностей или «первая природа» арктических этносов» предприняли попытку рассмотреть культуру коренных малочисленных народов Севера сквозь призму концепции «экологического императива». Авторами было установлено, что культура деятельности коренных малочисленных народов Севера представляет собой «ручную технологию, основанную на природосберегающих принципах». Исследование данного подхода, по мнению исследователей, позволит выявить принципы и масштабы эксплуатации ландшафтов, с целью их применения в современных технологиях природосбережения.

Моделирование картины мира и способы самоидентификации народов Северной Евразии в археологических культурах каменного века через механизмы эстетических концептов были рассмотрены в докладе Л.В. Лбовой (СПбПУ Петра Великого, г. Санкт-Петербург) (рис. 1).

Рис. 1. Пленарное заседание: доклад Л.В. Лбовой (фото В. Алексеева).

По ее мнению, эстетический способ моделирования картины мира использует художественные, мифологические, фольклорные произведения и иные различные формы художественного творчества для создания образа мира. Картина мира, или представление человека о мире и его устройстве в архаических сообществах, которые жили в условиях сурового климата, могла быть сконструирована на основе простых и устойчивых архетипов. Предположено, что как в эпоху позднего плейстоцена, так и у большинства северных народностей в новейшее время в рамках общего устойчивого экофильного поведения, мир был разделен на три части: мир природы, населенный духами, мир людей и мир животных. Коллекции мобильного искусства каменного века северной Евразии, представленные сериями предметов из бивня, рога, кости, поделочного камня, демонстрирует высокий уровень развития художественного творчества и интеллекта древних мастеров, выбор разнообразных сюжетов объемных изображений, и орнаментальных композиций на украшениях и предметах.

Сохранению культурного наследия коренных малочисленных народов Северо-Востока и Арктики в условиях глобализации был посвящен доклад А.К. Кай-Рябовой (Образовательное творческое объединение культуры, г. Магадан). Автор считает, что глобализация затрагивает все аспекты жизни человека на Земле и влияет на традиции, материальное и духовное наследие народов Северо-Востока и Арктики. Восстановление обычаев, сбор информации у хранителей культурного наследия пока они живы должно стать главной задачей для сохранения традиционной культуры и духовного наследия народов Северо-Востока и Арктики.

В докладе А.В. Нестеровича (ВОО «Русское географическое общество», г. Магадан) «Устойчивая Арктика – экспедиции и туризм» были озвучены проблемы изучения и освоения Арктического побережья России, имеющего ряд характерных черт, оказывающих значительное влияние на туристскую индустрию. В их числе удаленность и труднодоступность многих локаций; зависимость от сезонных факторов; сложные климатические условия; административные ограничения на посещение некоторых районов (пограничные зоны, закрытые территории и т. д.). Тем не менее, географическое положение Арктики и ее природно-климатические особенности – основа туристской привлекательности, а возросший туристский трафик усилил нагрузку на «хрупкие системы» Арктики. Отмечено, что для снижения негативного влияния туризма на природу, ВОО «Русское географическое общество» проводит просветительскую работу, направленную на повышение экологической сознательности, как самих туристов, так и организаторов туристической деятельности; ведет постоянный мониторинг экологической обстановки; популяризирует различные формы природоориентированного туризма; обеспечивает туристов инфраструктурой, направленной на сохранение природной среды.

Е.С. Леванова (Институт археологии РАН, г. Москва) поделилась результатами исследований наскального искусства за Полярным кругом на примере изучения Пегтымельских петроглифов (Северо-Западная Чукотка). В 2021-2022 гг. сотрудники Центра палеоискусства Института археологии РАН продолжили начатое ранее документирование петроглифов Дэвлет Е.А., Миклошевич Е.А. и др. и создали их

виртуальную копию. В результате получена цифровая высокоточная копия всего памятника, который является единственным доступным для широкой публики источником достоверной информации о культурном ландшафте Пегтымельских петроглифов.

Е.В. Нарбут и А.Е. Крашенинников (СВГУ, г. Магадан)) в докладе «Северная культура как фактор устойчивого развития коренных народов Крайнего Севера» представили проблему и пути ее решения, связанные с сохранением достижений национальной культуры.

И.Ю. Понкратова (СВГУ, г. Магадан) подвела итоги изучения истории некогда «забытого города Гижигинска», археологическое исследование которого было начато Гижигинской археологической экспедицией в 2019 году и проводится по настоящее время.

Д.П. Волков (ИАЭТ СО РАН, г. Благовещенск) продемонстрировал графические и художественные мотивы на керамике могильника Партизанское-3, исследования которого проводились в Смидовичском районе Еврейской автономной области в 2023 г. По мнению исследователя, зафиксированные на керамике графические и художественные мотивы позволяют увидеть местность в районе расположения могильника, времена года и погодные условия, жилые конструкции, бытовые сцены жизни и деятельности средневекового населения

Е.Н. Соловьёва (Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), г. Якутск) рассказала об археологических исследованиях на территории исторической застройки города Якутска. Результаты археологических исследований 2017-2023 гг. позволили реконструировать особенности материальной культуры, повседневного быта и духовной жизни городского населения XVII – начала XX вв. Изучение обнаруженных случайно погребений выявили особенности погребальных обрядов первых жителей Якутска.

С.Н. Погодин (СПбПУ Петра Великого, г. Санкт-Петербург), проанализировав материалы российской печати о китайско-российском сотрудничестве в Арктике, пришел к выводу, о том, что, по мнению российских авторов, китайско-российское сотрудничество является взаимовыгодным, хотя и противоречивым, и находится в стадии развития, обеим странам предстоит долгий путь в разработке вопросов устойчивого развития Арктики.

Научная часть конференции была организована вокруг следующих тематических секций:

1. *«Историко-культурное наследие Арктики, Сибири и Дальнего Востока»*. На секции обсуждались археологические открытия, сделанные в последние годы в Якутии, на Ямале, на территории Западного Приамурья, на Охотском побережье и Охотско-Колымском водоразделе, в Восточно-Сибирской Арктике (рис. 2).

Были представлены материалы исследований по изучению времени и путей распространения стеклянных бус и бисера на территории Заполярной Якутии (В.М. Дьяконов, Е.С. Соловьёва, ИГИ и ПМНС СО РАН, ИАЭТ СО РАН, г. Якутск); хозяйства и культуры оседлых рыболовов, арктических охотников на северного оленя и полукочевых охотников-рыболовов (О.С. Тупахина, Д.С. Тупахин, Научный центр изучения Арктики, г. Салехард); неолитического поселения «Озеро Табор» (С.В. Коваленко, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, г. Благовещенск). Материалы, полученные в результате исследований стоянок токаревской и древнекорякской культур морских охотников и рыболовов в Северном Приохотье, демонстрировались в докладе И.В. Макарова и Д.С. Ковалева (ООО «Геокорд», г. Москва). А.Ю. Зеленская (СВКНИИ ДВО РАН, г. Магадан) рассказала о находках на многослойной стоянке Хета, раскопки которой проводились в 2022 г. на Колыме. В докладе В.В. Питулько и Е.Ю. Павловой (Институт истории материальной культуры РАН, ГНЦ РФ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт», Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург) затронута проблема «сложных критических технологий» в культуре населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем плейстоцене.

Большой интерес вызвали результаты использования естественнонаучных методов в археологии. В частности, М.О. Филатова (ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск) рассказала о результатах использовании дендрохронологического метода при изучении построек Березовского городища в Ханты-Мансийском автономном округе.

Рис. 2 Секция «Историко-культурное наследие Арктики, Сибири и Дальнего Востока»: участники (фото В. Алексеева).

Особенно заинтересовало присутствующих сообщение О.Н. Запороцкого (РОО «Тхсаном», г. Петропавловск-Камчатский) об обрядовом празднике ительменов «Алхалалалай», традиции которого уходят в глубокую древность (рис. 3).

Рис. 3. Секция «Историко-культурное наследие Арктики, Сибири и Дальнего Востока»: с докладом выступает О.Н. Запороцкий (фото И.Ю. Понкратова).

Праздник был возрожден активом региональной общественной организации «Совет ительменов Камчатки «Тхсаном» (с. Ковран, Тигильский район), и в 2023 г. отметил свой 35-летний юбилей. За этот период Алхалалалай стал массовым и занял достойное место в мероприятиях населения Камчатки.

Результатам этнографических исследований были посвящены доклады Л.Н. Хаховской, Н.В. Мальцевой и В.А. Белокопытовой, Л.Н. Жуковой, О.П. Коломиец. Были представлены исторические факты о рассохинских эвенах – потомственных оленеводах Магаданской области, которые и сегодня сохраняют самоидентичность; проанализированы артефакты колымских поздненеолитических захоронений в этнокультурных материалах юкагиров; продемонстрированы представления о «малой родине» у жителей Чукотки; предложена история этнографических исследований на Крайнем Северо-Востоке России.

Межкультурное взаимодействие и межэтнические отношения русских священнослужителей-первопроходцев и коренных народов Арктики на примере г. Гижигинск (XVIII–XX вв.) – предмет исследования О.П. Федирко (ИИАиЭ ДВ ДВО РАН, г. Владивосток). По ее мнению, православные священнослужители в условиях локального пространства русского города оказывали значительное влияние на формирование местного микроклимата во взаимоотношениях русских с местным населением.

П.И. Цыбулькин (Магаданское региональное отделение «Союз писателей России», г. Магадан) рассказал о соперничестве США и России в освоении Арктического региона в конце 1980-х гг., когда на территории Северо-Востока России действовала программа «народной демократии». Анализ ее результатов показал, что США использовали ее механизмы не в соответствии с заявленными целями, а в интересах своей экономики, бизнеса, в военных целях. При этом России, включая коренное население, был нанесен значительный ущерб в различных жизненных сферах. По мнению автора, в процессе дальнейшего развития проектов по освоению арктических территорий, прежде всего, в контактах с зарубежными партнёрами, следует учесть допущенные ошибки.

2. *«Научные исследования Арктики, коренные народы Арктики и проблема их устойчивого развития, туризм в Арктике».* Особенности

физического развития населения арктических регионов, влияние неблагоприятных условий на человека и возможность их компенсации, генетические соотношения коренного и пришлого населения Северо-Востока стали предметом обсуждения в докладах И.В. Аверьяновой, О.О. Алёшиной, И.Н. Безменовой, С.И. Вдовенко.

Проблемы и оценка рисков изменения климата, влияние глобального потепления на экологию арктических регионов, строительство были озвучены в докладах А.А. Лисиной, научного коллектива под руководством О.М. Макарьевой, В.В. Арно, А.А. Башковой.

Обсуждались вопросы истории исследований в северных регионах (Г.А. Пустовойт, Е.А. Шкатова), туризма (Н.Е. Ломакина).

Правовой статус в России Северного морского пути был проанализирован в докладе А.Р. Баласаняна.

3. *«Наука в исследованиях молодых».* Молодые ученые – аспиранты, магистранты, студенты обсуждали вопросы, связанные историографией арктических исследований, археологическими и этнографическими коллекциями, музейными экспозициями, использованием своевременных технологий (искусственный интеллект) для восстановления особенностей археологических объектов и др.

Часть докладов была представлена в стендовом формате на баннерах, участники Конференции смогли обсудить результаты исследований дополнительно в неформальном общении.

Кроме того, студенты Политехнического института СВГУ обсудили разработку новых технологий для внедрения их в образовательный процесс (чат-боты, искусственный интеллект и пр.), использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в решении задач горной промышленности на территории Арктики и пр.

Необходимо отметить, что часть представленных на Конференции исследований проводилась при поддержке РНФ – проекты: «Человек в архаичном искусстве Северной Евразии: смена парадигмы» (https://rscf.ru/project/23-28-00140/); «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (https://rscf.ru/project/22-18-00319/№22-18-00319); «Цифровая дендроархеология: новейшие методики пробоподготовки и датирования археологической древесины и углей бореальной зоны Евразии» (https://rscf.ru/project/23-78-10118/); «Оценка рисков опасных

явлений для инфраструктуры Магаданской области, вызванных климатически- и антропогенно-обусловленной трансформацией многолетнемерзлых пород» (https://rscf.ru/project/23-17-20011/), и ВОО «РГО» – проект «Гижигинская археологическая экспедиция» (№№ 13/2020-Р, 33/2022-И).

Конференция завершилась Пленарной сессией, на которой участники подвели итоги и отметили необходимость продолжения подобных встреч для обмена опытом исследовательской и практической деятельности, развития всероссийского научного сотрудничества. Поступило предложение сделать Конференцию регулярной.

Перед участниками Конференции выступил национальный ансамбль ЯрарТор (руководитель А.К. Кай-Рябова).

Во время работы Конференции демонстрировались:

– выставка книг «Историческое и культурное наследие Севера Дальнего Востока России»;

– экспозиции «Город Гижигинск: открытия последних лет» и «Каменный век полуострова Камчатка» в основу которых легли исследования ученых СВГУ.

В рамках конференции гости посетили экспозиции ГАУК «Магаданский областной краеведческий музей», ФГБУН «Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило» ДВО РАН. Для тех, кто впервые посетил Магадан, была организована экскурсия по городу и памятным местам.

Материалы докладов участников публикуются в сборнике конференции и на сайте СВГУ[9]. События конференции освещались в СМИ[10].

[9] Конференция «Арктика – природные условия и культурные адаптации в конце плейстоцена – голоцене» // Северо-Восточный государственный университет Официальный сайт: [сайт]. URL: https://www.svgu.ru/pub/11 (дата обращения: 20.04.2024).

[10] Северо-Восточный госуниверситет проводит научно-практическую конференцию, посвященную исследованию Арктики // Колыма-плюс: [сайт]. URL: https://kolymaplus.ru/news/severo-vostochnyj-gosuniversitet-provodit-nauchno-prakticheskuyu-konferenciyu-posvyashennuyu-issledovaniyu-arktiki/ (дата обращения: 20.04.2024); Развитию Арктики с древнейших времен и до наших дней посвятили большую научную конференцию в Магадане // Магаданская правда: [сайт]. URL: https://www.magadanpravda.ru/lenta-novostej/nauka/razvitiyu-arktiki-s-drevnejshikh-vremen-i-do-nashikh-dnej-posvyatili-bolshuyu-nauchnuyu-konferentsiyu-v-magadane (дата обращения: 20.04.2024); НПК в Магадане: Алхалалалай, стеклянные бусины и тайны неолита // Magadanmedia: [сайт]. URL: https://magadanmedia.ru/news/1712623/ (дата обращения: 20.04.2024).

Благодарности

Благодарим участников за представленные доклады, председателей секций – за ведение плодотворных дискуссий; волонтеров – за помощь в организации работы секций; за техническую поддержку (сайт конференции, обеспечение он-лайн трансляции) – группу разработки и внедрения IT-центра СВГУ под руководством В.К. Копченко; за оформление конференции (баннеры, программа, благодарственные письма) – заслуженного художника РФ В.В. Мягкова и ООО «Афина»; за информационное сопровождение конференции – И.А. Марсенич и студенческий медиацентр СВЭГАЧ, а также индивидуальных предпринимателей – В.Н. Сергеева, В.В. Шиберта, М.А. Смирнову.

Сведения об авторах / Information about authors

Шкатова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник научного отдела, доцент кафедры педагогики и валеологии. Северо-Восточный государственный университет.
E-mail: ea1974@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3746-280X
Понкратова Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук. Северо-Восточный государственный университет.
E-mail: ponkratova1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3410-3430
Лебедева Любовь Сергеевна – специалист по УМР отдела аспирантуры. Северо-Восточный государственный университет.
E-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2441-7284
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Shkatova Elena A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific Department, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Valeology. Northeastern State University.
E-mail: ea1974@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3746-280X
Ponkratova Irina Yu. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Scientific Department, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities. Northeastern State University.
E-mail: ponkratova1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3410-3430
Lebedeva Lyubov S. – Specialist of the Department of Postgraduate Studies. Northeastern State University.
E-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2441-7284
Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024. Одобрена после рецензирования 25.04.2024. Принята 27.04.2024.
Received 25.04.2024. Approved after reviewing 25.04.2024. Accepted 27.04.2024.

«Россия в глобальном мире»

Том 27. Выпуск 2

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

«Russia in the Global World»

Volume 27. Issue 2

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
"St. Petersburg State Polytechnic University"

License of the registered online media outlet El No. ФС77-84167 dated 09.11.22

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики https://russiaglobal.spbstu.ru/. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить кратнкий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее двенадцати**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.Je. Nekotorye svedenija ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufijskogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at http://kremlin.ru (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij torgovo jekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки ***на все источники*** из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции https://russiaglobal.spbstu.ru/, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого двойного рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru